

Приложеніе къ Русскому Архиву 1883.



Рис. Гравюра Шерера, Габриелли и К. в. Мюнхен.

ГРАФЪ ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ

(1739-1812.)

ГРАФЪ ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ.



Въ 1739 году, въ Малоросіи, у бунчуковаго товарища Василя Ѳеодоровича Завадовскаго ¹⁾ родился второй сынъ Петръ, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ достопамятныхъ лицъ Русской исторіи и прославиться обширнымъ умомъ, горячею любовію къ отечеству и высокими государственными заслугами. Впрочемъ, до нашихъ дней Русская исторіографія не относилась къ нему съ должнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, и только дружеская переписка его съ графами Воронцовыми, сдѣлавшаяся извѣстною въ 1877 г., обрисовала этого государственнаго человѣка въ его высокомъ достоинствѣ ²⁾.

Отецъ графа Завадовскаго былъ довольно крупнымъ владѣльцемъ и имѣлъ до 800 крестьянъ. Село Дохновичи, Стародубскаго повѣта, данное дѣду его войсковому товарищу Якову Завадовскому за службу 15-го Сентября 1688 года гетманомъ Мазепою, село Красновичи (съ учрежденіемъ Суражскаго уѣзда, вошедшее въ составъ его) и село

¹⁾ а) Паспортъ отъ генераль-майора, губернатора фонъ-Кенедехъ 1727 г.; б) паспортъ отъ генераль-лейтенанта лейбъ-гвардіи подполковника барона Густава фонъ-Бирона бунчуковому товарищу Василю Завадовскому на свободный проѣздъ изъ Польши въ Стародубъ 1739 г. Сентября 10. (Изъ фамильныхъ бумагъ).

²⁾ Архивъ князя Воронцова, книги XII и XXIV. Первая изъ этихъ книгъ почти вся залита письмами графа Завадовскаго; въ другой, вышедшей въ 1880 году, помѣщены важныя, вновь найденныя, дополненія. Пользуясь этими книгами, мы не имѣемъ надобности дѣлать постоянныя ссылки на страницы, такъ какъ при самыхъ книгахъ имѣются указатели. Письма графа Завадовскаго, по ихъ полнотѣ и обстоятельности, представляютъ собою настоящую автобіографію, полную искренности и очень важную для исторіи того времени. Дѣла общія, благо родины, постоянно занимали графа Завадовскаго и благородныхъ друзей его.

Житня (Мглипскаго повѣта) составляли родовое наслѣдіе бунчуковаго товарища Завадовскаго ³⁾.

Женатъ былъ Василій Ѳедоровичъ на дочери подкоморія Михаила Ширая, который пользовался большимъ уваженіемъ и извѣстенъ былъ своимъ остроуміемъ ⁴⁾.

Странно, что В. Ѳ. Завадовскій избралъ для жительства неприглядныя Красновичи, среди лѣсовъ, въ глуши. Обиліе строительнаго матеріала и удобства охоты, или религіозное чувство тянуло его ближе къ Суражскому монастырю (гдѣ чествовалась чудотворная икона Ново-Дворской Божіей Матери, писанная св. митрополитомъ Петромъ), рѣшить трудно ⁵⁾.

Не особенно приглядно смотрѣла усадьба Завадовскаго: семи-оконный деревянный домъ съ высокою тесовою крышею, небольшою саженью съ старыми липами, возлѣ дома небольшая деревянная церковь, имъ выстроенная, и все это на низинѣ, окруженной лѣсомъ. Куда ни взгляни,—все лѣсъ и равнина. За то и теперь тамъ приволье охотнику; а въ то время медвѣдь, лось, дикая коза, кабанъ, лисица, свободно ютились въ тущобахъ и лѣсахъ, покрывавшихъ почти весь нынѣшній Суражскій уѣздъ.

Семья Завадовскаго умножалась. У Завадовскаго были сыновья: Иванъ (генераль-маіоръ), Петръ, Яковъ (Новгородсѣверскій губернаторъ), Илья (премьеръ-маіоръ) и Данила, слѣпецъ, умершій въ Красновичахъ и погребенный въ алтарѣ Красновичской церкви; дочери: Марина въ замужествѣ за Покорскимъ-Журавкою и Марія за Ершовеичемъ. Тесть его Ширая взялъ старшихъ дѣтей къ себѣ для науки, а потомъ отправилъ ихъ въ Іезуитское училище въ Оршу, откуда второй сынъ Петръ, для окончательнаго образованія, поступилъ въ Кіевскую Академію.

«Онъ настолько пристрастился къ изученію Латинскихъ классиковъ, что чтеніе ихъ составляло любимое упражненіе его въ жизни и

³⁾ Универсалъ гетмана Мазепы 15 Сентября 1688 г. Дѣло Новгородсѣверской Дворянской Комиссіи. О происхожденіи Завадовскаго свидѣнія сбивчивы и не точны. Казадаевъ называетъ его сыномъ бѣднаго офицера Малороссійскихъ войскъ. Въ „Исторіи правовъ XVIII вѣка“ называется онъ сыномъ священника, причѣмъ сложена такая басня, будто отецъ привезъ его къ графу Разумовскому, гдѣ онъ и Безбородко были служителями; Богдановичъ и Гречъ называютъ его сыномъ казака, а даже кто-то сыномъ дьячка.

⁴⁾ Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 г.

⁵⁾ Монастырь Суражскій нынѣ упраздненъ. Одна изъ трехъ церквей вѣсть съ иконою перенесена въ гор. Суражъ. Слѣды монастыря исчезли. Тамъ, гдѣ приносилась безкровная жертва, нынѣ радивый о своемъ благосостояніи мужичекъ подмонастырскаго слободки безъ разбора укладываетъ скотскій пометь, чтобъ удобрить свою ниву.

развлеченіе при его государственныхъ занятіяхъ⁶⁾. Благодаря этому знакомству, онъ выработалъ свою письменную рѣчь и придалъ ей своеобразную выразительность, чѣмъ, какъ увидимъ ниже, и открылъ себѣ дорогу.

По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, въ 1760 году, еще при гетманѣ графѣ Разумовскомъ, юноша Завадовскій поступилъ на службу въ Малороссійскую Коллегію.

Слѣдующій случай выдвинулъ Завадовскаго и заставилъ обратить на него вниманіе графа Румянцова, принявшаго управленіе Малороссією въ 1765 году.

Румянцовъ правилъ Малороссією, живя въ Глуховѣ, гдѣ занималъ огромный домъ, въ которомъ помѣщалась канцелярія. Въ этой канцеляріи молодой Завадовскій былъ начальникомъ отдѣленія. Однажды Румянцовъ получилъ съ курьеромъ повелѣніе Императрицы доставить краткую записку изъ какого-то секретнаго дѣла. Румянцовъ звонитъ, входитъ Завадовскій, бывший тогда дежурнымъ. «Правитель канцеляріи?» — «Его нѣтъ». — «Пошли его отыскать». Черезъ нѣкоторое время Румянцовъ снова звонитъ. «Что правитель канцеляріи?» спрашиваетъ онъ вошедшаго Завадовскаго. — «Еще нѣтъ, в. с—во». — «Какъ придетъ, отдай это, чтобъ немедленно составилъ записку». Нетерпѣливый Румянцовъ вскорѣ однако самъ пошелъ въ канцелярію и, заставъ Завадовскаго за работой, спросилъ: «Что ты пишешь?» — «Составляю записку, в. с—во; это дѣло у меня». — «Покажи». Румянцовъ прочиталъ. «Хорошо, перебѣли». Завадовскій переписалъ, и записка отправлена къ Императрицѣ. Снова прискакалъ курьеръ къ Румянцову. «Кто составлялъ записку?» спрашивала Екатерина: «я первую дѣловую записку читала съ такимъ удовольствіемъ».

Послѣ этого Румянцовъ назначилъ Завадовскаго правителемъ своей секретной канцеляріи.

Въ этой должности Завадовскій становился еще ближе къ Румянцову, который далъ ему хорошую подготовку для будущей государственной дѣятельности. «Вѣрное и свѣтлое представленіе всякаго дѣла, быстрое соображеніе, отличавшія Румянцова, дали въ немъ хорошій образецъ для молодаго и внимательнаго Завадовскаго⁷⁾. Румянцовъ говорилъ скоро, глоталъ слова. Завадовскій внимательно слушалъ его, съ карандашомъ въ рукахъ, уединялся въ уголокъ, и у него выходило блестящее изложеніе дѣла. Онъ до того освоился съ

⁶⁾ Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 г.

⁷⁾ Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 г.

рѣчью Румянцова, что ему стоило уловить нѣсколько словъ, чтобъ объять его мысль и систематически ее изложить.

Въ должности правителя секретной канцеляріи графа Румянцова, Завадовскій во время Турецкой войны принималъ участіе и въ славныхъ подвигахъ нашей арміи. Такъ въ 1769 г. онъ съ небольшимъ отрядомъ охранялъ берега Днѣстра; подъ Бендерами (12 Октября) нѣсколько разъ отбивалъ Турокъ и произведенъ былъ за то въ премьерь-майоры; 3-го Сентября 1773 г. подъ Гирсовымъ преслѣдовалъ съ казаками непріятеля. Въ слѣдующемъ году отличался онъ въ битвахъ при Ларгѣ и при Кагулѣ, гдѣ нашъ восемнадцатитысячный корпусъ разбилъ 150,000 Турокъ. За атаку Сидистрійскихъ укрѣпленій, онъ былъ пожалованъ въ полковники.

Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ былъ написанъ Завадовскимъ совмѣстно съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, а этотъ миръ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ великихъ событій прошедшаго вѣка. Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ залѣ, гдѣ красуется славная «Статуя Мира» Кановы, изображена сцена заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора; за Румянцовымъ стоятъ его ближайшіе сотрудники: графъ С. Р. Воронцовъ, Безбородко и Завадовскій.

Задунайскій герой былъ человекъ характера тяжелого и скрытнаго; причину его гнѣва иной разъ угадать было трудно. Завадовскому приходилось испытывать тяжесть этого характера. Надо было быть Завадовскимъ, чтобъ откинуть изъ памяти все непріятное и удержать только благоговѣніе передъ гениальными способностями Румянцова и признательность за сдѣланное добро. Пріятель его графъ С. Р. Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что ему почти не приходилось видѣть Завадовскаго спокойнымъ. Когда Румянцовъ заболѣлъ, Завадовскій пишетъ: (изъ Фокшанъ, въ Августѣ 1774 г.) «Я никакого уже въ себѣ чувства болѣе не имѣю, кромѣ скорби безмѣрной, видя его муку. Я ничего тягостнѣе въ моей жизни не переносилъ, какъ сей есть случай, что вижу моего благодѣтеля въ столь жалостномъ состояніи. Я бы еще хотѣлъ претерпѣть мою третьягоднюю болѣзнь (гнилую горячку), лишь бы тѣмъ подать ему малѣйшее облегченіе». Надо было имѣть его твердый характеръ и глубокое сознаніе правоты, чтобъ не малодушествовать передъ гнѣвомъ Румянцова: «пусть падетъ хотя бы и небо, оно задавитъ меня, однакожь безстрашно» *).

Румянцовъ понималъ и цѣнилъ эти качества; ихъ цѣнили всѣ, знавшіе Завадовскаго, который пользовался общимъ расположеніемъ,

*) Архивъ кн. Воронцова ХХIV, 143—147.

какъ видно изъ письма Безбородки къ своему отцу, отъ 26 Сентября 1772 г., въ которомъ онъ извѣщалъ, что болѣзнь Завадовскаго «чуть было не лишила насъ сего любезнаго друга» ⁹⁾. Румянцовъ, по окончаніи войны, хлопоталъ о Завадовскомъ и писалъ о немъ Потемкину, указывая, что личныя качества Завадовскаго самому ему хорошо извѣстны. И дѣйствительно, Потемкинъ, близко съ нимъ познакомившійся въ Турецкую войну, зналъ и цѣнилъ ихъ въ Завадовскомъ и, сдѣлавшись президентомъ Военной Коллеги, самъ предложилъ ему новое, болѣе выгодное мѣсто. Но въ письмахъ своихъ потомъ къ Завадовскому Потемкинъ ни словомъ не напоминалъ о своемъ предложеніи, изъ чего Завадовскій и заключалъ, что оно сдѣлано было въ минуту гнѣва на кого-нибудь, и коль скоро гнѣвъ утихъ, намѣреніе о перемѣнѣ исчезло. Румянцовъ же въ письмѣ къ Потемкину указывалъ особенно на недостатокъ матеріальныхъ средствъ Завадовскаго и просилъ испрошать ему за службу имѣніе ¹⁰⁾.

Продолжая состоять при Румянцовѣ и по окончаніи войны, Завадовскій имѣлъ въ своемъ начальствѣ Старооскольскій полкъ, состояніе котораго очень его заботило. Онъ хвалился передъ Воронцовымъ изыществомъ сбруи своего полка, посылалъ къ Воронцову изучить секретъ чищенья ружей и сумокъ, заботился о подборѣ рослыхъ людей; жаловался, что послѣ посѣщенія Рахманова въ его полку не осталось ни одного человѣка 9-ти вершковъ, почему долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости: 10 человѣкъ рослыхъ скрывать, чтобъ ихъ не отняли, о чемъ однако довелъ онъ до свѣдѣнія фельдмаршала. Точно также заботился онъ и о хорошемъ содержаніи людей, не дѣлая изъ того для себя прибыли ¹¹⁾.

Румянцовъ, посылая Императрицѣ султанскую ратификацію мира, рекомендовалъ ей генераловъ, «трудами и подвигами своими отличившихся», и въ томъ числѣ указалъ на полковника Завадовскаго.

10-го Іюля 1775 г., въ день мирнаго торжества, Завадовскій получилъ Георгія 4-й степени и, по ходатайству Румянцова, имѣніе Ляличи, смежное съ родными для него Красновичами ¹²⁾.

Екатерина, отдавая справедливость Румянцову въ выборѣ людей и замѣчая въ донесеніяхъ его болѣе склада, чѣмъ въ реляціяхъ Семилѣтней войны, просила его указать на молодыхъ людей для занятія должности ея кабинетъ-секретарей. Румянцовъ указалъ ей на Зава-

⁹⁾ Р. Арх. 1874, стр. 594.

¹⁰⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 147 и XII, 7.

¹¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 146 и 149.

¹²⁾ Архивъ кн. Воронцова, XII, 253.

довскаго и Безбородку. Зная про негласныя, но близкія отношенія генеральнаго полководца къ Павлу Петровичу (въ то время уже женатому), Екатерина могла, перемѣщеніемъ къ себѣ Завадовскаго и Безбородки, такъ сказать, обезвредить для себя человѣка, перваго по значенію общественному въ Россіи и наполнявшаго всю Европу славою своего имени.

Сохранилось слѣдующее преданіе. Когда Румянцовъ, прибывъ въ Москву (гдѣ отказался отъ торжественнаго въѣзда) ѣхалъ въ придворной каретѣ къ Императрицѣ, жившей тогда въ домѣ князя Голицына (у Пречистенскихъ воротъ), противъ него сидѣлъ Завадовскій, котораго, быть можетъ, онъ взялъ на случай объясненій и справокъ. Императрица встрѣтила побѣдителя на крыльцѣ и поцѣловала его. Затѣмъ она обратила вниманіе на красавца-полковника, который стоялъ пораженный этою величественною въ своей простотѣ сценою и самымъ видомъ Императрицы. Румянцовъ, замѣтивъ любопытство Государыни, представилъ ей Завадовскаго какъ человѣка, раздѣлявшаго въ продолженіи десяти лѣтъ его труды. Императрица тутъ же пожаловала Завадовскому брилліантовый перстень со своимъ именемъ «Екатерина»....

Это сближеніе относится къ срединѣ 1775 г. Государыня страстно полюбила тридцатилѣтняго красиваго, умнаго, отлично образованнаго и добросердечнаго Завадовскаго. Она немедленно приобщила его къ дѣламъ управленія. Завадовскимъ писанъ манифестъ объ учрежденіи губерній (Ноябрь 1775 г.) Онъ сдѣлался главнымъ дѣльцемъ; къ нему отовсюду поступали прошенія и присылались письма (какъ показываютъ бумаги его, относящіяся къ тому времени и напечатанныя въ XXVI-й книгѣ Архива Князя Воронцова).

Завадовскій былъ очарованъ: ему, сыну скромнаго помѣщика, отдалась повелительница его родины, Монархиня, передъ которою преклонялась Европа и благоговѣлъ весь образованный міръ. Онъ, не испытавъ до сего любви, весь отдался своему чувству и въ немъ черпалъ себѣ полное удовлетвореніе, не думая о будущемъ. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ любимцевъ, которые устраивали свои и другихъ дѣла и тѣмъ подготовляли себѣ связи. Быть орудіемъ и злоупотреблять для того любовью, ему казалось низкимъ. Вотъ почему онъ не только ничего не устроилъ для себя, но даже и для своего друга графа С. Р. Воронцова, котораго положеніе ему было дороже собственнаго.

«Я живу», писалъ онъ 5 Марта 1777 г. Воронцову, «покоряя разсудокъ уваженію, не мѣряя себя съ тѣми, кои меня выше, но сравнивая себя съ таковыми, которыхъ я счастьемъ превзошелъ несравненно».

Впослѣдствіи графъ Воронцовъ удостовѣрялъ молодаго Кочубея, что изъ всѣхъ любимцевъ Екатерины, Завадовскій и Ермоловъ отличались наибольшею скромностію. Эта черта въ Ермоловѣ была любезна Завадовскому, и съ нимъ онъ велъ знакомство. Современникъ Завадовскаго, служившій при немъ, Н. С. Ильинскій, оставилъ о немъ слѣдующую характеристику: «Онъ былъ человекъ добрый, честный, кроткій и, при всемъ своемъ умѣ, негордый и ненадменный»¹³⁾.

Къ Рождеству 1775 г. Государыня возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ, и въ ея свитѣ были уже двое новыхъ кабинетъ-секретаря, Безбородко и Завадовскій. Это смущало Потемкина, тѣмъ болѣе, что оба новобранца пользовались покровительствомъ Румянцева и графа Разумовскаго и приобрѣли расположеніе князя Орлова.

2-го Января 1776 г. Завадовскій произведенъ былъ въ генераль-майоры и назначенъ генераль-адъютантомъ. 26-го Января Герольдмейстерская Контора требовала отъ Военной Коллегіи сообщенія о прохожденіи службы «полковниковъ Завадовскаго и Безбородко, находящихся у принятія, подаваемыхъ Ея Императорскому Величеству челобитенъ». Значить, имѣлись въ виду для нихъ новыя отличія. Сближеніе Екатерины съ Завадовскимъ дѣлалось замѣтнымъ. Къ Потемкину стали относиться холоднаѣ. Многіе съ нетерпѣніемъ ожидали, когда новый любимецъ замѣнитъ «всесильнаго временщика». Потемкинъ, желая испытать чувства и намѣренія Екатерины, разыгралъ роль обиженнаго и сталъ проситься въ Новгородскую губернію для осмотра войскъ. Его отпустили безъ возраженій. Онъ уѣхалъ въ Апрѣль 1776 года, и Завадовскій вслѣдъ за тѣмъ получилъ въ Могилевской губерніи Августовскую экономію, 4000 душъ, и помѣщеніе во дворцѣ. Потемкинъ сталъ строить козни, распускать сплетни. Ему помогала княгиня Дашкова.

Потемкинъ, вернувшись изъ своего Новгородскаго путешествія, нашелъ соперника своего въ силѣ.

Полагаютъ, что Завадовскій, при своемъ умѣ, образованіи и находчивости, могъ бы долѣе пользоваться своимъ успѣхомъ, и Потемкинъ менѣе бы успѣвалъ въ своихъ козняхъ, еслибъ тотъ не примкнулъ къ Орловымъ, т.-е. къ враждебной Потемкину партіи, для обезпеченія своего положенія, и сумѣлъ скрыть эту приверженность свою къ Орловымъ. Такой выводъ едва ли вѣренъ. Въ Орловыхъ видѣлъ Завадовскій людей, преданныхъ отечеству. Онъ со скорбію писалъ Воронцову: «кромѣ двухъ Орловыхъ я не вижу, кого бы интересовалъ жребій отчизны».

¹³⁾ Записки Н. С. Ильинскаго, Р. Арх. 1879, III, 414.

Вотъ что притянуло его къ Орловымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, невыносимые для него самовластіе и надменность отталкивали его отъ Потемкина. Интригами и расчетами обезпечить положеніе свое Завадовскій не могъ: это путь былъ не его. Онъ вѣрилъ искренности чувствъ Екатерины, вѣрилъ ей клятвамъ. И когда, ближе знакомый со дворомъ и людскими слабостями, другъ его графъ Воронцовъ предостерегалъ его противъ коварства и измѣны, Завадовскій оставался глухъ къ этимъ предостереженіямъ. Потемкинъ, убѣдившись, что чувства къ нему перемѣнились, что возвратить расположеніе Екатерины ему невозможно, началъ другую игру. Онъ принялъ видъ человѣка, спокойно уступившаго мѣсто. Но, интригуя противъ Завадовскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ заботиться о замѣнѣ его человѣкомъ менѣе для себя опаснымъ; а чтобы чувства къ любимцамъ не крѣпли и не упрочивались, онъ разсчиталъ, что не слѣдуетъ давать имъ на этомъ мѣстѣ засиживаться. Угождая слабостямъ Екатерины всѣми способами и, быть можетъ, тѣмъ развивая ихъ, онъ дѣлался ей необходимымъ. Къ тому же пышность двора и празднествъ, на которыя не было лучшаго мастера, какъ Потемкинъ, его неистощимое остроуміе и веселость, давали ему извѣстную цѣну, а видимое спокойствіе, съ которымъ онъ уступалъ свое мѣсто, не представляло повода къ его устраненію. Между тѣмъ за два года оцѣненъ его умъ и способности по многимъ государственнымъ дѣламъ. Если тайный бракъ Екатерины съ Потемкинымъ дѣйствительно существовалъ, то, конечно, это можетъ служить разгадкою его вліянія на Императрицу и въ данномъ случаѣ.

Завадовскому же дворъ съ его интригами былъ тягостенъ. Отношенія Екатерины къ сыну его смущали. Онъ оказывалъ наследнику престола высокое уваженіе и цѣнилъ его вниманіе. «Къ утѣшенію своему я прибавку имѣю, что великій князь сталъ со мною милостиво разговаривать». Немудрено, что и это ставилось ему въ укоръ. Попавъ ко двору, безъ связей, въ новую для себя сферу, Завадовскій чувствовалъ себя неловко. Перемѣниться онъ не могъ. «Позналъ я дворъ и людей съ худой стороны, но не измѣнюсь нравомъ ни для чего, ибо ничѣмъ не прельщаюсь». «Въ моемъ состояніи надобно ослиное терпѣніе». Такъ писалъ онъ Воронцову, упрашивая его возвратиться изъ Итали. «Пріѣзжай, Сенюшенька, я тебя нивѣсь какъ прошу». «Знай, что когда къ осени не возвратишься, я съѣмъ твой портретъ, который теперь непрестанно цѣлую вмѣсто тебя». Ему нужна была нравственная поддержка, нужею былъ человѣкъ, которому бы онъ могъ разсказать, что накопилось на сердцѣ. Воронцовъ ободрялъ его, указывая на его личныя достоинства и добродѣтели. «Не клади столь много надеждъ на добродѣтели, кои мнѣ приписываешь. Онѣ

суть угѣшеніе любомудрецамъ, а не достоинство свѣта». «Кротость и умѣренность не годятся при дворѣ; почитая всякаго, самъ отъ всѣхъ будешь презрѣнъ. Не говорю, чтобъ я хотѣлъ перемѣнить для сего мой нравъ; но пишу для того, что не надобно удивляться, если фавориты носили видъ гордый».

И, дѣйствительно, Завадовскаго не измѣнили его положеніе и та школа, въ какую попалъ онъ. Лестъ не обольстила его, и онъ по прежнему оставался строгъ къ себѣ. Такъ писалъ онъ въ Мартѣ 1777 г. Воронцову: «Ты чрезмѣрно превознесишь мои способности и мои добродѣтели. Я ихъ не имѣю; но ты меня любишь горячо, слѣдственно хочешь, чтобы во мнѣ все было наилучшее. Я умѣю оцѣнить твои чувства, я съ ними сливаю мои». Вотъ почему, при полномъ удовлетвореніи со стороны сердца, Завадовскій не могъ считать себя вполне благополучнымъ. Впрочемъ, при его «умѣренности», какъ выражался онъ, онъ довольствовался и этимъ. «Чтобъ я всемъ сердцемъ былъ доволенъ, этого сказать не могу. Но, сравнивая себя съ тѣми, которые меня ниже, благодарю за все Бога». Такъ писалъ онъ въ 1776 году.

Распускаемые, быть можетъ, благодаря Потемкину, неблагопріятные слухи о Завадовскомъ достигали до графа Воронцова, находившагося въ Италіи, и онъ спѣшилъ предупредить своего друга добрымъ совѣтомъ. По поводу одного изъ такихъ предостереженій противъ карточной игры, Завадовскій описываетъ свой день. «Утромъ отъ 9 часовъ до обѣда передъ лицомъ Государыни. Послѣ обѣда почти до четырехъ часовъ у нея же; седьмой и восьмой часы провождаются въ большомъ собраніи. По окончаніи сего я опять бываю у Государыни и отъ десятаго часа уже не выхожу изъ комнаты своей. Давъ тебѣ отчетъ вѣрный за цѣлый день, я теперь тебя спрашиваю, когда же мнѣ возможно сыграть 16-ть робертовъ? Лгутъ, Сенюшенька; а любовь твоя ко мнѣ заставляетъ и тебя быть легковѣрнымъ. Право, я не наживу имя игрока. Я тѣже правила давно уже присвоилъ, которыхъ справедливость ты толкуешь еще мнѣ внятнѣе. Въ тѣ часы, когда всѣ играютъ, по необходимости должно принять карты, чтобъ не представлять во весь ростъ болвана. Въ удостовѣреніе свое спроси графиню Екатерину Михайловну ⁽¹⁾ игрокъ ли я и какъ часто она меня въ игрѣ видитъ? Однако же и ей (Государынѣ) и мнѣ пріятно было видѣть, что мои погрѣшности и пороки столь строго тебя, любезный другъ, трогаютъ».

⁽¹⁾ Графиню Румянцову, супругу фельдмаршала, которая жила обыкновенно въ Петербургѣ.

Люди; болѣе снисходительные къ другимъ, всегда строги къ себѣ. Такимъ былъ и Завадовскій. Боясь незамѣтно для себя уклониться отъ развѣ усвоенныхъ правилъ въ жизни, онъ съ признательностію принималъ предостереженія Воронцова. «Я прошу навсегда, писалъ онъ, обличай меня. Не раны ты тѣмъ мнѣ дѣлаешь, но умножаешь во мнѣ къ тебѣ чистую любовь. Но токмо помни и то, что на меня и на поступки мои теперь смотрятъ въ микроскопъ, и оттого три роберта кажутся за 16». «Пожалуй далѣе дружескими своими наставленіями меня формируй. Увѣщевать и быть увѣщываему есть прямое свойство искренней дружбы. Въ семъ видѣ я полнымъ чувствомъ приѣмлю твое». «О, другъ милый, ты отрицаешься отъ своихъ мнѣ благодѣяній. Развѣ вразумлять человѣка и пещись о просвѣщеніи его ума не есть благотвореніе и больше всѣхъ даровъ? А ты сіе всегда для меня дѣлалъ и дѣлать не перестаешь».

Однако, интриги Потемкина отъ публики не скрывались, и объ удаленіи Завадовскаго пророчилъ Петербургъ и повторяла Москва. Еще въ 1776 г. Завадовскій писалъ, что Саксонецъ Нейбушъ привѣзжалъ видѣть его въ упадкѣ. Завадовскій тосковалъ. Отсутствіе занятій еще болѣе усиливало скуку. «Ты знаешь, что я любилъ упражняться моимъ дѣломъ, но здѣсь я не имѣю никакихъ». Еще въ первый годъ своего случая, присмотрѣвшись къ окружающимъ, «ко всѣмъ боярамъ, большимъ по чинамъ, а не духомъ», онъ писалъ Воронцову, что не прочитъ себя для Петербурга. А въ 1777 году на него напала, что называется, хандра. «Я не могу ничѣмъ истребить скуки, которая весь веселый нравъ во мнѣ подавляетъ», писалъ онъ. «Смущаюсь такъ, власно, какъ бы я что-нибудь нехорошее для себя предчувствовалъ, хотя отнюдь не имѣю причины того ждаты или опасаться».

Безбородко въ письмѣ къ А. Р. Воронцову даетъ понятіе о нравѣ Завадовскаго по сравненію съ нимъ Ермолова. «Я боюсь, чтобъ тихій нравъ, отвращеніе отъ рѣзвости и нѣсколько строгое наблюденіе декораума, а притомъ, подозрѣваемая въ немъ, ревность,—свойства отчасти сходныя со свойствами нашего друга (Завадовскаго), не сократили фаворъ его». Не таковъ былъ предприимчиво-отважный Потемкинъ.

Но все-таки Завадовскій, при своихъ талантахъ, казался опаснымъ Потемкину. Мы не говоримъ о нравственныхъ его качествахъ: онъ не трогалъ никого. И вотъ въ головѣ Потемкина созрѣлъ планъ, какъ удалить Завадовскаго. Онъ искалъ только человѣка, которымъ могъ бы его замѣнить. Случай натолкнулъ его на Зорича.

*

Мы видѣли, что первымъ возвышеніемъ своимъ обязанъ Завадовскій Румянцову. Бантышъ-Каменскій замѣчаетъ, что «покровительству Румянцова Россія обязана славными министрами, Безбородкою и Завадовскимъ». Такъ понималъ и самъ Завадовскій. Онъ всегда называлъ Румянцова своимъ благодѣтелемъ. По словамъ Гельбига, привязанность Завадовскаго къ Румянцову была столь велика, что онъ, не смотря на приманку, какую могла имѣть для него новая служба при дворѣ, не хотѣлъ разставаться со своимъ благодѣтелемъ. Сдѣлавшись близокъ къ Екатеринѣ, онъ мучился, когда Румянцовъ своими поступками дразнилъ Государыню. «Вчера я съ нимъ изъяснялся наединѣ (писалъ онъ гр. С. Р. Воронцову въ 1776 г.), просилъ его усердно, чтобы онъ поступокъ свой передъ Государыней переимѣнилъ на привѣтливый. Правда, что послѣ сего онъ нѣсколько съ нею ласковѣе обходится; однакожь весьма еще далеко отъ того тону, на какомъ онъ былъ въ Москвѣ. Любезный Сенюшенька! Тебѣ знакомо мое сердце. Я все употребилъ и употребляю, чтобы до явнаго огорченія не дошло. Передъ нимъ я безъ отмѣны все тотъ же, котораго онъ при себѣ имѣлъ»¹⁵⁾. Это хорошо понималъ и Румянцовъ. «Завадовскій въ дружбѣ вѣренъ, никогда нигдѣ не былъ причиною несогласія; не таковъ Безбородко», говорилъ онъ.

Отзывы Румянцова о Завадовскомъ, что отъ него одного получаетъ доказательства благодарности и привязанности, доходили до Завадовскаго, о чемъ писалъ онъ Воронцову: «Я передъ нимъ, развѣ погрѣшилъ избыткомъ усердія, а онъ такъ обходится со мною, что гнѣвъ его на меня и сторонніе примѣчаютъ». «Я тебѣ не могу описать, сколько я мучусь сокрушеніемъ сердечнымъ, взирая на его поведеніе. Богу, видно, такъ угодно, лишать меня мало-по-малу всего того, что бы составить могло мое удовольствіе».

Но, видимо, увѣщанія Завадовскаго подѣйствовали на упрямаго его благодѣтеля, и въ слѣдующемъ письмѣ Завадовскій пишетъ: «Пріѣзжай съ Государынею получше. Противъ меня тотъ же (то есть гнѣвень). Да я радъ, лишь бы ея не прогнѣвлялъ, меня же онъ раздражить никогда не можетъ».

Примирительныя дѣйствія Завадовскаго вызвали замѣчаніе Екатерины, которая, въ пристрастіи своемъ, отдавала даже преимущество въ военномъ дѣлѣ князю А. М. Голицыну передъ Румянцовымъ. «Напрасно вы стараетесь находить средства сдѣлать его другомъ? Онъ не родился съ качествомъ для сего нужнымъ. Таланты его высоки, но душа...». «Всѣхъ совершенствъ, замѣчаетъ Завадовскій, не

¹⁵⁾ Арх. Ен. Воронцова XII, 8.

даетъ природа ни одному человѣку. Такимъ сдѣлать его, каковымъ быть ему надобно и любящимъ его особу и отечество желательно, никакъ нельзя, и вотще всё будутъ помышленія».

Немилость къ Румянцову сильно огорчала Завадовскаго. «Я только то прибавлю, писалъ онъ Воронцову въ Февралѣ 1784 года, что ты и самъ, читая роспись дарамъ, примѣтишь, что благодѣтель нашъ фельдмаршалъ спокойно, а непріятно долженъ провождать послѣднюю часть своего славнаго вѣка».

Сообщая объ отозваніи Румянцова и передачѣ послѣ взятія Очкова арміи Потѣмкину, Завадовскій прибавилъ: «Итакъ, мой другъ, видимъ въ наши времена состарѣвшагося Помпея и торжествующаго Цезаря, исключая, что не въ республикѣ и не по одинаковымъ предметамъ идутъ вещи. Видимъ Россійскаго Сципіона, загнаннаго въ деревню на смерть. Сей примѣръ во всемъ похожъ. Сообрази его и не удивляйся, что въ наши дни тоже случилось, что бывало въ просвѣщеннѣйшемъ народѣ, лѣтъ двѣ тысячи назадъ, въ доказательство несправедливости человѣческой». «Сколько ему причиняемо горести», писалъ онъ въ Іюнѣ 1791 г., «не хочу изображать. Къ его состоянію нѣтъ никакого уваженія: замаранъ всеми образы. Когда великія заслуги и преславные чинъ и имя пошли за ничто, то кого сей великій примѣръ не устрашитъ? Къ судьбамъ Сципіона и Велизарія и его судьбу приложить прилично». «Мнѣ его жаль душевно и по благодареніямъ, которыя отъ него имѣлъ, и по удостовѣренію о его превосходныхъ качествахъ величайшаго полководца, каковаго еще не имѣла изъ своихъ сыновъ Россія». Въ Мартѣ 1794 года Завадовскій писалъ: «Предполагая войну (съ Польшею), ниже помышляемъ о Румянцовѣ. По лѣтамъ хотя онъ въ тѣлѣ перемѣнился, но разумъ свѣжъ и тотъ же безъ малѣйшаго упадка. Одинъ онъ и есть, кто бъ могъ разстроенное поднять». «Жалка его участь: навлекъ гоненіе, что былъ достойнѣе всемогущаго» (Потемкина). Въ Іюлѣ того года онъ съ радостію сообщалъ Воронцову: «Польскій мятежъ, которому совершиться воспятилъ бы всякая другая голова, oprичъ Игельштромовой, произвела воскресеніе нашего благодѣтеля Задунайскаго, безъ чего закатъ его былъ бы безъ поворота». «Но то, мой другъ печально: какъ ни велики дарованія военныя фельдмаршала, но ему уже 70 лѣтъ; приложи къ тому десятилѣтнее страданіе, которое больше убиваетъ, чѣмъ вѣкъ и труды. Прочіе же воеводы весьма малы, чтобы не только его замѣнить, но ниже ходить по его слѣдамъ не поткнувшись». «Я же о томъ внутреннюю радость имѣю, что человѣкъ заслуженный и достойный не умретъ въ полномъ огорченіи. Я тебѣ не могу довольно пересказать, какъ

непомѣрная радость надо всѣми воздѣйствовала, когда слышали объ его начальствѣ, начиная отъ двора даже до улицы. Другъ-друга, поздравляя, цѣловали какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Не знаю, былъ ли кто у насъ, кто бы толикое возбуждалъ къ себѣ вниманіе. Въ семъ только случаѣ я примѣтилъ, что и Русская публика можетъ быть правосудна». Въ слѣдующемъ году Завадовскій два раза навѣщалъ своего благодѣтеля въ его деревнѣ и просиживалъ съ нимъ по суткамъ вдвоемъ. «Въ немъ старость не сокрыта; но голова еще держится. Мысль довольно свѣжа, хотя въ нравѣ огонь не прежній». Считая Румянцова своимъ благодѣтелемъ, Завадовскій желалъ увѣковѣчить память о немъ въ своемъ потомствѣ. Еще въ Апрѣлѣ 1793 года (т.-е. еще при жизни Румянцова) извѣщалъ онъ Воронцова, что отливавшаяся по его заказу, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, статуя Румянцова, работы художника Рашета, окончена и вышла прекрасно. «Я не хотѣлъ», пишетъ онъ, выставить здѣсь на показъ всѣмъ, чтобъ не протолковали укоризною, а отправилъ въ мою Малороссійскую деревню (Ляличи), гдѣ приготовленъ для нея храмъ, чтобы воздвигнуть памятникъ благодарности моей». Описывая уединенную жизнь свою въ деревнѣ, въ послѣдній годъ царствованія Павла, Завадовскій хвалится своими постройками: «а паче храмъ благодарности, въ которомъ поклоняюсь ежедневно статуѣ благодѣтеля моего графа П. А. Румянцова, изображающей похожимъ лицо и дѣла его». Въ круглой съ куполомъ колоннадѣ, на сѣромъ мраморномъ пьедесталѣ, помѣщалась во весь ростъ бронзовая фигура Румянцова. Онъ изображенъ въ Римской одеждѣ, съ открытою головою. Шлемъ повѣшенъ на сучкѣ пня, на который присѣлъ герой, чтобъ отдохнуть послѣ безсмертнаго труда своего». У лѣвой ноги его щитъ съ его гербомъ и надписью: «non solum armis» (не только оружіемъ). Въ рукѣ у него фельдмаршальскій жезлъ. На подножій изображены его дѣянія: Кагуль съ грозною батареею и пр. «Благодарность воздвигла монументъ сей. Скѣзываютъ, что хозяинъ никогда съ покрытою головою не подходитъ къ нему. Благодарность, святая благодарность!» добавляетъ рассказчикъ, «ты трогательнѣе самаго благотворенія. Ты служишь опытомъ изящнаго сердца»⁴⁶).

Состоя при Румянцовѣ, Завадовскій близко сошелся съ Безбородкою, съ графомъ И. В. Гудовичемъ, графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, а черезъ него и со старшимъ его братомъ Але-

⁴⁶) Князь П. И. Шаликовъ: „Путешествіе въ Малороссію“, М. 1804, стр. 208. Ляличи проданы сыномъ графа Завадовскаго Энгельгардту, у котораго статуя Румянцова куплена Черниговскимъ губернаторомъ княземъ С. П. Голицынымъ и воздвигнута въ городѣ Глуховѣ (откуда графъ Румянцовъ управлялъ Малороссіей).

ксандромъ. Привязанность къ нимъ онъ унесъ въ могилу. Дружба же съ графомъ Семеномъ Романовичемъ подогрѣвалась особенно нѣжнымъ чувствомъ. Вотъ образчикъ выражений, которыя встрѣчаются часто въ его письмахъ къ Воронцову. Ожидая, напримѣръ, свиданія съ нимъ, онъ писалъ: «Всякая отнынѣ минута будетъ мнѣ лестна и мучительна, потому что приближается то сокровище къ моимъ глазамъ, на которое въ отдаленіи сердце мое само неспускно смотрѣло». Извѣщая о возможности побывать въ Малороссіи, добавляетъ: «Слѣдовательно и буду имѣть радость увидѣть моего любезнаго Сенюшеньку, съ которымъ разлука—о сколь ты мнѣ дорога!» «Я цѣлую тебя, и сіе есть упражненіе вѣсгдашнихъ моихъ мыслей». «Желая тебѣ славы, я хотѣлъ, чтобъ ты былъ въ тѣхъ баталіяхъ, въ которыхъ ты и участвовалъ; но часы между нерѣшимостію—о сколь мнѣ были тяжки! Крайность, воспослѣдовавшая съ тобою, навѣрно бы разрушила и мое бытіе. По крайней мѣрѣ и тогда и теперь я такъ думаю, не испытавши себя въ такой потери и не любя ничего на свѣтъ подобно какъ я люблю тебя».

Это писалъ мужчина за тридцать лѣтъ отъ роду. Такою же задушевностію отличаются всѣ письма Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову и въ преклонной ихъ старости.

Кажется страннымъ такое сближеніе пылкаго Воронцова, получившаго Французское образованіе, и разсудительнаго Малоросса, воспитанника Кіевской Духовной Академіи. Очевидно, что доброта, правдивость, честность и любовь къ родинѣ, связали эти два существа. Они сдѣлались одинъ для другаго необходимыми. Они другъ-друга пополняли. И еслибъ не было у нихъ взаимной нравственной поддержки, они въ этомъ хаосѣ страстей, интригъ, продажности, среди этой нравственной нищеты, прикрытой виѣшнимъ блескомъ, были бы затерты, и «всѣ усилія ихъ на пользу родины были бы напрасны».

Некого было Завадовскому притянуть въ свой кружокъ, чтобы поставить оплотъ нравственному растлѣнію. Воронцовы—это дѣло другое. Вотъ почему Завадовскій такъ настойчиво желалъ возвращенія Семена Романовича въ отечество. Онъ уступалъ только передъ однимъ обстоятельствомъ—боязнью за его хилое здоровье, которое, какъ былъ увѣренъ Воронцовъ, могло пострадать отъ суроваго климата. А каково было въ то время Русское общество, можно понять изъ того, что, при своей пламенной любви къ отечеству, Завадовскій одобрилъ рѣшимость Воронцова выдать дочь за Англичанина и въ бесѣдѣ о томъ съ императрицею Маріею Ѳеодоровною убѣдилъ ее согласиться съ его возрѣніемъ. Одобряя намѣреніе графа А. Р. Воронцова удалиться отъ дѣлъ (1792), онъ писалъ его брату: «Мнѣ жизнь и всѣ пороки столицы

такъ надѣли, что ежели бы не имѣть отрады скоро переселиться въ деревню, я бы впалъ въ пресильную гипокондрію. Такое, мой другъ, наступило время, что или измѣнить правиламъ честности и совѣсти, или удалиться должнѣ, дабы соблюсти оныя».

Отношенія Завадовскаго къ его друзьямъ не измѣнились, когда онъ сталъ близокъ къ Екатеринѣ. «Ты драгоцѣненъ мнѣ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».—«Совершеннѣе удовольствія едва ли я въ мою жизнь имѣлъ, кромѣ того, что я тебя имѣю вѣрнымъ себѣ другомъ и таковымъ для тебя есмь». Такъ писалъ онъ графу Семену Романовичу во дни своего полного счастья.

Отношенія ихъ были таковы, что Завадовскій, зная постоянное затрудненіе Семена Романовича въ деньгахъ, оказывалъ ему дружескую помощь, какъ братъ брату. «Здѣсь прилагаю на твой расходъ 500 р. въ ассигнаціяхъ», писалъ онъ въ 1780 году изъ Дяличь, когда Воронцовъ былъ въ Петербургѣ. «Ежели ты станешь мнѣ благодарить за сію малость, то это будетъ для меня пощечина. Велъ я тогда съ тобою счетъ, когда ты былъ богатѣе меня? Сколько вещей я принялъ отъ тебя въ арміи, не сказавши тебѣ и спасибо?»

Онъ старался обратить вниманіе Екатерины на своего друга, хваля его способности и нравственные качества. И это было нелицемѣрно: Завадовскій ставилъ высоко способности Воронцова. «Читая твои письма, мнѣ кажется, что я бесѣдую съ Цицерономъ, къ котораго словамъ еще присоединены Гораціевы шутки. Потомство и отечество наше много потеряютъ, ежели не всѣ узнаютъ твои достоинства въ полной ихъ мѣрѣ». Онъ передавалъ отъ Воронцова поклонъ Императрицѣ, а отъ нея ему и читалъ ей его письма. «Да воодушевятся сіи строки, которыя я напою сильнѣйшимъ желаніемъ видѣть тебя, чтобъ лишь коснется ихъ взоръ, вдругъ бы ты заразился вожделѣніемъ, подобно страстной любви, увидѣть своего вѣрнаго друга. На сей пунктъ я призываю все волшебство. Страшись, Сенюша, не возвратиться и бойся не пріѣхать вскорѣ». Послѣ этихъ строкъ Екатерина сдѣлала приписку: «и я прошу возвратиться скорѣе». Тутъ-же въ припискѣ Завадовскій совѣтуетъ отвѣчать письмомъ прямо Императрицѣ. «Ты, Сенюшенька, порусски пишешь завидно; я бы желалъ важность и плавность твоего слога имѣть. Я тебя удостовѣряю, по чести удостовѣряю, и потому что ты разумѣешь меня знающимъ Русскую грамоту. Однакожь, какъ ты самъ считаешь сильнѣе свое перо на Французскомъ, то пиши хотя на ономъ». Воронцовъ не подался и отъ переписки уклонился. Завадовскій, хотя и дѣлалъ оговорку въ своихъ письмахъ, «буде здоровье требуетъ того климата на возстановленіе

оного, я тебя не обязываю жертвовать онымъ сему позыву»; однако онъ все еще не терялъ надежды на возвращеніе своего друга. Но Семенъ Воронцовъ обжился въ Италіи и не помышлялъ о Петербургѣ. Онъ не прочь былъ получить мѣсто дипломатическое, о чемъ и писалъ Завадовскому. Завадовскій держалъ это въ секретѣ. Письма Воронцова онъ не показавъ и его брату: «между тремя не бываетъ секрета», писалъ онъ. «Онъ имѣетъ знакомыхъ, разнесется по болтливому городу, а враги всякому нашему удовольствію вопреки положить коварство. И отъ одной утробы рожденные не одну крѣпость духа имѣютъ». Но Завадовскій не скрывалъ, что въ исполненіи его желанія препятствія неодолимыя (конечно со стороны Потемкина).

Воронцовъ возвратился въ Петербургъ послѣ удаленія Завадовскаго отъ двора и прожилъ два года безъ должности. По старанію Завадовскаго и при посредствѣ Безбородки, въ 1783 году онъ, получилъ наконецъ посольскую должность въ Венеціи, откуда въ Маѣ 1785 г. перемѣстился въ Лондонъ.

8 Іюня 1777 года Завадовскій писалъ Воронцову: «Сбылось со мной все, что ты думалъ; оправдались твои предрѣченія; я столько несчастливъ, сколько истинны твои заключенія. Горька моя участь, ибо сердце въ мукахъ и любить не можетъ перестать. Сеноша, тебя стыжусь, а все прочее на свѣтѣ не даетъ мнѣ забвенія. Среди надеждъ, среди полныхъ чувствъ страсти, мой счастливый жребій преломился какъ вѣтеръ, какъ сонъ, коихъ нельзя остановить: исчезла ко мнѣ любовь. Послѣдній я узналъ мою участь и непрежде какъ уже совершилось. Угождаю волѣ, которой повинуюсь доколѣ существую, я ѣду въ деревню Малороссійскую; ты меня въ ней найдешь по твоему предвѣщанію. Мой отпускъ хотя съ тѣмъ опредѣленъ, дабы черезъ 6-ть недѣль возвратиться, но могу ли я уже чему-нибудь вѣрить?» «Заклинаю тебя дружбою и любовію», продолжаетъ онъ, «не огорчайся и не обвиняй ее тяжкимъ образомъ. Представь человечество и страсть и, забывая все прочее, люби и будь привязанъ, по крайней мѣрѣ за то, что она вѣчно мила моему сердцу. Я не чувствую обиды, люблю одинаково, и буде бы страсть облегчилась, вмѣстѣ съ оною теперь дѣйствующая останется во мнѣ благодарность. Я просилъ Алексашу, чтобъ онъ обстоятельно описалъ тебѣ мое состояніе. Рыданіемъ и возмущеніемъ духа платя горькую дань чувствительному сердцу, я столько ослабѣлъ, что не въ состояніи о себѣ говорить, и для тебя и ради себя убѣгаю проходить воспоминаніемъ мою долю, которая столь живо еще мои чувства поражаетъ. Жалость и отчаяніе исторгали изъ меня жизнь; спасеніемъ оной не своему разсудку, но долженъ попеченію моихъ пріятелей, между коихъ твое мѣсто занималъ равно тебѣ и мнѣ

любезный твой братъ. Еще не скажу, чтобъ я былъ въ силахъ бороться съ печалію; ѣду въ лѣсъ и пустыню не умерщвлять, но питать оную».—«Не пеняй, что я былъ дуракъ. Глупость сія любезна: я на оную и теперь бы промѣнялъ всю премудрость міра и отдалъ бы всякое благополучіе на свѣтѣ, еслибъ можно возвратить удовольствіе прошедшее. Сенюшенъка, не забудь меня; спрашивай обо мнѣ у своего брата; а я теперь сажусь въ твою коляску, оставляя городъ и чертоги, гдѣ толико былъ счастливъ и злополученъ и гдѣ сраженъ я на подобіе агнца, который закалается въ ту пору, когда, ласкаясь, лижетъ руку. Напрасно мнѣ излѣчить меня разлукою. Я поѣду и приѣду на подобіе уязвленнаго еленя, который бѣжитъ и продирается сквозь лѣса густые; но вонзенная стрѣла всегда въ боку и не упадетъ».

При удаленіи Завадовскій получилъ (по словамъ Гельбига) 80 т. одновременно, 5 т. пенсіи, 1800 крестьянъ въ Россіи (Малороссіи), 2000 въ Польшѣ и серебрянный сервизъ въ 80000 р. Если эти цифры вѣрны, то ему подарено менѣе чѣмъ другимъ любимцамъ; по крайней мѣрѣ въ пять разъ менѣе сравнительно съ преемникомъ его Зоричемъ. Его застѣнчивость въ подобныхъ случаяхъ и нестяжательность были, надо думать, причиною тому. Когда онъ состоялъ при Румянцовѣ, Воронцовъ совѣтовалъ ему просить имѣнія, но Завадовскій отвѣчалъ: «Я еще въ жизни не дѣлалъ себѣ проэктовъ, а сжилъ половину вѣка, да и не смѣлъ я на Понурщину открыть фельдмаршалу моихъ желаній». Заботливый о положеніи своего друга Воронцовъ совѣтовалъ ему спросить себѣ пожалованій у Государыни; но некорыстный и скромный Завадовскій отвѣчалъ: «О себѣ говорить, а и того больше просить, я отиѣнно застѣнчивъ и никакъ не могу промолвить».

Онъ такъ былъ застѣнчивъ въ выраженіи просьбъ о себѣ, что, при всемъ желаніи, послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, быть въ Москвѣ и не зная, возметъ ли его съ собою Румянцовъ, не смѣлъ проситься. Такъ писалъ онъ 15-го Апрѣля 1775 Воронцову, что поѣздка его зависитъ отъ того, «чтобы мнѣ сказали ѣхать, а самъ я проситься не начну; ибо и въ Могилевѣ молчалъ, доколѣ не приказано». А желаніе быть въ Москвѣ было сильное. «Бада Московская меня трогаетъ съ той только стороны, что я тебя увижу и другаго тебя обрѣсть могу въ твоемъ братѣ». Попрошайство и жадность онъ осуждалъ въ другихъ. Такъ онъ не могъ простить этого Безбородкѣ и порицалъ въ княгинѣ Дашковой. «Прибыльныя одолженія имѣя отъ князя (т.-е. отъ Потемкина), онъ во всѣхъ дѣлахъ его рабъ». «Пріятель нашъ прилежно лазитъ (къ Зубову), чтобъ по назначенію о де-

ревняхъ получить большее и лучшее». «Напѣ пріятель въ удивительной тревогѣ (по поводу раздачи имѣній въ Польскихъ губерніяхъ). Стыдъ не удерживаетъ отъ всякой низости просителя». «Княгиня, твоя сестра, собирается къ Маю мѣсяцу, чтобъ оставить столицу. Отнюдь ею не дорожатъ, потому разумно располагается; но то бѣда, что она и въ самый приличный поступокъ волеетъ чего-нибудь волючаго. Она должна въ банкъ серебромъ, отвелась съ просьбою, что рада въ полтора заплатить, но не сыщеть нумерера (т.-е. звонкой монеты); потому ищетъ, чтобъ велѣли принять ассигнаціями, или же по милости заплатить за нее сей долгъ. Въ обоихъ случаяхъ отказано, а срамъ при насъ».

Дѣла самаго Завадовскаго были плохи, и постройками въ Ляличахъ плодились его денежные затрудненія. Состоя еще при Екатеринѣ, онъ похвалилъ однажды архитектуру новаго зданія, занимаемаго нынѣ Государственнымъ Банкомъ. Екатерина поручила тому же знаменитому Гваренги составить планъ для дворца въ Ляличахъ. Когда планы великолѣпнаго зданія съ увеселительнымъ домомъ, павильонами, многими флигелями и надворными строеніями, были одобрены Императрицею, Завадовскій, глядя на нихъ, замѣтилъ: «Матушка! Въ сихъ хоромахъ вороны летать будутъ». «Ну и такъ хочу», сказала Государыня. Теперь пришлось эту пышную постройку производить на свой счетъ. Имѣніе Ляличи бездоходное и по качеству почвы послѣднее въ небогатомъ Суражскомъ уѣздѣ. Завадовскій долженъ былъ ѣздить въ деревню для поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ. Узнавъ объ этомъ, Екатерина писала ему упрекъ, что она случайно узнала о его разстроенномъ положеніи, что онъ не хотѣлъ ей сказать, какъ будто не вѣрилъ, что помочь ему доставить удовольствіе.

Въ Августѣ 1777 г. Завадовскій возвратился въ Петербургъ по писъму Императрицы. «Писали, что я надобенъ, что мнѣ будутъ рады, что знаніе меня составляетъ желаніе имѣть меня другомъ. Какъ же сему не повиноваться, самъ разсуди». Такъ писалъ Завадовскій Воронцову 8 Августа уже изъ Петербурга.

Можетъ быть, Екатерина щадила своего друга въ его горѣ и притворствовалась, или чувства ея были искренни (по крайней мѣрѣ въ началѣ это было такъ), и она скрывала ихъ передъ другими; но отношенія ея къ Завадовскому были странны. Она приняла его, какъ выражался онъ, «по моей умѣренности, изрядно; не видѣлъ ничего отличнаго, но по крайней мѣрѣ тонъ челоуѣка знакомаго не пресѣкался вовсе». Но въ послѣдующія свиданія онъ замѣчалъ уже все болѣе холодности. Онъ просилъ кн. Барятинскаго узнать о причинѣ. Ему отвѣчали: «Внутренне члггъ всѣмъ сердцемъ, а наружность есть

приужденная, дабы утушить алармъ». «Заключить нетрудно», замѣтилъ Завадовскій, «что наступали на душу смятенные моимъ прїзвѣдомъ. И такъ ты самъ отгадаешь легко, кто мои враги. Доколѣ своей роли не окончилъ, я конечно, бѣльмо на глазу». Несомнѣнно здѣсь намекъ на Потемкина.

Такое обращеніе Екатерины съ Завадовскимъ еще явнѣе высказалось въ 1780 г., въ Могилевѣ, куда онъ прїѣзжалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Яковомъ, Новгородсѣверскимъ губернаторомъ. Екатерина только его не удостоила ни однимъ словомъ, а въ уборной была къ нему милостива. «Я, дознавши все противное всѣмъ клятвамъ и обѣтамъ, уклоняюсь казаться часто», писалъ Завадовскій Воронцову.

Онъ жилъ въ Петербургѣ то въ домѣ Воронцовыхъ, то въ Гатчинѣ у Орловыхъ, то одинъ на дачѣ у Воронцовыхъ, «продолжая привычку къ скукѣ и уединенію, въ коихъ рокъ опредѣлилъ мнѣ проводить послѣднюю часть моей жизни», писалъ онъ.

На утѣшенія Воронцова Завадовскій отвѣчалъ: «Сердце непокорно разсужденію; чувства онаго вѣчны и превѣчны. Бываютъ минуты разума, но пуще меня отягощающія. Размышленіе о страсти и самое терзаніе есть дань сердцу, и дань ему прїятная. Трогаютъ меня благодѣянія столь же нѣжно, какъ самая любовь. Я чувствителенъ къ тому что прошло, къ тому что настоитъ и что впередъ будетъ. Въ милостяхъ я приму участіе признаніемъ. Полезны онѣ будутъ для моихъ домашнихъ; но душевнаго удовольствія не произведутъ во мнѣ и сокровища всея вселенныя, хотя бы оныя мнѣ теперь дали. Мученіе мое безъ исцѣленья, потому что мнѣ прїятно мучиться. Безуміемъ, слѣпотою или чѣмъ хочешь называй мое состояніе, я не стану спорить; однакожь оно мило, и сіе навѣки. Пусть время всѣхъ лѣтитъ, но врачомъ моимъ оно не будетъ».

Завадовскій въ это время предался сильной карточной игрѣ, и на этотъ разъ совѣтъ и предостереженія Александра Воронцова были весьма кстати. «До третьягодняшней ночи», отвѣчалъ ему Завадовскій, «я имѣлъ игру лѣкарствомъ противъ неудовольствій душевныхъ, сѣмена гипокондріи производящихъ. Врачеваніе сіе въ мои годы обошлось мнѣ недешево. Всѣмъ казалось и кажется, что страсть моя есть карты. Я попускалъ людямъ вѣрить, скрывая отъ нихъ положеніе моего духа, которому разрывка сія была спасительна. Прошу, предостерегай меня въ другихъ моихъ заблужденіяхъ, ибо по мотовству я послѣдній уже далъ тебѣ случай. Честнымъ словомъ увѣряю, и увѣреніе мое прими за точное дѣло, что бесѣда моя во всю ночь не будетъ съ картами. Кто самъ чувствуетъ свой порокъ, тотъ уже господствуетъ надъ нимъ».

Хотя Завадовскій и оставилъ игру въ томъ видѣ, который можно было истолковать страстью, но всегда любилъ играть въ карты: частенько игралъ онъ со старикомъ Разумовскимъ, до своей женитьбы, и съ княземъ Лопухинымъ¹⁷⁾. Когда проживавшая въ домѣ у гетмана Разумовскаго шестнадцатилѣтняя графиня Апраксина дала ему понять о своихъ чувствахъ къ нему, онъ такъ отозвался о томъ Воронцову: «Я имѣлъ разъ въ жизни лютую и несчастную страсть, которая, размучивши сердце, не оставила въ ономъ для другой мѣста, на вѣки.» Онъ никуда не выходилъ, такъ какъ встрѣча съ людьми для него была невыносимо тяжела. Екатерина приглашала его къ маленькому столу, но для него это составляло пытку, и онъ объявилъ ей о непремѣнномъ намѣреніи уѣхать въ деревню.

Тягость положенія Завадовскаго усугублялась полнымъ разочарованіемъ въ людяхъ. По его возвращеніи его встрѣчали все съ особенною предусмотрительностію, какъ оказалось, вслѣдствіе слуха, что онъ вызванъ для занятія важнаго государственнаго мѣста. Но по мѣрѣ того, какъ оставался онъ далѣе безъ назначенія, и слухъ о томъ затихъ, вниманіе общества къ нему ослабѣло. А къ довершенію всего, человѣкъ, усердіе къ которому, быть можетъ, обошлось дорогою цѣною Завадовскому, его благодѣтель-фельдмаршалъ Румянцовъ отъ него отворачивался. Послѣ всего этого, Завадовскій въ правѣ былъ писать Воронцову: «Имѣвши духъ огорченный всѣми неправдами, познавши родъ человѣческой со стороны отвратительной, я не мыслю опричь уединенія и опричь вѣчнаго спокойствія отъ себя зависить».

Впрочемъ, по совѣту графа Александра Романовича, онъ отложилъ отъѣздъ въ деревню, чтобы добиться указанія, зачѣмъ его вызывали; но въ Февралѣ 1778 г. видимъ его опять уже въ Ляличахъ, откуда онъ писалъ Воронцову: «Признайся, что меня видишь въ разсудкѣ; но сіе однакожь не мѣшаетъ мяѣ мучиться и страдать, видя многое поражающее. По твоему страсть, а по моему сожалѣніе, привязанность и благодарность. Sat sapienti».

По удаленіи Зорича, въ Маѣ 1778 года, Орловы думали о возвращеніи Завадовскаго. Екатерина, намѣреваясь, по словамъ Гарриса, «возстановить этого спокойнаго человѣка», приказала вызвать Завадовскаго. Но Потемкинъ этого не допустилъ, и Зоричъ замѣненъ былъ Корсаковымъ.

Завадовскій два раза получалъ отъ Императрицы приглашеніе прибыть, но медлил; медлил потому, что не могъ еще вооружиться равнодушіемъ. «Предвижу», писалъ онъ Бакунину, «что я растравлять

¹⁷⁾ Записки Н. С. Ильинскаго, Р. Архивъ 1879, III, 414.

буду свою рану, на которую разсужденіе не есть еще сильный пластырь». Притомъ онъ жаловался на слабость здоровья, на трудность для него дороги до Мая мѣсяца. «Отъ избытка чувствительности, мнѣ природной, познакомился съ меланхоліею и подвергнулъ здоровье разнымъ мучительнымъ припадкамъ. Вы скажите — глупость; не спору, но кто человѣкъ—не человѣкъ?»

Участіе пріятелей трогало Завадовскаго: онъ высказывалъ сердечную признательность Бакунину и Безбородкѣ и по поводу этому писалъ Воронцову: «Учись, Сенюшенька, и положи себѣ за правило не скоро узнавать людей и не презирать ихъ за слабости, которыя не весь еще характеръ испровергають».

Изъ Ляличей онъ писалъ Бакунину: «Еще прошу васъ любите нашего сироту Александра Андреевича (Безбородку): онъ добрый человѣкъ; остерегайте его, гдѣ онъ неостороженъ и гдѣ дружескій совѣтъ нуженъ. Я къ нему пишу, чтобъ онъ у васъ заслуживалъ сію для себя полезную усердность».

Безбородко повидимому не отличался порядкомъ въ жизни и дѣлахъ и нуждался въ совѣтахъ. Еще при самомъ поступленіи его въ кабинетъ-секретари, Румянцовъ, озабоченный потерею одного секретнаго дѣла, писалъ Завадовскому, чтобъ онъ настоялъ надъ Безбородкою, который на два письма его по сему предмету даже не отвѣчаетъ. Старика Румянцова заботило, чтобъ не пострадали чрезъ то невиновные.

Дружба Завадовскаго съ Безбородкою началась при Румянцовѣ. Соплись они какъ два Малоросса-земляки, хотя не были сосѣдями ^{1*)}.

Въ біографіи князя Безбородки говорится, что дружба его къ Завадовскому до конца дней его была искренна. Къ сожалѣнію, со стороны Безбородки это не всегда было такъ. Въ 1783 г. Завадовскій писалъ Воронцову: «Прежнія и новыя его (Безбородки) противъ меня коварства рѣшили меня перестать съ нимъ всячески обходиться и трактовать какъ явнаго своего врага, считая, что образомъ симъ меньше онъ вредить можетъ, нежели въ лукавомъ видѣ пріятеля. Сей случай отщетилъ меня и отъ всѣхъ къ нему прилѣпленныхъ, которымъ онъ въ Бога и кои въ немъ перестанутъ чтить божество, лишь кончился бы его случай».

Зная, какъ снисходителенъ былъ Завадовскій къ слабостямъ людей («у всякаго свой точущій червякъ», говорилъ онъ) и остороженъ въ заключеніяхъ о нихъ, нельзя не предполагать, что онъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства предательскаго двоедушія Безбородки, которое сказалось, повидимому, при удаленіи Завадовскаго и при вто-

^{1*)} Р. Арх. 1874, II, 593.

ричною его возвращеніи. У Потемкина Безбородкѣ трудно было добиться повышеній и пожалованій, оставаясь другомъ Завадовскаго. Съ кончиною Потемкина Завадовскій сдѣлался для него опять необходимъ. Незлобіе Завадовскаго, воспоминаніе отношеній молодости несомнѣнно способствовало къ этому вторичному сближенію. Воронцовъ совѣтовалъ Завадовскому сойтись съ Безбородкою, чтобы составить оплотъ противъ Зубова. «Ты совѣтовалъ сближеніе, онъ искалъ его униженно; но что съ того?» Безбородко, завѣдуя иностранною политикою, сдѣлался особенно на этотъ счетъ откровененъ съ Завадовскимъ. Съ одной стороны скромность и осторожность Завадовскаго обезпечивали Безбородку отъ всякой непріятности; а съ другой стороны практической взглядъ Завадовскаго на событія, его заключенія, часто, по своей безошибочности, имѣвшія видъ пророчествъ, приносили большую услугу Безбородкѣ, за которымъ Завадовскій признавалъ только двѣ способности: необыкновенную память и мастерское изложеніе. «Но довѣренность и совѣтованія мои, коихъ онъ нерѣдко ищетъ, размѣряю по возможности его исполненія и очень того берегу, чтобъ не поставили и того на мой счетъ, что въ немъ бываетъ его собственнаго». Въ благодарность Безбородко очень усердствовалъ Завадовскому, и усердіемъ этимъ пользовался Завадовскій исключительно для друга своего графа Семена Романовича, пылкость котораго мало уступала годамъ. Всѣ его записки и мнѣнія, какія присылалъ онъ Безбородкѣ, сей послѣдній никогда не докладывалъ Императрицѣ и никому не читалъ, не показавъ Завадовскому, который спѣшилъ предостеречь добрымъ наставленіемъ пылкаго своего друга, писалъ немедленно брату его Александру и тѣмъ спасалъ Воронцова отъ непріятностей. Завадовскій доказалъ свою пріязнь и незлобіе Безбородкѣ. У его смертнаго одра не было человѣка болѣе расположеннаго къ нему какъ Завадовскій, почти не отходившій отъ него во все время болѣзни и закрывшій глаза другу своей молодости. Незлобіе составляло дорогую черту въ Завадовскомъ. Послѣ случая, доказавшаго ему предательство Безбородки, онъ просилъ Александра Воронцова удерживать его отъ разорительнаго мотовства, когда онъ уѣхалъ въ Москву отдѣлывать свой пышный домъ, и указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что «отвычка» отъ него прибавитъ удостовѣреній, что безъ него можно обойтись.

По вторичномъ возвращеніи Завадовскаго изъ Ляличей, Екатерина стала возлагать на него разныя обязанности: присутствіе въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, управленіе двумя банками, предсѣдательство въ комиссіи законовъ, въ комиссіи о сокращеніи канцелярскаго дѣлопроизводства,

ревизию присутственных мѣстъ, управление учебными заведеніями и составленіе для нихъ проэктвъ, засѣданіе въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, переустройство Пажескаго корпуса и другихъ школъ, переустройство и завѣдываніе Медико-хирургической школы, постройку Исаіевскаго собора. Онъ приглашался для совѣщаній по дѣламъ политическимъ; ему поручали разрѣшеніе особо-важныхъ дѣлъ; и, наконецъ, въ его опеку отданъ Вобринскій.

Саксонецъ Гельбигъ, зоркій, но не всегда безпристрастный наблюдатель того, что происходило въ Петербургѣ, относить къ чести Потемкина, что онъ, признавая въ своемъ противникѣ несомнѣнныя способности, не препятствовалъ ему своими заслугами пролагать себѣ путь къ повышеніямъ. Но Потемкину ли обязанъ этимъ Завадовскій? Не лично ли Екатеринѣ? Извѣстно, какъ цѣнила она дарованія, какъ не хотѣлось ей, напримѣръ, отпускать Воронцова. «Поэтому и Безбородко станетъ проситься? Да что дѣлается съ Завадовскимъ?» спрашивала она Самойлова, когда онъ докладывалъ ей прошеніе Александра Воронцова объ увольненіи. Замѣтно, что вопросы эти ставились съ неудовольствіемъ. Правда, Потемкинъ потомъ сдѣлался ласковъ къ Завадовскому, бывалъ у него, увѣрялъ, что еслибы онъ вѣрилъ всему, что о Завадовскомъ ему писали, то долженъ бы считать его своимъ врагомъ. Но это было уже тогда, когда частая перемѣна любимцевъ никого не удивляла, когда отъ Завадовскаго отвыкли совершенно и вмѣстѣ съ тѣмъ стали возлагать на его плечи немалую долю государственной ноши. По примѣру Потемкина, и другія лица измѣнили теперь свои отношенія къ Завадовскому. Вліяніе Потемкина на эти отношенія всего лучше объясняется въ разговорѣ съ Завадовскимъ Бецага, который увѣрялъ его во всегдашней къ нему «отличной любви». «Сіе я самъ знаю», отвѣчалъ ему Завадовскій, «а только того не вѣдаю, за что вы меня ненавидѣли?» Старикъ, покачавъ головою, выговорилъ, что «сіе было не отъ сердца, а *par politique*»¹⁹⁾.

Первымъ государственнымъ трудомъ Завадовскаго былъ манифестъ объ изданіи законоположенія объ управленіи губерніями.

Въ 1780 г. онъ пожалованъ въ тайные совѣтники, назначенъ сенаторомъ и членомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Въ 1781 г. ему ввѣрено управленіе, учрежденнымъ по его проэктору²⁰⁾, С.-Петербургскимъ Дворянскимъ Банкомъ. Въ томъ же году поручена ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Онъ при этомъ исправилъ найденныя упущенія и представилъ свой замѣчанія Государынѣ, которыми

¹⁹⁾ Изъ политики.

²⁰⁾ Рѣчь на публичномъ актѣ Виленскаго университета 1817 г.

осталась она отменно довольна. Въ порядкѣ канцелярскомъ не было ни системы, ни единообразія; дѣла тянулись, и предотвратить медленность не представлялось возможнымъ. Напримѣръ, при докладѣ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и Сенатѣ читалось цѣлое дѣло, а не краткая изъ него выписка. Чтеніе это занимало иногда шесть недѣль времени. Само собою разумѣется, что при такомъ докладѣ слышанное не могло удержаться въ памяти сенаторовъ и судей и не давало возможности составить ясное представленіе о дѣлѣ, чѣмъ ловко пользовалась канцелярія. «Для сдѣланія единообразнаго положенія относительно порядка канцелярскаго, хранения дѣлъ, раздѣленія экспедицій, гдѣ онымъ быть слѣдуетъ, сокращенія всего того, что излишнимъ затрудненіемъ почесться можетъ и преподаванія средствъ къ скорѣйшему дѣлу производству», составлена коммиссія ²¹⁾. Указомъ 27 Сентября 1784 г. предписано было генераль-губернаторамъ всѣ свѣдѣнія и свои мнѣнія по настоящему предмету, а равно отобранныя ими мнѣнія отъ прокуроровъ и стряпчихъ представить прямо Императрицѣ. Такое распоряженіе свидѣтельствуется, какъ Екатерина была занята этимъ важнымъ дѣломъ. Несомнѣнно, что докладъ Завадовскаго, обрисовавшій всю канцелярскую неурядицу того времени и тяжелое положеніе лицъ, имѣвшихъ дѣла при такомъ ихъ веденіи, имѣлъ большое значеніе. Рескриптомъ отъ 14 Ноября, Завадовскому повелѣвалось принять обязанность предсѣдателя учреждаемой коммиссіи, а членами ея были: генераль-провіантъ-мейстеръ Мавринъ, генераль-майоръ Соймоновъ, д. с. с. Васильевъ, бригадиръ Турчаниновъ и статскіе совѣтники Терскій и Храповицкій. Въ рескриптѣ, между прочимъ, говорится: «Не предписываемъ мы вамъ тутъ никакихъ подробныхъ наставленій, сокращаясь въ общемъ изложеніи воли нашей».

Получивъ нужныя свѣдѣнія, Завадовскій составилъ проектъ о сокращеніи канцелярскаго порядка, впрочемъ, не ранѣе 1795 года²²⁾.

Въ томъ же 1784 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи по сооруженію Исакиевскаго собора. Онъ улучшилъ и расширилъ бронзовую фабрику и въ 12 лѣтъ довелъ зданіе собора до карнизовъ ²³⁾. Тогда же ему поручено осмотрѣть школу при больницѣ за Калинкинымъ мостомъ, состоявшую подъ присмотромъ оберъ-полицей-мейстера и устроенную на иждивеніе Кабинета. Прочитавъ докладъ Завадовскаго по этому порученію, Екатерина рескриптомъ 14 Ноября

²¹⁾ Засвидѣствованная копія указа генераль-губернаторамъ 27 Сентября 1784 г. (изъ фамильныхъ бумагъ).

²²⁾ Письмо Грибовскаго, отъ 3 Октября 1795 г. (изъ фамильныхъ бумагъ).

²³⁾ Тамъ же.

поручила ему завѣдывать этою школою, составить «проектъ положенія сему заведенію», а между тѣмъ, по его усмотрѣнію, ввести порядокъ какъ въ преподаваніи, такъ въ приѣмѣ воспитанниковъ и въ хозяйственной части ²⁴⁾.

Рескриптомъ 5 Февраля 1785 г. Завадовскому приказано обзрѣть систему преподаванія въ Пажескомъ корпусѣ, освидѣтельствовать успѣхи и «вести порядокъ, который долженъ быть присвоенъ и всѣмъ вообще Россійскимъ училищамъ». Такимъ же образомъ повелѣвалось ему поступить и съ прочими школами вѣдомства придворной конюшенной конторы, дворцовой и оберъ-егермейстерской канцелярій ²⁵⁾. Въ три недѣли порученіе было выполнено, и составленъ Завадовскимъ планъ обученія. Императрица, въ рескриптѣ отъ 26 Февраля, одобрявъ этотъ планъ, признавала необходимымъ добавить въ Пажескомъ корпусѣ преподаваніе Латинскаго и Греческаго языковъ, а потому поручила Завадовскому озаботиться, «дабы таковое ученіе какъ наискорѣе могло воспріять свое начало, о чемъ слѣдуетъ согласиться съ оберъ-гофмаршаломъ». «Когда все такимъ образомъ, по представленному отъ васъ плану, придетъ въ устройство, тогда не только можно позволить прочимъ благороднымъ молодымъ людямъ учиться въ классахъ Пажескаго корпуса, но непременно надлежитъ приказать, чтобъ рейтъ-пажи и ягдъ-пажи ходили для обученія въ сіи классы. Выборъ учителей слагаетъ мы на васъ» ²⁶⁾. И такъ на Завадовскаго возложено было завѣдываніе и Пажескимъ корпусомъ, который тогда вовсе не былъ военнымъ.

Находя, что составъ преподавателей въ Медико-хирургической школѣ неудовлетворителенъ, Завадовскій представилъ о необходимости замѣнить нѣкоторыхъ изъ нихъ другими и послать молодыхъ Русскихъ врачей въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ, чтобъ они ознакомились съ устройствомъ тамъ медико-хирургическихъ училищъ и клиникъ, дабы возвести новое зданіе для Медико-хирургическаго училища. На первое представленіе отвѣчалъ именемъ Императрицы Безбородко въ письмѣ отъ 19 Апрѣля 1785 г. «Увольненіе Лобенвейма, Моренгейма и другихъ, кои еще признаны будутъ и замѣщеніе ихъ новыми», предоставлялось личному благоусмотрѣнію и попеченію Завадовскаго. По второму послѣдовалъ ему высочайшій рескриптъ отъ 25 Февраля, которымъ разрѣшалось «сходно представленію» Завадовскаго, отправить въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ докторовъ Тереховскаго и Шуманскаго, снабдивъ ихъ наставленіями, а что касается новаго помѣщенія для

²⁴⁾ Рескриптъ 14 Ноября 1784 (изъ фамильныхъ бумагъ).

²⁵⁾ Рескриптъ, писанный рукою Безбородко (изъ фамильныхъ бумагъ).

²⁶⁾ Оттуда же. Годъ и число выставлены Безбородкою.

училища, «не преминемъ», добавляла Государыня, «мы назначить сумму, дабы начало онаго сдѣлано быть могло еще въ настоящемъ году» ²⁷⁾. Хотя вскорѣ, 10 Марта, отпущено было Завадовскому на этотъ предметъ 10,000 рублей, какъ видно изъ письма къ нему Стрекалова; но Завадовскій не спѣшилъ постройкою, ожидая практическихъ указаній отъ посланныхъ имъ врачей. Вотъ почему онъ писалъ Воронцову въ Лондонъ, чтобъ ихъ не задерживать и не увлекаться имъ изученіемъ Англійскаго языка, въ чемъ онъ положительно не видѣлъ необходимости, такъ какъ посылалъ ихъ только съ цѣлію осмотрѣть заведенія и позаимствовать все хорошее и пригодное для насъ. Причину такой поспѣшности онъ объяснялъ именно тѣмъ, что сооруженіе зданія совершенно имъ приостановлено до ихъ возвращенія. «Прошу тебя, уважить мою мысль и преподать имъ оную въ томъ видѣ, какъ я тебѣ предлагаю», писалъ Завадовскій.

Но пока молодые Русскіе профессора готовились къ исполненію своихъ обязанностей, мѣста уволенныхъ нужно было занять, и къ Завадовскому препровождались для того договоренные врачи-иностранцы ²⁸⁾. На него вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалось снабженіе арміи и флота лекарями и подлекарями ²⁹⁾. Такимъ образомъ Медико-хирургическая Академія своимъ основаніемъ обязана Завадовскому.

Тогда же Завадовскій былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи о народныхъ училищахъ. Въ дѣло это онъ, такъ сказать, вложилъ душу. «Ревностно споспѣшествовалъ онъ во всѣхъ важныхъ и для отечества столь полезныхъ трудахъ сей комиссіи и участвовалъ въ составленіи проекта для училищъ, гимназій и университетовъ». Императрица часто посѣщала С.-Петербургское Главное Училище, выслушивала лекціи, осматривала комнаты, и всегда удостоивала благодарности Завадовскаго и его сотрудниковъ ³⁰⁾.

Особенно важное значеніе имѣло учрежденіе въ 25 губерніяхъ народныхъ училищъ. Это составляетъ одно изъ крупныхъ событій царствованія Екатерины. Она наградила щедро всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ «великомъ дѣлѣ». Завадовскій получилъ орденъ Св. Владимира 1-го класса и 6,000 душъ крестьянъ въ Малороссіи ³¹⁾.

²⁷⁾ Изъ фамильныхъ бумагъ, равно какъ и ниже упоминаемое письмо Стрекалова отъ 24 Марта 1788.

²⁸⁾ Рескриптъ 5 Августа 1788. Странно, что о подобныхъ дѣлахъ сообщалось высочайшими рескриптами.

²⁹⁾ Рескриптъ 23 Мая 1788 г.

³⁰⁾ Архивъ Князя Воронцова, кн. XII, предисловіе.

³¹⁾ Тамъ же.

Въ 1786 г. графъ Шуваловъ представилъ записку объ ассигнаціонныхъ банкахъ. Екатерина повелѣла, обсудивъ предметъ этотъ всесторонне особой комиссіи, представить ей планъ и проэктъ. Членомъ этой комиссіи назначенъ былъ Завадовскій.

Въ томъ же году Завадовскій вновь основалъ Государственный Заемный Банкъ съ тремя экспедиціями, далъ правильное движеніе всѣмъ частямъ на истинныхъ началахъ общей пользы и приобрѣлъ банку довѣріе всего государства, безъ котораго не можетъ существовать прочно никакое предпріятіе. Тогда же онъ назначенъ былъ членомъ комиссіи о дорогахъ въ государствѣ.

Не смотря на такое множество занятій, Завадовскому иногда отсылались для просмотра сочиненія Императрицы.

Въ 1787 г. Екатерина поручила Бобринскаго и его имѣніе въ опеку Завадовскаго, бывъ недовольна престарѣлымъ Бецкимъ, который не высылалъ всего дохода Бобринскому, полагая тѣмъ удержать его отъ мотовства. Завадовскій, принимая обязанность опекуна, объяснилъ Императрицѣ, что виною всѣхъ пороковъ въ Бобринскомъ его воспитаніе. «Да ты его поправь», замѣтила на это Екатерина. «Всякое ли пятно можно считать?», писалъ Завадовскій въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, отъ котораго собиралъ свѣдѣнія объ образѣ жизни Бобринскаго. Замѣчаніе Екатерины даетъ понятіе, какая обязанность возложена была на Завадовскаго. Дѣло было хлопотливое и непріятное: онъ долженъ былъ сноситься съ Ссудною Казною, съ банкирами, дѣлать переводы, платить долги, переписываться съ Бецкимъ, Гриммомъ и другими лицами и имѣть столкновенія съ молодымъ и пылкимъ челоувѣкомъ, происхожденіе котораго было не тайною, какъ у насъ, такъ и за границею; многіе знали также, что Государыня останавливала на этомъ юношѣ помышленія свои даже о престолонаслѣдіи. Но, не смотря на все это, Завадовскій не отказался отъ такого порученія «въ угодность волѣ», какъ писалъ Воронцову, «и помни любовь ко мнѣ покойнаго князя» (т.-е. Орлова).

31 Августа того же года Завадовскій назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ тотъ же день былъ приглашенъ для сужденія о войнѣ съ Турками, посадившими въ тюрьму Булгакова.

18 Сентября 1788 г., при разсужденіи въ Совѣтѣ о положеніи политическихъ дѣлъ и недружелюбіи Пруссіи, Завадовскимъ составленъ протоколъ въ смыслѣ необходимой твердости въ дѣйствіяхъ Россіи, подкрѣпленной немедленнымъ вооруженіемъ. Шуваловъ склонялъ на уступчивость, что раздражило Императрицу. Такимъ образомъ Екатерина возобновила въ своей памяти образъ мыслей Завадовскаго о политическихъ событіяхъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, по заключеніи

Яскаго трактата (20 Декабря 1791 г.), она предполагала назначить его чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь²¹⁾. Можетъ быть польза отъ его трудовъ, по дѣламъ внутренняго управленія, заставила Государыню измѣнить это намѣреніе и послать Голенищева-Кутузова.

Необходимость въ Завадовскомъ еще могла оказаться настоятельною, когда въ Совѣтъ, при разсужденіи о политическихъ дѣлахъ, обнаруживались малодушіе и трусость. Въ 1791 г. Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову. «Если ты не ободрялъ бы удостовѣреніемъ, своимъ духомъ: насъ союзныя державы общими угрозами привели бы къ стыду. Одна Государыня удерживала дѣйствовать робости, которая въ смятеніе приводила души министерства». По нѣкоторымъ дѣламъ чрезъ него объявлялись Сенату высочайшія повелѣнія, вмѣсто генераль-прокурора; чрезъ него шли распоряженія по женскимъ учебнымъ заведеніямъ. На него смотрѣли, какъ на главное дѣятельное лицо въ Сенатѣ²²⁾.

Но въ частной жизни Завадовскій не былъ счастливъ. Онъ долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ, работать не отказываясь ни отъ какого порученія, вѣрный своему слову «повиноваться волѣ, доколь существуетъ». Не прельщали его ни знаки отличія, ни положеніе, созданное его способностями и неутомимыми трудами. Его тянуло въ деревню, въ милую Малороссію. Съ первыхъ дней переѣзда въ Петербургъ, онъ завидовалъ единственно тому, кто въ независимомъ положеніи пользовался деревенскою жизнію. Такъ, еще состоя при Екатеринѣ, весною 1777 г. писалъ онъ своему другу: «Ты вѣдаешь твердую мысль мою, что я не житель С.-Петербургскій»; а въ 1780 г. изъ Ляличи къ графу Александру Воронцову: «Я съ утра до вечера въ лѣсу живу на охотѣ и забываю всѣ выгоды, которыя держутъ насъ въ столицѣ». Вырвавшись изъ Петербурга въ Ляличи въ 1785 г., онъ писалъ оттуда Семену Романовичу: «Отпущенъ я не съ тѣмъ, чтобы много жить; но я уже иду своимъ образомъ къ покою и, его токмо желая, стараюсь токмо добрымъ образомъ отдѣлаться отъ должностей, въ которыхъ нахожусь». Онъ одобрялъ рѣшимость графа Александра Воронцова удалиться въ деревню и въ 1792 г. писалъ о своемъ намѣреніи сдѣлать тоже. «Суетность прочая столь мнѣ наскучила, что я принялъ твердое намѣреніе оставить службу и послѣдніе мои дни окончить въ деревнѣ, къ чему себя приготавливаю настоящимъ образомъ моей жизни, т.-е. со стороны моральной удаляюсь учащать ко двору и въ большія общества, съ физической—готовлю себѣ въ де-

²¹⁾ Русская Старина, 1878, I, 106.

²²⁾ Письма Безбородки, Стрекалова, Самойлова (изъ фамильныхъ бумагъ).

ревнѣ пріятное и выгодное убѣжище». Въ великолѣпномъ своемъ деревенскомъ уединеніи онъ устроилъ для себя могилу. Но графъ Воронцовъ предостерегалъ его, чтобъ изъ его отставки не вышла исторія. Этого опасался и Завадовскій, котораго удерживали въ столицѣ домъ, пріобрѣтенный имъ въ Петербургѣ ³⁴⁾, а потомъ жена, которая не могла помириться съ деревенскою жизнью. «О, сколь пріятно вырваться изъ города», писалъ онъ Воронцову, послѣ поѣздки въ Нарву (для свиданія съ Бобринскимъ), а вернувшись изъ деревни въ 1795 г.: «Не повѣришь, мой другъ, какъ мнѣ тяжело было покидать всѣ забавы по сердцу, которыми не насытилъ даже зрѣнія. Познавъ блаженство свободы, вспоминалъ я тебя, сколько ты счастливъ, что пользуешься оною въ полной мѣрѣ».

Завадовскому, при его усиленныхъ трудахъ, необходимъ былъ нравственный отдыхъ, а его не могли ему дать пустынные комнаты его дома. Часы отдыха должны были чѣмъ нибудь наполняться; иначе неотвязчивая скука завладѣла бы имъ совершенно. Онъ искалъ кружка, семьи, въ которой какъ дома могъ бы проводить свободное время и, найдя у графа Кирила Григорьевича Разумовскаго привѣтъ и ласку, сталъ ежедневнымъ его посѣтителемъ. У Разумовскаго жила родственница его графиня Софія Осиповна Апраксина съ молодою красавицею-дочерью. Частыя посѣщенія вызвали толки, о которыхъ дошло и до Завадовскаго. Еще въ 1780-мъ году онъ писалъ о томъ къ Воронцову и сожалѣлъ, что не можетъ отвѣчать ей взаимностью. А въ 1783-мъ году по поводу этихъ слуховъ онъ отзывался, что «свадебъ изъ того не выходитъ, гдѣ городъ женить». Слухъ этотъ дошелъ до Екатерины и повидимому былъ ей непріятенъ. Но прошло четыре года, говорить перестали, а Разумовскаго между тѣмъ очень смущало положеніе молодой графини, которую всѣ считали невѣстою. Гетманъ высказывалъ свое сѣтованіе зятю своему Гудовичу: «Завадовскій цѣлый годъ держитъ себя какъ женихъ, но нерѣшительностію своею насъ смущаетъ» ³⁵⁾.

Составить семью, наполнить семейною жизнію свободное отъ трудовъ время, имѣть близъ себя преданнаго друга,—все это, въ возрастѣ вполне зрѣломъ, могло имѣть извѣстную цѣну въ глазахъ Завадовскаго, и онъ рѣшился жениться. Но прежде чѣмъ сдѣлать такой шагъ, онъ напи-

³⁴⁾ На Большой Морской, нынѣшній домъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Завадовскій купилъ его въ 1786 г. у графа П. И. Панина; въ 1748 г. онъ пріобрѣтенъ былъ отъ купца Миллера статсъ-дамою Марьею Симоновной Чоглоковою (изъ фамильныхъ бумагъ). Домъ гетмана Разумовскаго находился по близости. Это нынѣшній Николаевскій Институтъ на Мойкѣ.

³⁵⁾ Русскій Архивъ 1873, 0468.

саль о томъ Екатеринѣ, которая не любила Апраксиныхъ. «Веру овечку изъ паршиваго стада», пишетъ Завадовскій, «но на свой духъ надѣюсь твердо, что проказа ко мнѣ никакъ не пристанетъ, на подобіе какъ вынутое изъ грязи и очищенное отъ оной золото ничьихъ рукъ не мараетъ. Подвигъ сей составляетъ единственно непритворная ко мнѣ привязанность, соразмѣрная моей чувствительности и чинимому воздаянію. Побѣждено оною и воображеніемъ увеличавшею скуки (если доживу до дней старости) до сего противоборствовавшее разсужденіе. Благословите, всеподданнѣйше прошу, мой новый жребій матернимъ благословеніемъ. Отъ васъ имѣю вся благая жизни. Вы мой покровъ и упованіе.» Невѣста Завадовскаго, графиня Вѣра Николаевна, въ день свадьбы 30 Апрѣля 1787 года, пожалована была во фрейлины. Завадовскаго благословила Екатерина заочно иконою Спасителя. Сама она въ это время путешествовала по Югу Россіи.

Нерадостна была семейная жизнь Завадовскаго. Дѣти его умирали въ малолѣтствѣ. Завадовскій былъ чувствителенъ къ потерѣ близкихъ. Такъ потерявъ брата въ 1786 году, онъ былъ неутѣшенъ въ горѣ. «Я все въ немъ потерялъ. Я теперь не чувствую моей жизни, какъ токмо для сокрушенія о моей утратѣ». Каково же было положеніе его, когда терялъ онъ дѣтей и притомъ въ годы приближающейся старости? «Сколько я несчастливый отецъ, на что мнѣ говорить! Шестерыхъ дѣтей слышалъ только первый голосъ и, подержавъ на рукахъ, въ гробъ ихъ положилъ». «Все мое благополучіе и счастье отца неподобная дочь унесла съ собою въ гробъ ³⁶⁾. Хотя живу, но какъ, громомъ пораженный; самъ не чувствую моей жизни». Такъ выражалъ онъ свою скорбь Воронцову. Его спасали отъ горя усложнявшіяся занятія. Ему, совмѣстно съ княземъ Вяземскимъ, графомъ Александромъ Воронцовымъ и графомъ Безбородкою, велѣно обсудить и представить соображенія о приведеніи въ кредитъ ассигнацій (1789 г. 4 Мая); ему поручено завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ должности главнаго директора народныхъ училищъ; на него возложено предсѣдательство въ особомъ комитетѣ для рѣшенія дѣла о преступленіи Мирбаха, генералъ-поручика при Костюшкѣ ³⁷⁾. Награды Завадовскому шли своимъ чередомъ: въ 1793 г. онъ получилъ Александра Невскаго, и въ томъ же году, по желанію Екатерины, императоръ Австрій-

³⁶⁾ Это была дочь Татьяна умершая 4 лѣтъ. Съ нею изобразилъ графиню Завадовскую извѣстный Лампи; портретъ этотъ принадлежитъ нынѣ Великому Князю Константину Николаевичу

³⁷⁾ Письмо къ Завадовскому графа Самойлова 3 Іюня 1796 (изъ фамильныхъ бумагъ).

скій пожаловалъ ему и братьямъ его, Якову и Ильѣ, графское достоинство. Но ничто не утѣшало Завадовскаго въ его семейномъ горѣ. Титула передать ему было некому: у него оставались двѣ маленькія дочери, братъ Илья былъ болѣзненный, а у Якова былъ одинъ сынъ, и тотъ не обнадеживалъ своею долговѣчностію. «И такъ, мой другъ», писалъ Завадовскій графу Воронцову, «суетность сія меня ни чуть не радуетъ. Сынъ меня уже утѣшалъ и, лишившись его, не перестаю чувствовать внутреннюю горестъ».

Надъ Завадовскимъ отяготѣла судьба: къ горю семейному прибавилась невзгода служебная. Отношенія его къ всемогущему Зубову были холодны: Завадовскій не только не искалъ въ немъ, но и не бывалъ у него. Зубовъ его ненавидѣлъ, «отчего и свыше познаю холодность», писалъ онъ. Онъ не могъ поставить свои выгоды выше государственныхъ и снизойти до искательства. Описывая роль, какую при Зубовѣ игралъ Безбородко, онъ писалъ. «Дѣла впрочемъ никакія изъ рукъ Зубова не вышли. Ал. Анд. самъ больше втирается, нежели его ищутъ, и что пожалуютъ на его перо, то приходитъ отъ резолюціи же Зубова, и отработанное долженъ ему прежде предъявить. Постыдная роль, а ты еще на оную уговариваешь!» Онъ не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ, когда тщеславіе людей, подогрѣваемое лестію и искательствомъ, было главнымъ водителемъ судебъ Россіи. «Утомилъ бы я твое вниманіе, а мое перо», писалъ онъ графу С. Р. Воронцову въ 1791 году, «если бы все описывать, что скорбь дѣлаетъ усердному сыну Отечества. Ни одно государство такъ скоро въ долги не ринулось, нигдѣ такъ быстро не возобладала роскошь и не внесла въ нравы гибельныхъ пороковъ, какъ у насъ. Расширяя свое воображеніе отъ сихъ пунктовъ: сколько воли ни дашь, не превзойдешь мѣру. А потому, мой другъ, желай вседушно, какъ и я прошу Бога, чтобы былъ миръ, дабы хотя съ одной стороны меньше страдала общал польза». Онъ жаловался, что на возраженіе Зубову противъ намѣреній начать новую войну съ Турками недостаткомъ средствъ, всегда слышенъ одинъ отвѣтъ: «все есть, все будетъ». Разсчетъ составляли на нѣсколькихъ милліонахъ, которые должно было получить государство за наборъ рекрутъ, возвышеніе акциза на вино, передѣлку мѣдной монеты, а эти милліоны, по мнѣнію Завадовскаго, нужны на уплату долговъ и удовлетвореніе текущихъ нуждъ государства.

Недочетъ въ государственной смѣтѣ возрасталъ. Приходилось увеличивать налоги, чтобы поднять государственный доходъ на 12 милліоновъ. «Ты знаешь, съ какимъ трудомъ на подобныя операциіи подаются, да и даруй Богъ, чтобы сію послѣднюю видѣть въ мою

жизнь». Установили хлѣбную подать. Завадовскій былъ противъ нея, «чтобы къ вещи по себѣ уже не легкой не приложили еще тягостей ради личныхъ корыстей». Онъ увѣренъ былъ, что, испытавъ неудобство подобнаго налога, обратятъ его въ денежный, «для общей пользы». Въ слѣдующемъ 1795 году дѣйствительно налогъ этотъ былъ замѣненъ тридцатикопѣечнымъ сборомъ.

Екатерина драхлѣла. Вліяніе на нее Зубова было чрезвычайное. Отъ этого юноши зависѣли мѣста и награды. Возраженія никакія не принимались, мнѣнія не выслушивались «Не всѣмъ есть воля и свобода представлять свои мысли, а только тогда то и можно, когда оныхъ спрашиваютъ, что весьма изъ вещей рѣдкихъ.» «Люблю отечество, сердцемъ привязанъ къ благодѣявшей мнѣ, а живу въ такое время, когда льстецы приемятся, а благонамѣренные молча воздыхаютъ. Нѣтъ способа говорить, что думаешь.» Завадовскому случалось имѣть споры съ Екатериною, которые кончались обоюдною торечью. И вотъ, изливая свое неудовольствіе предъ графомъ С. Р. Воронцовымъ, онъ заканчиваетъ такъ письмо: «Когда Еней въ Елисейскихъ поляхъ увидѣлъ Дидону, Virgilій на тотъ случай изображаетъ его чувства: *Neu, quantum mutata est illa!* (увы, какъ она перемѣнилась!) Все въ его рукахъ, и все подъ нимъ. Властитель прежній (Потемкинъ), сравнивая съ симъ, былъ то, что пѣшка противъ ферязи всяческой. Умножай сію идею часъ отъ часу посылкою. Всѣ пляшутъ по его дудкѣ. Блаженъ, что не передъ твоими глазами игра новаго театра. Одному все принадлежитъ, прочіе генерально его мыслямъ прилаживаютъ».

Такой порядокъ дѣлъ, т. е. такое самовластіе временщика, не могли обеспечить ни выбора достойныхъ лицъ для занятія должностей, ни правильнаго веденія дѣлъ. «Вознесеніе толико скоропостижное», замѣчаетъ Завадовскій, «обыкновенному человѣку всегда приноситъ мечтаніе о себѣ». «Чтобъ освѣщать толикую сферу, надобно быть огромному свѣтилу». Изображая положеніе дѣлъ еще при Потемкинѣ, Завадовскій приводилъ слова Ломоносова: «Мѣста священныя... облегъ драконъ ужасный».

На злоупотребленія постоянно слышались жалобы. Еще въ 1787 году, графу Александру Воронцову поручили ревизію Саратовской губерніи съ цѣлю искоренить зло. По мнѣнію Завадовскаго, мѣра эта не была дѣйствительною, и онъ писалъ графу Воронцову: «Комитеты разсылать въ концы государства не есть средство легкое или ближайшее истреблять корыстолюбцевъ. Большая часть губерній того же востребуетъ, и настоящаго стада сенаторовъ, какъ оно ни многочисленно, не станетъ ни числомъ, ни качествомъ на такой правый судъ. Полезнѣе было бы отвратить дознаваемые злодѣяства лучшимъ спо-

собомъ, т. е. разбирая людей при опредѣленіи къ мѣстамъ, которыя теперь открыты равно для дураковъ, какъ и для всѣхъ мерзавцовъ. Зло въ семь родѣ разливается на подобіе сильной рѣки, что, разорвавши плотину, всѣ мѣста потопляетъ. Но не нашихъ силъ дѣло положить тому оплотъ; тужить только можемъ. Сокращаю стремленія мыслей моихъ, описаніемъ твоимъ возбужденныхъ, вспомнивши, сколь тщетно о томъ думать и говорить». «Ворами не истребить воровъ, а они всегда первые къ пополненію мѣстъ». «Отъймешь проказу отъ Саратова, еще сіе не составитъ лекарства на всѣ парши. Корысть и подобныя тому пороки разольются часъ отъ часу болѣе по мѣрѣ того, какъ ихъ мать, роскошь, господствуетъ».

Въ порицаніяхъ Зубова вовсе не руководили Завадовскимъ зависть или самолюбіе, или личное неудовольствіе. Позднѣе, когда императоръ Павелъ обратилъ милость свою къ Зубовымъ, Завадовскій, высказывая предположеніе о возвращеніи имъ отобранныхъ имѣній, добавилъ: «Дай Богъ всѣмъ счастья; а намъ, милый другъ, провести остатокъ дней безъ угнетенія отъ навѣтовъ, чѣмъ я не ласкаю себя». Во время самаго гоненія писалъ онъ: «Рокъ меня научилъ, что можетъ гоненіе и сколько злыми бываютъ люди противъ того, который никому не желалъ зла». И это было вѣрно.

Порицанія Завадовскаго однако не могли оставаться неизвѣстными Зубову и его клеветамъ, и не подготовить ему недоброжелателей, которые искали случая, чтобъ досадить ему. Случай такой представился. Кассиръ Государственнаго Банка, Нѣмецъ Клеберъ растратилъ до 600 т. р. денегъ, сдѣлавъ различные подлоги. Сейчасъ составили слѣдственный комитетъ. Хотя членомъ комитета былъ назначенъ Императрицею Завадовскій, но, по свойственной ему скромности, онъ уклонялся дѣлать указанія, чтобъ не заподозрѣли его въ намѣреніи дать благопріятный оборотъ дѣлу и въ пристрастіи къ кому-нибудь. Дѣло повели самымъ неправильнымъ образомъ, тянули его немилосердно, чтобъ найти возможность тѣмъ временемъ выдвинуть какой-нибудь случай, связанный съ личною отвѣтственностію для Завадовскаго. Завадовскій, удрученный горемъ и несчастіемъ, не видя (какъ писалъ) ни въ комъ защиты, убѣдившись, что его тридцатилѣтняя служба, которую самъ онъ, при своей скромности, называлъ бесплодною, даже его усердіе по Банку, гдѣ за время его управленія оказалось два милліона прибыли, не вспомянуты, тяжело заболѣлъ. Выздоровленіе его, какъ извѣщалъ Троцинскій графа А. Р. Воронцова, представлялось весьма сомнительнымъ.

Оправившись, онъ писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову: «Привыкаю сносить злость и коварство людей, нарочито изысканныя

въ мою пакость. Досады и непріятностей кучи валили; я не вель борьбы, а презиралъ таковыхъ. Еще дѣло не кончено, а имѣвъ опыты расположенія, не могу ожидать ничего добраго. Богъ съ ними, лишь бы только мнѣ развязаться. Уставомъ банка главный директоръ уволенъ отъ свидѣтельства казны и ежедневнаго въ правленіи присутствія, слѣдственно я не подлежу отвѣту. Но не меньше стражду о чинахъ, которые ни въ чемъ не виновны опричь оплошности по довѣрію къ мошеннику, что маску носилъ превѣрнаго и исправнаго. Когда фаворитъ на кого наляжетъ, нелегко тому держаться; и я теперь въ семъ положеніи».

Но преслѣдованіе Завадовскаго шло далѣе его предположеній. Онъ, какъ крайнюю мѣру изобрѣтенія своихъ недруговъ, считалъ отнесеніе на его счетъ убытка. Такой оборотъ дѣла былъ бы очень тяжелъ для Завадовскаго, который имѣлъ долги; но онъ приготовлялся къ тому, чтобы только поправить свои дѣла, продать домъ и часть имѣній. Когда же дѣло поступило въ Сенатъ, тутъ стало ясно, чего хотѣлось Зубову и его клевретамъ. Мятлевъ, въ угоду Зубову, больной пріѣхалъ въ Сенатъ, чтобы уговорить сенаторовъ подвергнуть высканію Завадовскаго. Его поддерживали оберъ-прокуроръ Мухановъ и даже самъ генераль-прокуроръ «изъ трусости передъ Зубовымъ». Графъ Н. П. Румянцовъ остановилъ всѣхъ, указавъ, что они не имѣютъ права судить Завадовскаго, тѣмъ болѣе, что Государыня его перваго назначила членомъ комитета по банковому похищенію.

Извѣщая объ этомъ графа А. Р. Воронцова, Троцинскій высказывалъ опасеніе, «по многимъ обстоятельствамъ, чтобы Завадовскому не сдѣлали большой непріятности». Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Державинъ, всѣми мѣрами стараясь повредить Завадовскому. Но Троцинскій увѣрялъ, что если дѣло пойдетъ черезъ его руки, онъ почтетъ долгомъ оправдать «невинныхъ, убиваемыхъ въ чести и имѣніи».

Великій князь-цесаревичъ пересталъ съ нимъ говорить и, при замѣтномъ упадкѣ силъ и здоровья Императрицы, это обстоятельство не могло не тревожить Завадовскаго.

А что еще сильнѣе трогало его—это прекращеніе переписки съ самымъ близкимъ и дорогимъ ему человѣкомъ, гр. С. Р. Воронцовымъ³⁸⁾. Графъ Воронцовъ выѣхалъ изъ Россіи въ первый періодъ царствованія Екатерины. Законодательная комисія, жалованная грамота, городское положеніе,—все это, одно за другимъ, свидѣствовало о намѣреніи Екатерины пересоздать государственный строй Россіи и подавало графу Воронцову надежду, что его мнѣнія будутъ охотно принимаемы Екатериною. Но время перемѣнилось. То былъ періодъ лич-

³⁸⁾ Переписка эта черезъ полтора года возобновилась.

ной дѣятельности Императрицы, энергичной, гениальной: то была Екатерина-волшебница; а теперь она является утомленною, подчинившеюся во всемъ человѣку, свойства котораго (при отсутствіи къ тому же малѣйшаго опыта) не могли восполнять собою недостатокъ энергіи Императрицы. Это знали всѣ ея приближенные, и Завадовскій, говоря о ней въ 1792 году, замѣчалъ, «что солнце на закатѣ, не тотъ свѣтъ имѣетъ, которымъ дѣйствуетъ при востокѣ и во время полдня». А графъ Воронцовъ, подчиняясь взглядамъ свободной Англiи относительно выгодъ своего отечества, въ политическихъ запискахъ своихъ, шелъ въ разрѣзъ съ трезвымъ и дѣловымъ взглядомъ своего друга и расчетами нашего правительства. Такъ прислалъ онъ двѣ записки: 1-ю. Объ образованіи изъ Польской Украины удѣльнаго княжества; 2-ю относительно указовъ объ экипажахъ, и о правахъ нечиновнаго дворянства. Безбородко не зналъ какъ доложить Императрицѣ эти записки и обратился по обыкновенію за совѣтомъ къ Завадовскому, который, «клятвою и просьбою», убѣдилъ его не подавать записокъ и написалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Воронцову слѣдующее письмо: «Я его (Безбородку) просилъ убѣдительно, чтобъ не дѣлать употребленія. Лучше, чтобы ты на меня сердился, чѣмъ затянуть петлю, въ которую, безъ нужды, безъ всякой пользы, совалъ ты свою голову. Я не оспариваю твоего подвига со стороны усердія къ Отечеству; но, мой другъ, ты забываешь благоразуміе сообразоваться времени, что всегда было свойствомъ умныхъ людей, и побуждаешься сущою горячкою весьма не въ пору. Могли-ли твои разсужденія быть пріятны или подѣйствовать, когда уже Польскій край даже расписанъ былъ на губерніи, Минскую, Иязславскую и Брацлавскую; когда планъ сего пріобрѣтенія за нѣсколько лѣтъ питалъ душу славою и удовольствіемъ, какowymi теперь восхищаемся! Разсуди же, какъ показалось бы твое упреканіе на нашу любимую политику! На два пункта въ разсужденіи дворянъ твои примѣчанія не новыя мысли; но никто, вѣрь мнѣ, доселѣ тѣмъ не беспокоится. Переимѣни свой собственный законъ дѣло у насъ невозможное, и представленія противъ того разумѣлися бы дерзостію и преступленіемъ. Я не ручаюсь, чтобъ еще не пали тутъ на счетъ твой толки умысла (хотя ты никакого не имѣлъ) по нѣжности времени и вниманія государей хранить свою волю неприкосновенно. Ты клепалъ на Вяземскаго: онъ столько участвовалъ, какъ ты, въ семь дѣлъ, которое было начертаніе собственное; а незнающіе приписывали ему, что часто бываетъ. И такъ оставляю тебѣ: ругай меня сколько угодно; я всегда сохраню въ томъ долгъ дружбы, когда мнѣ можно, чтобы заслонить такую яму, которую изрываешь, чтобы упасть въ оную Курціемъ безъ спасенія Рима. Братъ твой благодаритъ меня

за мой поступокъ, а тебѣ голову мою за твою необдуманную пылкость. Сенюша, ты давно выѣхалъ изъ Россіи и не воображаешь вещей и въ мысляхъ переменны. Потому и совѣтую тебѣ, мой другъ, ограничивайся въ донесеніяхъ тѣмъ единымъ, что до твоего поста и порученныхъ тебѣ дѣлъ касается; а на прочіе предметы не вызывайся съ твоимъ разсужденіемъ, когда отъ тебя онаго не спрашиваютъ. Легко сказать: нѣтъ бѣды за правду страдать; но переносить неприятное всегда же тягость. Живучи въ республикѣ, не забывай права самодержцевъ: *sic volo, sic jubeo* (такъ хочу, такъ повелѣваю).

Почитая, быть можетъ, осторожность Завадовскаго неумѣстною, Воронцовъ избралъ другой путь: онъ вступилъ въ переписку съ Марковымъ и Ростопчинымъ, не написавъ слова утѣшенія своему испытанному другу во дни его гоненія и тяжкой болѣзни³⁹). Но по прежнему дѣло было Завадовскому Семенъ Романовичъ, и еще болѣе тревожился онъ за него, не имѣя возможности предупредить необдуманное его усердіе и пылкость. Онъ писалъ по этому поводу къ брату его Александру, переписка съ которымъ не прекращалась, указывая на отсутствіе въ Ростопчинѣ качествъ, обезпечивающихъ тайну, а на счетъ Маркова замѣтилъ, что переписку Семена Романовича онъ «обыкновенно предъявляетъ выше, то и можетъ случиться, что братъ твой, резонируя по своему обычаю горячо, предложить свои мысли не въ попадѣ, въ чемъ его конечно корреспондентъ не побережетъ». Безбородко же въ то время потерялъ всякое значеніе. Еще въ 1791 году, пользуясь отсутствіемъ его въ Яссы для заключенія трактата съ Турціею, Зубовъ забралъ всѣ дѣла въ свои руки и возложилъ доклады по дѣламъ внѣшней политики на Маркова.

И такъ вотъ въ какое, тяжкое для Завадовскаго время, 6 Ноября 1796 года разразилась надъ нимъ вѣсть о кончинѣ Екатерины. Все, что томило Завадовскаго: семейное горе, неприятное банковое дѣло, раздутое происками недоброжелателей, грозное будущее, измѣна и забвеніе его заслугъ и усердія, все это позабылось. Передъ нимъ былъ только прахъ той, которую такъ горячо любилъ онъ въ лучшую пору свою, къ которой привязанъ былъ вѣчною благодарностью. «Плачущій пишу къ тебѣ, милый другъ. Въ терзаніяхъ началъ и проводилъ, но уже въ горести ни съ чѣмъ несравненной оканчиваю сей годъ. Смерть скоропостижная пресѣкла жизнь Государыни и моей несравненной благодѣтельницы».

*

³⁹) Впрочемъ, отгѣтныя письма графа Воронцова намъ неизвѣстны (кромя весьма немногихъ черновыхъ, сохранявшихся въ Воронцовскомъ Архивѣ), и можно судить о содержаніи ихъ только по письмамъ графа Завадовскаго. П. Б.

Прежде чѣмъ вступить за Завадовскимъ въ «томные дни», какъ называлъ онъ царствованіе Павла, интересно познакомиться съ его сужденіями о политическихъ и военныхъ событіяхъ и людяхъ Екатерининскаго времени: въ этихъ сужденіяхъ обнаруживаются его государственный умъ, его взглядъ на политику и его необыкновенная наблюдательность.

Передъ второю Турецкою войною Безбородко, находясь при Императрицѣ во время ея путешествія въ Тавриду, писалъ въ Петербургъ къ Завадовскому, что «мы совершенно приготовились къ войнѣ; но желаніе есть оттянуть ее на два года». Завадовскій отвѣчалъ ему: «Есть ли въ томъ благоразуміе, что завременно обнажаемъ наши силы, наши виды и принуждаемъ Турковъ уготовлять свою защиту?» Онъ указывалъ, что, благодаря такому распоряженію, съ трудомъ и большими потерями придется добиваться выгодъ, какія могли быть достигнуты при внезапности для Турціи. «Когда отъ войны пользу предвидятъ», писалъ онъ, «то для чего же Туркамъ даютъ усмирять внутренніе ихъ бунты и развязываютъ имъ руки? Сія успокоивши, всѣ силы обратятъ въ ополченіе противъ насъ».

Въ 1791 году онъ такъ описываетъ политическое положеніе наше графу С. Р. Воронцову: «Хотя не то мы дѣлаемъ, что бы ты учинилъ, еслибъ первымъ министромъ былъ у государя великой державы и любящаго славу, однакожъ кой-какъ и за неволю крѣпимся». Завадовскій былъ увѣренъ, что сокрушить Турцію и получить выгодный миръ легко; «но самъ вѣдаешь, въ чьихъ рукахъ все сильное наше оружіе». Потемкинъ, влюбившись въ княгиню Долгорукову ⁽⁴⁾, оставилъ армию и прибылъ въ Петербургъ. «Онъ мечется какъ угорѣлый. Женщина превозмогла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце. Уязвленное самолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ». «Вмѣсто удара на вѣки сокрушительнаго, мы еще и до того не допли, что произвели въ предыдущую войну. Всякъ ощущаетъ сію истину, но никто не превозможетъ случая, и дѣла нынѣшнія идутъ превыше прежнихъ. Рибасгерой и Вейсманъ предъ нимъ ничтоже. Посему разумѣй и прочее. Не дивись, если мы объ арміи меньше знаемъ теперь, когда самъ вождь у насъ, нежели какъ его не было». «Я воображалъ всю славу нашу и послѣднюю гибель Турковъ. Познавъ теченіе вещей, прошу Бога, чтобъ даровалъ миръ. Подумай, счетъ нашихъ боевыхъ силъ до 500 т. простирается! Съ таковымъ ополченіемъ кого можно страшиться? Но сія машина требуетъ умственной силы. Судьба еще отдаляетъ время вступить Россіи на степень величія, соразмѣрную ея могуществу. Ты

⁽⁴⁾ Это была княгиня Екатерина Федоровна, дочь князя Ф. С. Барятинскаго.

пожелалъ узнать многія причины. Удовольствуйся одною, которую скажу: несчастье въ избраніи людей. Выходило ли тебѣ когда на мысль, чтобы Заборовскій признанъ за способнаго потрясти Архипелагомъ, или Войновичъ предводитъ флотомъ большимъ на Черномъ морѣ? Далѣе самъ толкуй Энеевъ стихъ: *heu quantum mutata est illa!*»

Предвѣдѣніе Завадовскаго сбылось. Это писано 1 Іюня 1789 года, а 24 Сентября 1791 г., когда заключенъ былъ миръ, но еще не ратификованъ трактатъ, онъ писалъ Воронцову: «Сообрази убытки, представь величайшіе способы, каковы на Турецкую войну мы имѣли и размѣрай тѣмъ одержанную пользу. Власть безпредѣльная, силы страшныя, я всегда думалъ, захватятъ въ театръ войны и самый Стамбуль; но судьба еще хранитъ Магометанъ отъ совершенной гибели. Бито ихъ довольно, но взяли у нихъ немного. Отчего же? Оставляю твоей догадкѣ».

Графъ Воронцовъ давалъ большое значеніе подстрекательству Турокъ со стороны Франціи и опасался онаго. Завадовскій не раздѣлялъ этого мнѣнія, полагая, что скорѣе тщеславіе Зубова и жажда славы ввергнутъ Россію въ новую войну. «Ты еще Турцію ставишь высоко, а она почти падшая. Вообрази, какъ имъ смѣтъ затѣять новую войну, ударъ видя готовый въ самое сердце? Они же двоекратно уже испытывали, что бѣдами ихъ оканчивались предпріятія, слѣдующія внушеніямъ другихъ. Стало бы насъ на все, лишь бы умѣть располагать! Турки поджигаются, и Бароци ⁴¹⁾ предвѣщаетъ войну. Я оной, признаюсь, отъ нихъ не жду; а собственнаго нашего къ тому побужденія больше опасуюсь: ибо ты не можешь себѣ представить, сколько мы охочи и бодрственны».

Завадовскій продолжалъ отрицать возможность войны со стороны Турціи и въ началѣ 1794 года. «Ты вѣдаешь давнишнее желаніе» (Зубова), писалъ онъ; «находятъ, что теперешнія обстоятельства могутъ онымъ благоприятствовать. Я не думаю, чтобы Турки безъ вынужденія зачали войну; но стоятъ противъ ихъ на караулѣ тоже тягостно, слѣдственно за наше миролюбіе не отвѣчаю. Противъ сего можно возразить премного, не спорю; но знай: когда предметомъ льстимся, тутъ способами не дорожимъ».

Вотъ какъ объяснялъ Завадовскій возможность сохраненія Турціи. «Держава сія, потерявъ духъ военный и будучи управляема крайнимъ невѣжествомъ, со многихъ сторонъ близка къ своему паденію, и

⁴¹⁾ Нашъ генеральный консулъ въ Яссахъ?

ежели еще продержится, то не собственнымъ вѣсомъ, а развѣ вліаніемъ въ связь Европы».

Замѣчательны сужденія Завадовскаго о Польскихъ дѣлахъ. Послѣ нашего соглашенія на второй раздѣлъ Польши, въ Августѣ 1793 года, онъ писалъ: «Въ разсужденіи настоящаго подѣла считай дѣло обѣихъ державъ оконченнымъ; но преддежить токмо союзный трактатъ съ незначущею теперь республикою, въ которомъ движимся помыслами великими, въ чемъ я не предвижу нужды, а еще менѣе прибыли». «Ни Австрійцы, ни Пруссаки по одиночкѣ не коснутся къ остатку Польши, разсуждая на наше тому сопротивленіе; по себѣ же она ничто. Равнымъ образомъ дозволятъ ли и намъ заторнуть ⁴¹⁾ оную? И такъ мечтаемые виды не принесутъ, кромѣ хлопотъ и тяжкихъ убытковъ. На соображеніи вещей располагаю мою мысль».

Что касается существенной стороны раздѣла, онъ замѣтилъ: «Намъ достался, ты самъ знаешь, край преплодородный; а Пруссаки получили хотя земли и головъ меньше, но всю торговлю Польскую и лучшіе города. Но какъ быть? Ему не давши, и сами не взяли бы».

Когда Костюшка поднялъ возстаніе, Завадовскій, сообщая Воронцову о теченіи дѣлъ, дѣлаетъ свои замѣтки и предположенія. «Есть то въ самомъ дѣлѣ», писалъ онъ 14 Апрѣля 1794 года, «что Костюшка подымаетъ въ томъ краю гидру Якобинцовъ. Надъ нашимъ деташаментомъ, въ командѣ Денисова и Тормасова бывшимъ, получилъ удачу, приписываемую лишней надеждѣ, съ которою наши генералы пренебрегли Польскую сволочь. Шуму довольно, пока руку наложить. Какъ бы ни двигало бѣшенство, но Поляки не Французы. Сверхъ того, нашихъ силъ противъ нихъ столько, что и муху обухомъ бить можемъ. Я такъ думаю», добавилъ онъ, «но мысль моя никому не въ указъ». Въ письмѣ отъ 29 Августа онъ извѣщалъ, что король Прусскій, почитая возмущеніе весьма опаснымъ, двинулся въ Польшу со своею арміею и что правительство наше согласилось на занятіе имъ Варшавы. «Нельзя усумниться, чтобъ съ толикими взаимными силами не задавить небольшую кучку дерзкихъ, ибо отъ одного удара всѣ и въ разныхъ концахъ упадутъ: ибо не чернь, а только шляхта, которой единокупіе несродно, бунтуетъ. Но когда король Прусской въ Варшавѣ поселится, какъ его оттуда выжить? Дальнѣйшія слѣдствія оставлю постигать твоему проищанію». 19 Мая онъ высказывалъ предположеніе, что «настоящее происшествіе изгладитъ имя и существованіе республики, и остальное пойдетъ по рукамъ». Эту мысль подтверждалъ онъ и въ письмѣ отъ 7 Іюня, удостовѣряя, что «дѣло кон-

⁴¹⁾ Т.-е. захрести, забрать.

чится въ этомъ году непременно и что Польша перестанетъ быть въ Европѣ на подобіе планетъ, исчезнувшихъ въ небесной сферѣ». При этомъ указываетъ онъ на возможность притязаній со стороны короля Прусскаго, который «даромъ не воюетъ; развѣ въ томъ только надобно негоцировать, чтобъ не лѣзъ за нашу черту».

«Примѣръ Франціи», возражалъ Завадовскій графу Воронцову, «не прикладенъ къ Польшѣ: тамъ весь народъ, здѣсь частица буйствуетъ въ свою гибель». Графъ Воронцовъ былъ противъ новаго раздѣла Польши; но Завадовскій, близко принимавшій къ сердцу выгоды своего края, ему замѣтилъ: «Когда сами случаи идутъ на встрѣчу, то не простительно было бы тѣмъ не воспользоваться». «Я продолжаю пребывать въ томъ мнѣніи, что Поляки свои затѣи простерли, чтобъ себя доканать. Иначе не будетъ. Пай нашъ возрастетъ, также какъ и Прусской, а и Цесарцы не откинуть съ Краковомъ земель имъ подручныхъ».

Король Прусскій, боясь осрамиться неудачею, обложилъ укрѣпленный лагерь Костюшки осадюю. Завадовскій находилъ въ томъ безнужную медленность, которая даетъ только время еще болѣе развиться возстанію въ другихъ мѣстахъ. Онъ полагалъ, что Костюшку нужно сокрушить быстрымъ натискомъ, ставя въ зависимость отъ побѣды надъ нимъ прекращеніе возстанія. «Король Прусскій», замѣчаетъ онъ, «не Кесарь; придетъ къ Варшавѣ, не сказалъ: *veni, vidi, vici*» (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ).

Опасенія Завадовскаго сбылись: мятежь охватилъ и Прусскія провинціи. Мятежники отбили обозъ съ артилерійскими припасами, шедшій къ королю, такъ что тяжеловѣсный преемникъ Фридриха Великаго долженъ былъ поспѣшить восвояси. Но, не смотря на такую неудачу, Завадовскій не предполагалъ, чтобъ Костюшка продержался до весны 1795 г. При этомъ онъ почиталъ необходимымъ двинуть войска наши, сколько бы ихъ ни было, къ Варшавѣ и прижать Костюшку безъ помощи Пруссаковъ: «далѣе и времени не будетъ, и способы затруднятся». «Но нельзя переломить прихотей и мечтанія самолюбца (Зубова). Странныя происшествія толкаютъ мысль отъ всякой вѣрной точки», замѣтилъ онъ. «Если Костюшка будетъ разбитъ и взятъ подъ Варшавою—кампанія тѣмъ и кончится»; но послѣдній долженъ былъ непременно имѣть планъ, «въ случаѣ неудачи, броситься въ Литву, гдѣ найдетъ много единомышленниковъ, но гдѣ ожидаетъ его затрудненіе въ продовольствіи (такъ какъ тамъ былъ голодъ), или на Югъ. Тогда безпокойство продлится. При всемъ томъ война сія продолжиться не можетъ, на которую Поляки скудны во всѣхъ способахъ и ведутъ оную въ сущее токмо раззореніе земли

своей; для насъ же, oprичъ непріятныхъ хлопотъ, нѣтъ никакой опасности, и напротивъ предлежитъ откpоить полосу черезъ Курляндію по Бугъ. Пріобрѣтеніе въ сію сторону отечеству нашему столь важно, какъ подобнаго нигдѣ быть не можетъ. Самъ вѣдаешь, что нельзя не подѣлиться съ другими, но черта наша не обидна противъ сосѣдей».

Еще при самомъ началѣ войны Завадовскій сокрушался, что не поручили арміи Румянцову. Онъ былъ убѣжденъ, что одинъ Румянцовъ могъ безошибочно вести дѣло. Зубовъ былъ противъ этого, потому что ему не приходилось дѣлать указанія Румянцову, а онъ сгаралъ тщеславіемъ пожать лавры. Неудачи заставили призвать Румянцова, который сей часъ же двинулъ Суворова къ Варшавѣ. «Между тѣмъ, что Костюшка (писалъ Завадовскій) въ Варшавѣ, можетъ быть поетъ побѣдную, опредѣленный отъ фельдмаршала графъ Суворовъ въ довольныхъ силахъ, по своему образу, быстро летитъ въ сторону Варшавскую. Ежели самъ Костюшка попадетъ ему въ глаза, я увѣренъ, что онъ его разобьетъ. При сей благонадежности я еще и ту вѣру имѣю, что Суворовъ, бывъ предприимчивъ и самолюбивъ, не побоятся и самага гнѣзда Костюшкина и своимъ досужествомъ превзойдетъ ожиданія». Такъ писалъ онъ 19 Сентября, а 6 Октября извѣщалъ, что «Костюшка съ своими сообщниками въ полномъ страхѣ и нуждѣ и не о продолженіи бунта думаетъ, а о томъ, какъ бы получить прощеніе. Вотъ видишь, мой другъ, какъ сбываются мои гаданія». О Суворовѣ писалъ онъ: «Сей витязь, помѣряется въ самой Варшавѣ съ Костюшкою, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь, и заранѣе читаю его мысли, хотя не всѣ равно думаютъ со мною». «Гаданія» Завадовскаго сбылись вполнѣ: Суворовъ завладѣлъ сильно укрѣпленнымъ предмѣстіемъ Варшавы, Прагою, послѣ кровопролитнаго боя, не имѣвъ осадныхъ орудій. Множество Поляковъ пало въ бою, на улицахъ, потонуло въ Вислѣ. Суворовъ спѣшилъ занятіемъ Варшавы предупредить короля Прусскаго, также двинувшася сюда, по успокоеніи его владѣній, откуда силы Костюшки были отвлечены нами. Варшава занята Суворовымъ, Костюшка взята въ плѣнъ.

Теперь заботилъ Завадовскаго окончательный раздѣлъ Польши. Онъ видѣлъ, какая политическая игра затѣвалась. «Костюшка со своею ратью—одна пыль и паутина», а трудность была въ притязаніяхъ Австріи, посягавшей на предположенныя нашу и Прусскую границы. Въ образѣ дѣйствій Пруссіи Завадовскій не усматривалъ «тону рѣшительнаго, а только торговый», хотя предвидѣлъ, что если предложенный раздѣлъ не будетъ отвѣчать выгодамъ короля, то онъ

поспѣшить заключить миръ съ Франціею, «дабы подкрѣпить силами свой споръ». Едва письмо это дошло до графа Воронцова, какъ въ Петербургѣ было уже извѣстно, что король Прусскій отправилъ Гольца условиться съ Франціею о мирѣ, о чемъ поставилъ въ извѣстность нашего посланника, конечно, съ цѣлію произвести впечатлѣніе. Равнымъ образомъ и Австрія выразила желаніе, чтобъ раздѣлъ былъ совершенъ по окончаніи войны ея съ Франціею, т.-е., замѣтилъ Завадовскій, «когда она въ состояніи будетъ свои претензіи подкрѣпить сильною арміею». Обѣ державы не желали уступить Кракова и, въ виду безвыходнаго спора, согласны были оставить Польшу въ настоящемъ видѣ. Это очень тревожило Завадовскаго. «Какой же намъ выигрышъ», говорилъ онъ, «за понесенныя тягости и убытки? Только что Польшу оставимъ вѣчнымъ и пуцимъ врагомъ, ко всякому противъ насъ готовымъ прилѣпиться».

Правда, Австрійцы тянули дѣло; «но» предсказывалъ Завадовскій, «поколѣбродивши, напоследокъ, принуждены будутъ на подѣлъ согласиться, ибо воспротивиться хотящимъ въ теперешнемъ своемъ положеніи не въ состояніи. Даруй Богъ, чтобъ таково предположеніе наискорѣе совершилось и чтобъ простертая Россія, положа мечъ во влагалище, почилъ. Самъ Богъ видимымъ образомъ всѣ наши помыслы и предпріятія вѣнчаетъ Своимъ благоволеніемъ. Въ свое время колико мы завидовали Польской Украинѣ! Вспомни, теперь она вся наша, и съ какимъ приумноженіемъ! Вся благодатная земля, всѣ Польскіе лѣса обращаются въ наше обогащеніе; стоитъ только добрымъ образомъ распорядить (что однако же въ необъятномъ пространствѣ не легко), то мы не можемъ ни въ чемъ нуждаться».

Наконецъ, съ Австріею заключенъ трактатъ, гарантирующий неприкосновенность Кракова. Ей предоставлялись воеводства Сандомірское и Люблинское, почти все воеводство Краковское и полоса земли по правому берегу Вислы до Буга. Австріи предоставлено объявить объ этомъ Пруссіи. «При всемъ томъ», писалъ Завадовскій, «хотя мы и не нуждаемся не останавливать объявленія, но сомнѣваюсь, чтобы Цесарцы столько горячи были, чтобъ не прибавить медленія въ такомъ пунктѣ, который неминуемо долженъ подвинуть короля Прусскаго на полную рѣшимость. У насъ всѣ думаютъ, что война отъ короля Прусскаго неизбежна. Признаюсь тебѣ, я не тѣхъ мыслей; ибо не представляю себѣ ему выгоды отъ оной, а объ опасности, въ своемъ изнеможеніи, онъ не можетъ не помышлять, поднявши на себя и наши силы, и Австрію, при теперешнемъ общемъ союзѣ съ Англіею, и сія послѣдняя противъ его въ жестокомъ негодованіи. Помощь ему отъ Шведовъ и Турковъ больше мечтательна, чѣмъ важна. Обѣ державы

ослабѣвшія, обѣ въ разстройствѣ; еще прибавь въ послѣдней и недовѣренность, и безтолковость. Сверхъ того, еслибъ Пруссаки полагали у себя войну, то неужелибы онъ свою армію не возвратилъ въ противоположныя (отъ Франціи) границы и не дѣлалъ на оныхъ предварительныхъ приготовленій? Но какъ того доселѣ нѣтъ, то и не могу подозрѣвать умысла, который другіе заранѣе отгадываютъ. Свою находку (разумѣю то, что даромъ ему пришло и достается) лучше обратить въ свою пользу, нежели пуститься на удачу. Дворъ же сей давно уже барыши предпочитаетъ славѣ. Я думаю, поищетъ выторговать, да и осядетъ».

Такъ, по предреченію Завадовскаго, сложились всѣ событія, и въ слѣдующемъ 1795 году къ Россіи присоединены Курляндія, Литва, Волынь, часть Самогитіи и Малой Польши. «Польша перестала быть въ Европѣ, на подобіе планетъ, исчезнувшихъ въ небесной сферѣ».

Французская революція, встревожившая Европу, заботила сильно и насъ, «Французскія дѣла—господствующая матерія нашей нынѣ политики», писалъ Завадовскій въ 1792 году. «Самъ ты знаешь, можемъ ли мы спасти погибшаго короля или непосредственно укротить обуявшій народъ? Не въ натурѣ вещей, чтобъ ихъ правила на нашемъ холодномъ Сѣверѣ произвели пожаръ. Привить философію народу неграмотному кому удобно? Лъстивые происки и желаніе во всякомъ случаѣ славы ввергаютъ въ хлопоты и величайшія издержки въ такую пору, когда казна очень и очень не изобильна».

Говоря о возможности дѣятельнаго участія Россіи въ дѣлахъ Франціи (о чемъ мечталъ Зубовъ и къ чему склонялась Екатерина), Завадовскій замѣтилъ: «Что же существеннаго для насъ найдемъ, я у тебя спрашиваю? Мы жить можемъ въ покоѣ, а только не отвѣчаю, захочемъ-ли? Можемъ вознаграждать длинными войнами причиненные убытки, умножить наши силы, къ чему одна только воля потребна. Турки пали, море и границы ведутъ насъ къ ихъ столицѣ, на случай новой войны, лишь бы вождь удобенъ былъ на такое предпріятіе. Шведы нищи, а другія державы тяжело изнуряются: то что быть можетъ лучшее настоящаго нашего положенія, которымъ пользуясь, ко всякому будущему слишкомъ возможно бы приготовиться? Вотъ, мой другъ, моя собственная мысль; посему не думай, чтобы и всѣ тоже думали».

Графъ Воронцовъ настаивалъ на союзѣ съ Англіею и посылкѣ войскъ. «Отъ Аглицкой негодіи не жди выгоды», возражалъ ему Завадовскій; «съ пустыхъ словъ не содѣлается трактатъ, а на дачу войскъ не подадимся, да и такъ малая частица что бы значила противъ массы Французской? Сверхъ того, настоящее наше положеніе, по

осмотрительности на близкое будущее, выводитъ неудобность на такую ссуду». Завадовскій имѣлъ въ виду затрудненія встрѣчавшіяся при раздѣлѣ Польши. Главнымъ побужденіемъ признавали въ данномъ случаѣ необходимость положить преграду проiscaмъ мятежной Франціи, откуда такъ называемый «легіонъ царевубійць» (légion des régicides) повсюду, и даже въ Россію, разсылалъ своихъ отчаянныхъ клеветовъ. Такого мнѣнія былъ и Воронцовъ. Но Завадовскій на это смотрѣлъ иначе и писалъ Воронцову: «Слѣдствія, что воображаемъ отъ яда Французскаго, отъ насъ еще далеки; а хлопоты сосѣднія, противъ коихъ боремся и которыя могутъ еще постоять, требуютъ и понудятъ къ сильному ополченію, къ чему уваженіе должно влечь насъ преимущественно. Поэтому я, мой другъ, весьма за сходное настоящему времени нахожу, чтобъ уклониться отъ неудобной для насъ завязки». «Мы далеки по всему, чтобъ упасть искрѣ отъ пламени, зажигающаго Европу». Графъ Завадовскій не вѣрилъ и тому, чтобъ движеніе, охватившее Францію, могло найти отголосокъ въ Германіи и Швейцаріи.

Графъ С. Р. Воронцовъ сумѣлъ склонить наше правительство къ союзу съ Англіею. По поводу этого графъ Завадовскій писалъ графу Александру Романовичу. «Братъ твой радуется оному безмѣрно. На будущее время, а не теперь, могутъ отъ онаго быть для насъ выгоды; въ нынѣшнемъ же положеніи оно только приноситъ пользу Англіи, да министерству въ подаркахъ».

По поводу необыкновенныхъ Французскихъ успѣховъ въ Италіи въ 1796 году, графъ Завадовскій писалъ графу А. Р. Воронцову: «Собственныя мои заключенія тебѣ передаю. Французовъ успѣхи немовѣрно растутъ въ Италіи. Если они прострутъ дѣйствіе на Римъ и противъ короля Неаполитанскаго, въ томъ потерпитъ бѣду одна Италія, и когда тамъ завяжутъ себя, то сами завязнутъ. Но буде счастье имъ столько пособить, что пробьются въ Тироль (куда видимо ихъ напряженіе), тогда, прижавъ Австрійцевъ, поставятъ въ заботу и другихъ беречься отъ пожара въ сосѣдствѣ. Цесарцы принуждены отъ Рейна тридцать тысячъ войска обратить въ Италію въ защиту нашествія къ сердцу, а убыль сію замѣнить войсками изъ Галиціи. Пока сіи на мѣсто прибудутъ, дѣйствія на Рейнѣ учреждаютъ оборонительно, и тутъ Французы на нихъ суются; а они, по своимъ предположеніямъ, отъ битвы уклоняясь, отступаютъ. Мнѣ кажется, недостаетъ у Австрійцевъ головы, способной противостоять настоящей бурѣ: къ дѣламъ избираются люди не по талантамъ, а чрезъ интриги властвующихъ у двора. Потому дивится нечему, ежели постигнетъ ихъ и горшая крайность». «Есть мнѣнія, что Францу-

зы, утвердя ногу въ Италиі, возмутся за руки съ Турками. Я въ настоящее время никакъ того не полагаю. На такую обширную предпріимчивость вдругъ ихъ не станетъ. Ежели Цесарцевъ заставятъ примириться съ Англією, ближе всего имъ бороться съ Англією, которая у нихъ на носу, и опрокинуть ея силы дѣло немалое, буде возможное». Вскорѣ оказалось, какъ извѣстно, что это именно и вошло въ планъ Наполеона.

«Образъ чрезвычайностей, въ наши времена, играетъ человѣческими понятіями. Давно ли новые республиканцы имѣли подъ своею пятою Нѣмецкую землю и на спинахъ Австрійцевъ достигали побѣдоносно до ихъ послѣднихъ предѣловъ? Теперь Жюрданъ, разбитый рѣшительно, стремглавъ бѣжитъ къ Рейну, потерявъ всю артиллерію и Нѣмецкую контрибуцію. Цесарцы, рукою побѣдителей, преслѣдуя бѣгущихъ, заняли Франкфортъ и все потерянное возвращаютъ, какъ и Французы то брали, безъ сопротивленія. Непостижимый переломъ! Но еще чудеснѣе будетъ, ежели устоятъ настоящее превозможеніе и не уподобится молніямъ, что одинъ или два дни видѣли въ Италиі.»

Но успѣху Австрійцевъ не довѣрялъ графъ Завадовскій и прибавилъ далѣе: «Въ войнѣ при всѣхъ потеряхъ преимуществуетъ тотъ, кто продолжать оную можетъ долѣе. За кѣмъ сей пунктъ останется, покажетъ время, и на оное должно вести счетъ.» «Нежеланіе войны по многимъ резонамъ, быть можетъ, рождаютъ во мнѣ безпечность и тотъ мысленный обзоръ, по которому я располагаю обстоятельства, противящіяся оной». Такъ писалъ онъ графу Воронцову, считавшему возможною войну со стороны Турціи. «Я видѣлъ войну порядочную; знаю и таковыя, которыя все съ колѣна ломаютъ. Послѣдній образъ показалъ мнѣ, почему войну всегда зломъ разумѣютъ.» Послѣ пораженія Французовъ Австрійцами: «Всѣмъ радостно, что Французы побиты; но то самое отдаляетъ миръ, и сіе весьма печально.»

*

Вотъ отзывы графа Завадовскаго про государственныхъ людей Екатерининскаго времени.

Князь Потемкинъ. Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сія добродѣтель въ немъ съ излишествомъ. Все стоячее онъ валить и лежащее подымаетъ; врагамъ отнюдь не мстителенъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу; но сіе надобно исполнять бы другимъ. Словомъ, премного добраго; но общая ненависть къ нему выбираетъ только худое. Достигая все покорить подъ свою пяту, не дорожитъ способами; но и величайшій

мужъ Іудій Цезарь былъ in omnia graesers ⁴³⁾. Не уподобляю однако ни успѣховъ, ни конца; ибо сфера неодинакова. Пороки Аннибана, пороки Александра видимъ безъ ихъ великихъ дарованій. До сихъ послѣднихъ достигнуть труднѣе, чѣмъ претворить нашу столицу въ Капую, въ Вавилонъ. Ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣлительныхъ никогда не имѣлъ, а колобродилъ, какъ всякая минута вносила въ голову новую мысль, одна другую опровергающую.»

Графъ Безбородко. «Сердцемъ храбръ, но духомъ не таковъ. Скорь, бездѣлица его тревожить и можетъ утороплять; часто мятется безпокойствомъ, не одумавши вещи прежде. Таковы способности врожденныя столько въ немъ сильны, что не въ состояніи слѣдовать совѣту и таковому, который самъ находитъ добрымъ. Впрочемъ онъ чловѣкъ съ понятіемъ, имѣетъ разсудокъ, расположенъ къ добру, нимало не зломыслящій. Если бы употребилъ прилежность пріобрѣтать свѣдѣнія для его званій нужныя, еслибы можно отнять у него трусливый духъ, тогда бы былъ тѣмъ, каковымъ ему быть должно. Отнюдь не корыстенъ, но больше расточителенъ.—При Зубовѣ его роль уполнѣдительна, но его малый духъ ничѣмъ не трогаетъ. Не имѣетъ духу сказать своего разсужденія, а во всемъ подлаживаетъ на дѣлѣ, на словахъ же выкидываетъ другое.—Я его люблю, видя въ немъ честность, да и потому что онъ меня любитъ.—Страждетъ честолюбіемъ и въ одной низости ищетъ помощи. Его дѣло погружаться въ забавы и увеселенія. Всякъ на его мѣстѣ, стяжавши доходу 150 т., удалился бы; но онъ еще пресмыкается въ чайніи себѣ лучшаго, а наипаче корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристойный. — Низкимъ терпѣніемъ и гибкостію многіе дождались своей погоды. Онъ послѣдуетъ сему правилу. Любилъ богатство и страстенъ былъ къ блеску омаго во всякомъ родѣ: домъ его начиненъ какъ пирогъ, рѣдкими и драгоценными убранствами въ такомъ количествѣ, что приватные всей Европы не идутъ въ уподобленіе.—Безъ благоволенія Фортуны и случаевъ благопріятствовавшихъ никто не вошелъ въ первую знать; но опричь сихъ имѣлъ свою собственность, щедренную отъ природы, какъ то умъ дѣловой и острое понятіе. Непомѣрное любопытство стяжало ему обширное знаніе вещей для государственнаго чловѣка нужныхъ, которыя удерживала всегда присутственными мыслями память его преудивительная. Къ его головѣ трудно прибрать равную, чтобъ также былъ прямигокой нравъ и незлобивое сердце, даже и противъ враждовавшихъ ему. Соблюдалъ правила неподвижна въ единой невоздержности.»

⁴³⁾ Во всемъ стремителенъ.

Князь Зубовъ. Изъ всѣхъ силъ мучить себя надъ бумагами, не имѣя ни бѣлаго ума, ни пространныхъ способностей, коими одними двигать бы можно широкое бремя. Душа въ немъ добра, но боязлива защищать правду или вещи полезныя, а непріятныя. Прилеженъ довольно и понятенъ, но безъ опытности посредственныхъ дарованія меньше успѣха, чѣмъ медленіе въ разсужденіи дѣлъ приносятъ, чему однакожь никакъ не внемлетъ. Весьма прилеженъ къ дѣламъ и oprичъ оныхъ чуждъ всякихъ забавъ, но еще новъ, и потому бремя выше настоящихъ его силъ. При своемъ случаѣ онъ еще не взялъ поверхности надъ волею, что можетъ придти отъ времени. Благонравіе и правдивость въ немъ ощутительны; по сію пору нельзя его не хвалить, но счастье обыкновенно людей портитъ наипаче въ молодости, къ чему являются признаки (въ 1792 г.). Противъ умершаго (Потемкина) талантъ въ немъ неровенъ, но амбиціи во всѣхъ частяхъ наслѣдникъ (въ 1794 г.). Тщеславіе превосходитъ всякую мѣру. Въ нашемъ слою гордыни подобной никто ни видѣлъ (въ 1795 г.). Выше мѣры надъ всѣми господствуетъ».

Князь А. М. Голицынъ, братъ супруги Задунайскаго. «Почтенный старикъ, одинъ онъ и былъ.»

Гр. А. К. Разумовскій. «Нахожу человѣкомъ большихъ способностей.»

Графъ Гудовичъ. «Его не любятъ, ибо скромнень, порядоченъ и правдивъ. Прямая служба, прямая честность всегда позади.»

Графъ Марковъ. Войдя непосредственно въ доклады по иностраннымъ дѣламъ, пріобрѣлъ къ себѣ довѣренность молодаго человека (Зубова) и сталъ пружиною, въ томъ сокращающею участіе вице-канцлера (гр. Остермана) и Безбородки. Всѣми притворствами, составляющими его премерзкой характеръ, онъ напелъ въ фаворитъ столько, что въ немъ видятъ Россійскаго Некара. Вотъ примѣръ, доказывающій, что можетъ вѣтреница, ничего недѣлавшій, а обо всѣмъ лжущій, попасть въ преспособные люди.» «Маркову нельзя не познавать ощутительныхъ вещей; но чтобы быть въ милыхъ, онъ свойственною ему логикою прилаживаетъ мыслямъ и желаніямъ».

Фаворитъ А. П. Ермоловъ. «Я тебѣ (Воронцову) его рекомандую, какъ весьма добраго и честнаго человѣка».

Суворовъ. «Легучій витязь. Предпріимчивъ и самолюбивъ, чудакъ; но всегда побѣждать—есть его жребій, и въ войнѣ всѣ его сверстники останутся позади. Правду сказать, они ему и неровни ни сердцемъ, ни предпріимчивостію. Блажной также. Чинъ по дѣламъ, а не къ персонѣ. Показавъ себя новымъ народамъ, покинетъ (я считаю) старую блажь, а облечется въ новую. Его станеть, вѣрь мнѣ, на военный пиръ».

Безукій. «Два часа мучился я довести человѣка къ правдѣ, по тщетно».

Трошинскій. «Передъ нимъ легко ухитриться и потаить свою мысль. Онъ одинъ и способности, и душу имѣлъ, въ чемъ никто его не замѣнитъ. Потеря весьма значущая» (Это говорилъ Завадовскій, когда Трошинскій въ 1798 году вышелъ въ отставку).

В. С. Поповъ. «Безъ просвѣщенія и безъ талантовъ».

А. М. Корсаковъ. «Человѣкъ честный, страстенъ къ военной службѣ, всѣ достоинства имѣетъ большаго и малаго офицера».

Графъ А. П. Шуваловъ. «Почти всегда дѣйствіе мысль упреждаетъ; но ни въ которомъ случаѣ не уподобится мой духъ боязливому графу Андрея Петровича. Знаніе и способности въ немъ были чрезвычайны, духъ меньше роста и, не вѣдая первыхъ, за послѣдній заслуживалъ презрѣніе. Видѣлъ я въ немъ превосходныя дарованія, отъ природы и приобрѣтенныя, сердце само по себѣ преклонное къ честному, если не предстоитъ страхъ или уваженіе къ случаю; сумасбродства и смѣшныхъ странностей безъ числа, такъ что, сіи одни видѣвши, скорѣе всякъ счелъ бы его сумасшедшимъ, чѣмъ человѣкомъ великаго просвѣщенія».

Игельстромъ. «Передъ мною онъ во все время войны (первой Турецкой) былъ человѣкоугодникомъ. Какъ всегда ему свойственно, потерялъ тотчасъ голову и спасся съ своею свитою и нѣкоторыми подобными генералами уходомъ изъ города къ посту Пруссаковъ» (когда напали Поляки на наши посты).

Адмиралъ Грейгъ. «Мужествомъ Грейга спасена столица. Силы наши морскія въ немъ были страшны. Онъ бы еще зимою сокрушилъ Шведской флотъ, ежели бы до той поры дожилъ. Перваго въ немъ адмирала имѣлъ Россійскій флотъ».

Чичаговъ. «Трудно быть лучшему, пока симъ важнымъ департаментомъ правитъ лгуны и вѣтреница» (т.-е. графъ Чернышовъ).

Графъ А. М. Мамоновъ. «Надменное и самолюбивое животное, исполненъ былъ злости и коварства. Лица кичливаго и надменнаго не слагалъ онъ ни на минуту. Говорилъ пофранцузски, занимался театромъ, и по симъ признакамъ приписывали ему и воспитаніе, и универсальный умъ. Не бывши въ состояніи по слѣдамъ идти князя, раздражалъ только онъ его лѣни и увальчивости».

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. «Хорошо былъ у двора, отличаясь предъ своими сверстниками острою. Таковой тонъ вывелъ его изъ здраваго разсудка. Голова заносчивая. Въ интригахъ придворныхъ его элементъ».

Графъ А. П. Самойловъ. «Ни головы, ни духа».

П. Б. Пассекъ. «Въ немъ и духъ, и способность разумѣють всякому кольцо положить въ губу».

Графъ И. П. Салтыковъ. «Очень сгибается, чтобъ опять войти въ службу».

Князь Репнинъ. «Сроденъ къ лишней осторожности. Всѣ способности имѣеть; но непонятно, какъ упалъ духомъ и сдѣлался преобязливымъ для военнаго дѣла».

Графъ В. П. Пушкинъ. Не мудрецъ, но человекъ честный и храбрый; твердости въ немъ довольно. Могъ бы побивать, но только у Турковъ, гдѣ не искусство, а отвага приносить весь успѣхъ».

Любопытно замѣчаніе графа Завадовскаго о Костюшкѣ. «Костюшко, прославившійся токмо отвагою на великое предпріятіе, ни почему не видно, чтобы имѣлъ потребныя свойства двигать онымъ. Человекъ духа твердаго, но разума не обильнаго».

*

Начало царствованія Павла было, по словамъ Завадовскаго, «преблагословенное». «Государь воцарившійся повседневно изливаетъ милости». Кончина Екатерины застала Завадовскаго больнымъ. Павелъ въ первые же часы по воцареніи выразился о немъ, къ удивленію многихъ, очень милостиво, прислалъ камеръ-пажа узнать о здоровьи, а по выздоровленіи изъявилъ ему свое благоволеніе. Несомнѣнно, Павелъ, какъ человекъ убѣжденій честныхъ, оцѣнилъ графа Завадовскаго по отношеніямъ его къ Зубову, которыя не могли отъ него укрыться. Новый Государь зналъ, что интригами и происками черезъ Зубова добивались мѣсть люди недостойные; видѣлъ, какъ всюду проникала неправда и, испытавъ ее даже на себѣ, желалъ окружить себя людьми честными. Безбородко, прибрѣтшій расположеніе Павла, благодаря случаю, которымъ онъ удостовѣрилъ его о своей ему преданности, завладѣлъ безграничнымъ довѣріемъ Государя. Завадовскій, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, предложилъ графу А. Р. Воронцову поступить на службу. Но тотъ не подался на этотъ вызовъ и продолжалъ жить независимымъ наблюдателемъ.

Павелъ пожаловалъ Завадовскому графское Россійской Имперіи достоинство, а въ день коронаванія орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Но графъ Завадовскій, хотя продолжалъ засѣдать въ Совѣтѣ, Сенатѣ и въ Воспитательномъ Обществѣ и управлять Заемнымъ Банкомъ ⁴¹⁾, ску-

⁴¹⁾ Рескриптъ 3 Января 1797, коимъ велѣно Завадовскому обращающемуся въ Заемный Банкъ университетскую сумму (940 т. р.) передать государственному казначею Васильеву (изъ фамильныхъ бумагъ).

чалъ, за недостаткомъ дѣла. «Я не имѣю никакого дѣла и мѣста», писалъ онъ графу Семену Романовичу: «Титуль больше пустой, чѣмъ дѣятельный, и человекъ, какъ всякій металлъ, ржавѣетъ безъ употребленія». «Ни служба мнѣ, ни я службѣ не полезень». Въ 1798 году, по личному усмотрѣнію Государя, онъ назначенъ главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго Банка. «На голову упала туча претяжелая. Кругъ пренепріятный и презапутанный новыми отраслями. Самолюбивые и неопытные затѣвать весьма охочи. Предмѣстникъ мой ⁴⁵⁾, по своему честолюбію и легкомыслію, какъ по другимъ частямъ, такъ и въ семь, насадилъ довольно спекулятивныхъ затѣвъ, а запачканное бѣлье для всякой прачки тяжкій трудъ».

Завадовскій старался изобразить Государя отсутствующему своему другу, графу Семену Романовичу, который, по старой привычкѣ, сталъ присылать политическія записки. Убѣждая его быть осторожнымъ и не предлагать мнѣній по дѣламъ внѣ его прямой обязанности («вѣсла не указуютъ рулю въ его дѣлѣ»), онъ говорилъ: «Нельзя, да и трудно, попадать на сущій бытъ вещей въ заочности. Столько же неудобны преподаванія о томъ образѣ, коего, я увѣренъ, воображеніе твое не представляетъ». «Въ отдаленіи отъ горизонта можно ли видѣть вещи ясно? Внушая подвиги, должно тутъ же предназначить соразмѣрную онимъ выгоду. Неужели для всѣхъ мы одни даромъ?..... Довольно сказано для проницающаго».

Для самаго графа Завадовскаго скоро наступило разочарованіе. Подозрительный и неудержимо вспыльчивый нравъ Государя ставилъ всѣхъ, его окружавшихъ, въ положеніе тяжкое и сомнительное. Желая искоренить зло, Павелъ дѣйствовалъ круто. Особливо тяжело было то, что все рѣшалось въ первую минуту гнѣва. Рѣдѣлъ кругъ Екатерининскихъ сподвижниковъ: кто изгонялся, кто самъ уходилъ по добру-по-здорову. Такъ отъ дѣлъ удалился Троцинскій, одинъ изъ честныхъ государственныхъ тружениковъ и близкій пріятель графа Завадовскаго. По тѣмъ же соображеніямъ не прельщался службою графъ А. Р. Воронцовъ и не покидалъ Лондона братъ его Семень Романовичъ, не смотря на предложенія занять высокія мѣста. Безбородко былъ проченъ, потому что умѣлъ сразу увѣрить Государя въ своей преданности; но вліяніе его на дѣла вскорѣ упало. Изъ близкихъ къ Завадовскому людей оставался только одинъ Безбородко. Это самое содѣйствовало наибольшему ихъ сближенію при Павлѣ. Но Безбородко по прежнему малодушествовалъ. Такъ, возражая ему противъ проэктированной мѣры обложить пошлиною право владѣнія, т.-е. примѣнить законъ ко времени пропедшему, Завадовскій убѣдился, что Безбородко

⁴⁵⁾ Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

не имѣлъ духа высказать свое мнѣніе. «Не добро, если такими только стѣбами столбы держатся». «А сила мечтаній уноситъ отъ точки благоразумія, и еще долго не улягутъ вѣтры періодическіе».

Императоръ не переставалъ оказывать графу Завадовскому благоклонность и довѣріе. Такъ, напримѣръ, на шестой день по воцареніи, онъ поручилъ ему, совмѣстно съ тайн. сов. Жуковымъ и В. С. Поповымъ, рѣшить тяжбу князя Ксаверія Любомирскаго съ наслѣдниками князя Потемкина ⁴⁶⁾. Онъ назначилъ его попечителемъ надъ женамъ уже Бобринскимъ. Въ 1798 году онъ поручилъ ему разрѣшить дѣло Лопухиныхъ съ избранными отъ нихъ Державинымъ и Извъковымъ, при чемъ повелѣвалось «прекратить единожды навсегда дѣло сіе рѣшительнымъ вашимъ заключеніемъ» ⁴⁷⁾. Въ томъ же году ему пожалованъ крестъ командорскій Іоанна Іерусалимскаго. Въ Февралѣ 1799 года, Государь со всѣмъ царскимъ семействомъ и пріѣзжими принцами, посѣтилъ его балъ, и всѣ, за исключеніемъ Императора (который ложился спать въ 10 часовъ) оставались ужинать.

Но знаки благоволенія не привязывали Завадовскаго къ службѣ. Онъ замѣтилъ, что противъ него затѣваются интриги и пожелалъ удалиться. Неоднократно просилъ онъ объ этомъ замолвить слово Безбородку, просилъ Александра Воронцова, при свиданіи съ Безбородкою, упрекнуть его, что онъ не хочетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, имѣя къ тому возможность. «И неужели я у него не заслуживаю и столь слабаго доброхотства? Заклинаю тебя дружбою, убѣди князя, чтобъ помогъ миѣ получить увольненіе. Проводить меня въ Невской тщетный знакъ дружбы, ибо я того не почувствую, а сіе близко по моимъ ощущеніямъ». Онъ указывалъ Безбородкѣ на необходимость уѣхать въ деревню, чтобъ поправить свое состояніе, разстроенное Петербургскою жизнью. Противъ его увольненія была Императрица Марія Ѳеодоровна, нуждаясь въ немъ по управленію Воспитательнымъ Обществомъ; она очень расположена была и къ супругу Завадовскаго, графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ и выражала ей особенное довѣріе: нерѣдко, запершись съ нею, вмѣстѣ плакали. Завадовскій просилъ и Е. И. Нелидову похлопотать за него; но та отвѣчала, что Государь не хочетъ о томъ и слышать. Намѣреніе удалиться и остатокъ дней провести въ Малороссіи было столь велико, что онъ готовъ былъ получить увольненіе, хотя бы въ видѣ опалы. Такъ писалъ онъ графу Воронцову: «Если услышишь о моемъ удаленіи, принимай это какъ слѣдствіе моего стремленія къ покою; а буде достанется испытъ и не отъ

⁴⁶⁾ Рескриптъ 12 Ноября 1796 (изъ семейныхъ бумагъ).

⁴⁷⁾ Рескриптъ 6 Октября 1898 (изъ семейныхъ бумагъ).

сей чаши, то и та судьба, лишь бы не отымала покоя, не несносна мнѣ будетъ».

Еще Завадовскій не добился отставки, какъ болѣзнь и затѣмъ смерть стараго пріятеля, Безбородки, принесли ему новое огорченіе. «Тяжело разставаться съ товарищемъ своего вѣка. Другъ-друга видѣть не можемъ (писалъ онъ въ Лондонъ во время болѣзни Безбородки), не залившись слезами. Надобно же, по моему несчастію, дожить мнѣ здѣсь, чтобъ и сія лютая сцена совершилась въ моихъ глазахъ. Не можешь вообразить, какъ я страдаю!» Продолжительная болѣзнь Безбородки, его нравственные и физическіе недуги тяжело дѣйствовали на Завадовскаго, почти неотлучно находившагося при больномъ. Безбородко предъ нимъ теперь не скрывалъ, сколько мучили его упадокъ вліянія и холодность свыше. Такая переменна не удивляла Завадовскаго, который по этому случаю замѣтилъ, что «огонь, чѣмъ сильнѣе горитъ, тѣмъ скорѣе гаснетъ».

Когда Завадовскій проводилъ прахъ Безбородки въ Невскую Лавру, у него не осталось болѣе челоуѣка, «кому бы излить душу». «Хотя нравъ и склонности наши не были одинаковы, но свычка и пріязненное обращеніе въ теченіи непрерывномъ больше тридцати лѣтъ дѣйствуютъ на мое сердце наимучительнѣйше». Предъ кончиною своею Безбородко выражалъ ему самую сердечную признательность. Умирая, три раза прощался онъ съ нимъ, какъ бы прося не оставить попрека за прошлое. Чувствительный Завадовскій былъ разстроенъ этими сценами. «Сна не имѣю и позыва къ пищѣ», писалъ онъ Воронцову. «Или разставшись или потерявши всѣхъ милыхъ людей, остаюсь одинъ какъ палецъ и въ новомъ кругу вижу себя совершенно лишнимъ. Подавляюсь грустію и увныемъ и сильно желаю унести мои кости, чтобъ не были зарыты въ оградѣ Невской ⁽⁴⁸⁾. И еслили увольненіе потянется или затруднится, то не за горами будетъ и моя могила».

Канцлерское мѣсто Безбородки предложилъ Государь гр. С. Романовичу Воронцову. Старшій его братъ гр. Александръ Романовичъ желалъ, чтобъ братъ принялъ это предложеніе и просилъ Завадовскаго убѣдить его къ тому. Но Завадовскій раздѣлялъ въ данномъ случаѣ взглядъ своего друга и поддерживалъ его рѣшимость не прельщаться предложеніемъ, хотя для Завадовскаго составляло всегда самое завѣтное желаніе—жить съ Воронцовыми. Онъ не находилъ, чтобъ предлагаемый Воронцову санъ, въ томъ видѣ, въ какомъ поставленъ онъ былъ у насъ, имѣлъ особую цѣну. «Качество министра, премѣняющагося въ экзекутора, завидно ли? Къ сей точкѣ приведено званіе прежнихъ

⁽⁴⁸⁾ Въ этомъ желаніи онъ сходилъ съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и многими другими лучшими людьми Россіи. П. В.

и всѣхъ будущихъ». «Вещи людей влекутъ и отгоняютъ отъ себя по цѣнѣ, въ какое время ту имѣютъ». «Кто не предпочтетъ покойнаго пребыванія стоянію на волнѣ, возносящейся и опадающей?» писалъ Завадовскій графу Александру Романовичу. «По привязанности моей присутствіе его для меня дорого; но самъ разсуди, какъ можно убѣждать любимаго человѣка, да и дружескимъ совѣтомъ, на подвигъ, по которому не увѣренъ въ слѣдствіяхъ? Чтò ты предпримешь, не знаю; а я не смѣю совращать его отъ собственныхъ предположеній». Напрóтивъ, Завадовскій писалъ Семену Романовичу: «Рѣшимость твоя благородна.... Чтò за находка ставить ногу на вертящееся колесо!» А противъ выраженнаго Александромъ Воронцовымъ опасенія, чтобъ братъ его не пострадалъ за отказъ, Завадовскій возражалъ: «Мятешься напрасно. Если не будетъ, останется какъ есть. А когда пріѣдетъ, въ ту пору больше резоновъ беспокоиться. Непонятно для меня, что ты еще не установилъ мысленный глазъ въ прямую точку».

Подозрительность Павла усиливалась. Письму опасно было довѣрять тайны, такъ какъ почта шла «не плавно», по выраженію Завадовскаго; а потому частую переписку онъ считалъ неудобною, о чемъ и предупреждалъ Воронцовыхъ, прибавляя, что «достаётся молчать больше, чѣмъ разговаривать». Завадовскій даже высказывалъ увѣренность, что переписка его съ Воронцовыми читается. (Кто знаетъ, быть можетъ одно изъ такихъ писемъ и рѣшило судьбу Завадовскаго). Еще въ концѣ 1797 года, намекая на существующій порядокъ, прискорбный для Русскаго человѣка, онъ замѣтилъ: «Привычка всякую вещь облегчаетъ; но почто не далось человѣку привыкнуть не мыслить и не чувствовать!» «Молчаніе мое принимай за мое же удостовѣреніе, что твой разсудокъ зрѣтъ вещи и въ отдаленіи».

Екатерининскіе люди все болѣе рѣдѣли вокругъ престола, замѣняясь новыми, а затѣмъ перетасовокъ послѣдовало такъ много, что, по словамъ Завадовскаго, онъ не могъ знать всѣхъ новыхъ лицъ. Къ тому же эти перемѣны совершались такъ часто и такъ быстро, что по его же замѣчанію «блескъ и померцаніе вмигъ». «Къ восходу и закату текутъ наши свѣтила съ ровною скоростію». И къ несчастію обмѣнъ не былъ находкою для государственнаго дѣла: «корабль не грузится, а выгружается людьми способными», писалъ онъ.

Понятно, что Завадовскаго теперь болѣе чѣмъ когда-либо тянуло на родину. Между тѣмъ его недоброжелатели, окружавшіе Монарха, всегда готовы были повредить ему. Зная это, Завадовскій, по смерти Безбородки, былъ въ постоянномъ ожиданіи, «не вѣдая откуда грянетъ громъ».

Случай налетѣлъ самый ничтожный, но достаточный, чтобъ вызвать рѣзкую мѣру вспылчиваго Государя. Въ Ноябрь 1799 года За-

вадовскій, возвратясь изъ Гатчины, узналъ, что секретарь и архивариусъ Банка, опредѣленные: первый Куракинымъ, а второй еще Шуваловымъ, смошенничали на 7 т. р. Сумма ничтожная, и Завадовскій конечно могъ бы ее пополнить; но не рѣшился дѣло оставить въ тайнѣ, когда оно было уже оглашено въ городѣ, и донесъ Государю. Главный директоръ Банка, по уставу, не могъ подлежать здѣсь отвѣтственности; но недругамъ Завадовскаго было достаточно, чтобъ возбудить гнѣвъ Государя, и Завадовскій въ ту же минуту былъ отставленъ. Хотя онъ мужественно переносилъ всякую невзгоду, и теперь, извѣщая о своемъ увольненіи Воронцова, выразился «щепка, брошена ли бурю, или своимъ плаваніемъ, достигла пристанища, лишь бы въ ономъ уже короткіе годы дожить безнавѣтно: возблагодарю Бога»; но какъ бы то ни было, за 40 лѣтъ усердной и плодотворной службы безвинно быть отставленнымъ, это не могло не потрясти Завадовскаго въ его лѣта, и было причиною болѣзни, замедлившей на время отъѣздъ его въ деревню. Замедленіе въ отъѣздѣ графъ Александръ Романовичъ принялъ за нерѣшительность Завадовскаго. Завадовскій отвѣчалъ ему на это: «Я не скоръ, но въ преднамѣреніяхъ твердъ и что обдумалъ, въ томъ не колеблюсь. Въ мысль мою не всходитъ, претерпѣвъ бурю, возвратиться на волны».

Болѣзнь и сборы задержали Завадовскаго мѣсяца полтора. Но онъ спѣшилъ на столько отъѣздомъ, что новый 1800 годъ встрѣтилъ въ дорогѣ. Между тѣмъ Павелъ одумался, и Завадовскаго стали просить остаться. «Совѣтами преубѣдительными довольно преклоняли меня учинить подвигъ; но я на отрѣзъ отказывалъ, не хотя ни за какое благополучіе быть въ дѣлахъ».

Завадовскій со спокойнымъ духомъ оставлялъ столицу, не предполагая когда нибудь въ нее возвратиться. Но отъѣзжающаго напутствовали сообщеніемъ о новой, готовящейся для него непріятности, какъ надо думать, вслѣдствіе отказа его отъ предложенія остаться. «Яко бы арканъ кинуть на меня», писалъ онъ Воронцову. Такая неизвѣстность мучительна была для Завадовскаго, и онъ все остальное время царствованія Павла (годъ и два мѣсяца) былъ подъ страхомъ тяжелой внезапной случайности. «Жестоко, мой другъ», жаловался онъ Воронцову, «преслѣдуетъ меня неминующая судьба. Вмѣсто блаженнаго упокоенія, повергаюсь въ новое горе».

Еслибъ не эта мучительная неизвѣстность, Завадовскій считалъ бы себя вполне благополучнымъ, живя на родинѣ, въ дорогихъ ему Дяличахъ, гдѣ все устроено было имъ самимъ, гдѣ каждое деревцо при немъ посажено. Онъ такъ дорожилъ любимымъ своимъ насажденіемъ, что опустошенія въ его саду бурю несказанно его печалили, тѣмъ бо-

лѣе, что «вѣка не ставало дожидаться тѣни». Свой паркъ онъ расположилъ на 130 десятинахъ. «Часть сія господствующая во мнѣ страсть», вивился онъ Воронцову, «каковую умѣрять разсудительностію не могу себя принудить: по всякій день граничную черту подвигаю впередъ». И дѣйствительно, это сдѣлалось у него страстью; такъ, напримѣръ, обнося свой паркъ на 7 верстѣ каменною стѣною, онъ прельстился дубкомъ за чертою сада и границею дачи и, чтобъ внести его въ свой паркъ, сдѣлалъ изгибъ изгороди и заплатилъ казаку-собственнику за это деревце, съ саженью земли, тысячу рублей. Жизнь въ Ляличахъ, при всемъ однообразіи, была для него раемъ. Ляличи онъ называлъ «Екатеринодаромъ» во имя своей благодѣтельницы. Все здѣсь напоминало ему прошлое: въ паркѣ монументъ Румянцова, въ гостинной мраморная статуя Екатерины во весь ростъ ⁴⁹⁾. Во время обѣда, къ которому, по обычаю нашихъ Русскихъ бояръ того времени, могъ придти всякій, и даже въ отсутствіе хозяина, играла музыка въ сосѣднемъ со столовою залѣ и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Этотъ концертъ всегда оканчивался гимномъ «Слався симъ, Екатерина, слався нѣжная къ намъ мать!» И даже въ царствованіе Александра гимнъ этотъ вызывалъ слезы у посѣтителей Ляличьскихъ обѣдовъ, гдѣ мѣсто хозяина занималъ братъ его Илья Васильевичъ ⁵⁰⁾. Изъ Ляличъ писалъ Завадовскій, что онъ совершенно благополученъ, «и возблагодарю паче и паче мою судьбу, если благоволеніемъ своимъ закроетъ меня въ глубокомъ забвеніи и отратитъ въ невинности моей дальнѣйшія преслѣдованія».

Завадовскій въ деревенскомъ уединеніи далъ полный просторъ своей страсти къ чтенію. И прежде свободное время отдавалъ онъ этому занятію. Такъ, когда онъ жаловался на отсутствіе дѣла при Павлѣ, онъ прочитывалъ всѣ книги, поступавшія въ цензуру, а когда въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, по болѣзни, не выходилъ изъ дому, то прочелъ цѣлую библіотеку, «даже лексиконы Морерія и Белевъ, которые никто не читаетъ.» «Прежде любилъ заниматься древностію Латинскою; напоследокъ, авторы Французскіе, умомъ и пріятностію своего языка, нечувствительно къ себѣ привязали. Безъ напряженія головы можно въ нихъ сосать просвѣщеніе, а въ Латинской мертвой литературѣ надобно рыться нахмуреннымъ челомъ. Преемники наукъ, отъ народа въ народъ, всегда дѣлаютъ шагъ далѣе противъ тѣхъ, отъ коихъ заимствовали оныя.» Интересенъ такой взглядъ Завадовскаго, какъ

⁴⁹⁾ Нынѣ она находится въ Академіи Художествъ, куда пожертвована покойнымъ Д. П. Ознобишинымъ, купившимъ ее, если не ошибаемся, у наслѣдниковъ Энгельгардта, владѣвшихъ нѣкоторое время Ляличами. П. Б.

⁵⁰⁾ Путешествіе въ Малороссію кн. Шаликова. Москва 1804 г., стр. 212, 213.

классика. Не менѣе интересны сужденія его объ исторіи и источникахъ, коими пользуемся мы для ея изученія. «Съ Плутархомъ я знакомъ отъ юности въ переводѣ Латинскомъ. Изображеніемъ вещей восхищаетъ вниманіе. Кисть его всегда предестна и не всегда правдива. Нерѣдко, отходя отъ простой истины, предпочиталъ оной блистательныя басни, которымъ могъ дать свой удивительный покровъ. Светонъ, нѣсколько предшествовавшій ему и отъ котораго заимствовалъ, сколько малъ противъ величайшихъ дарованій Плутарха, столько вѣрнѣйшій писатель. Ежели не всё, то однако же многіе пробѣжалъ я наши исторіи и лѣтописцы. Хаосъ неочищенный отъ лжи и невѣжества. Стоять одни имена и числа, а прочее все завалено грубымъ слоємъ. Отъ глагола къ глаголу, и потомъ изъ книги въ книгу переходили повѣсти, ни разсудительностію, ни явными удостовѣреніями не утвержденныя. Пишущимъ монахамъ не спорили ⁵¹⁾ монастырскія стѣны; а міръ легко-вѣрный, потому что непросвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составилась исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россъ. Всю полосу до царства Іоанна Васильевича должно откинуть *in loca imaginaria* ⁵²⁾, каковы полагались, прежде чѣмъ знали физику, за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣшана подобнымъ мракомъ, каковымъ объаты широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингисхана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, ежели черпать оную хотимъ глубже, а не отъ временъ Петра Великаго. Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго. Голиковы записки я читалъ о семъ царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей, у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не рассказы, онъ лутчій. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи себѣ въ архивахъ Цареградской, Польской и Шведской. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно, потому отдають запахомъ гнилымъ хронологія его и родословныя деревья, на коихъ щепилъ иностранныя прививки, по своей теплой вѣрѣ.» «Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его израженій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему миѣнію, исторія та

⁵¹⁾ Т. е. не помогали, не содѣйствовали.

⁵²⁾ Т. е. въ область вымысловъ.

только пріятна и полезна, которую или философы или политики писали. Но еще наши науки и нашъ языкъ не достигнули до того: то и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною». «Съ Штритеромъ я былъ въ перепискѣ. Онъ свѣдуещъ въ нашей древности; но въ томъ сомнѣваюсь, чтобъ и его сочиненіе просвѣтило оную, наипаче когда опускается въ глубину. Всѣ исторіи равны будутъ одна другой, если захотимъ набивать нашу память токмо бытіями. Тысяча обстоятельствъ, коимъ внимали современники, теряются въ глазахъ потомства, замѣчающаго токмо великія происшествія, что утвердили судьбу государствъ. Голосъ исторіи не должно спускать на тоны скучныхъ мелочей. Правильно онымъ можетъ, къ притяженію нашего любопытства, едино то, что заслуживаетъ вниманіе всѣхъ временъ, изображаетъ дарованіе и нравы людей, въ примѣръ и къ наставленію будущихъ родовъ. По сему желаю увидѣть въ новомъ сочиненіи историка мыслящаго и, что еще рѣже, со вкусомъ, чего не имѣлъ трудолюбивый князь Щербатовъ: написалъ премного, чтобъ не читали. Мое мнѣніе привязано къ эпохѣ Петра Великаго, потому что отъ времени царствованія его Россія непрерывно восходитъ въ гору. Не оспариваю важности предъидущихъ тому происшествій, что царь Іоаннъ, при ослабленіи Чингискаго поколѣнія, овладѣлъ Казанью, нанесъ ударъ Шведамъ и Литовцамъ. Занятіе Сибири, присоединеніе Малороссіи суть значущія дѣла. Но вспомни, какъ первое вверхъ дномъ обращалось, и до колѣкихъ бѣдъ въ свою очередь Шведы и Поляки властвовали; а по двумъ послѣднимъ случаямъ мало пищи для историка, а больше для географовъ. Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, чтобъ наши всѣ матеріалы на времена до Петра Перваго вмѣстить въ оную. Но еще не перевелись, и не такъ скоро перейдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ, древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидній, убѣдившись въ томъ всемірною исторію.» Это писано въ 1801 году. Тѣмъ не менѣе, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, Завадовскій отнесся сочувственно къ изученію нашей до-Петровской старины: при немъ изданъ переводъ Шлёцера Нестора, при немъ возникло въ Москвѣ Общество Исторіи и Древностей, и при немъ же Карамзину облегчена возможность заняться великимъ трудомъ его.

На свое положеніе смотрѣлъ Завадовскій какъ философъ, въ чемъ вѣроятно отразилось его воспитаніе. Такъ, на примѣръ, писалъ онъ своему другу Воронцову: «Спросишь, какъ я въ моихъ бѣдахъ поступаю? Отвѣчаю, придерживаюсь правила Эпикура, утверждавшаго, что сильное зло, какъ моральное такъ и физическое, не можетъ быть

долго, слѣдственно мою жизнь погасить скоро!» Смерть не страшила его: «долгою вѣка и пресѣченіемъ онаго не прельщаюсь, не мятуться, полагая, что для умершихъ то и другое совершенно ничто».

Неудовольствіе къ Завадовскому однако ограничилось только лишеніемъ получаемой имъ пенсіи. Правда, онъ былъ подѣ постояннымъ страхомъ. Мѣстная власть была предувѣдомлена о надзорѣ за нимъ, и этимъ правомъ сугубо пользовался—Суражскій исправникъ, для управленія своего состоянія на счетъ опальнаго вельможи⁵³⁾. Что Завадовскій не могъ быть покоенъ на счетъ дальнѣйшей своей участи, видно изъ слѣдующаго случая. Павлу доложили, что Завадовскій живетъ выше его, т. е. домъ его въ Ляличахъ выше Михайловскаго замка. Завадовскій былъ въ время предувѣдомленъ и успѣлъ насыпать передъ домомъ терасу, закрывъ ею нижній подвальный этажъ: домъ при измѣреніи выходилъ на аршинъ ниже. Насыпь осталась и доннынъ, во свидѣтельство мелочной придиричivosti и людской злобы къ Завадовскому.

Здоровье Завадовскаго стало упадать. Онъ вынесъ, по пріѣздѣ въ Ляличи, сильную простудную горячку. Все время, проведенное имъ въ Ляличахъ, погода была самая неблагопріятная. Онъ сталъ жаловаться, что плохо владѣеть руками и ногами. Если принять въ соображеніе, сколько перенесъ онъ нравственныхъ испытаній, которыя, по его собственному замѣчанію, болѣе чѣмъ лѣта сокрушаютъ здоровье, то не мудрено, что въ 60 лѣтъ онъ чувствовалъ уже упадокъ силъ и здоровья.

Въ царствованіе Павла все вниманіе политиковъ поглощено было Франціею. Слѣдилъ за нею и Завадовскій и высказывалъ по временамъ свои мнѣнія, во многомъ цѣнныя и теперъ. Еще прежде онъ выражалъ предположеніе, что для Франціи всего естественнѣе борьба съ Англіей. Весною 1797 года онъ писалъ: «Между тѣмъ приходитъ мнѣ на мысль, что Французы, не находя возможности внести въ Англію войну, и опасаясь возвратить свои войска восвоеси (что должны бы учинить по заключеніи мира) не хотятъ сойти съ военнаго театра, и чрезъ новыя придирки въ Италіи и въ Нѣмецкой земли стремятся продлить свою кровавую роль». При этомъ предрекалъ онъ, что если вой-

⁵³⁾ По поводу удаленія Завадовскаго существуютъ разныя басни, такъ напр. будто бы Павелъ прислалъ ему ленту или пуговицы, съ компрометирующею его надписью, кои обязанъ онъ былъ носить постоянно. Вовсе этого не было и быть не могло: Павелъ былъ вспыльчивъ и гнѣвенъ, но не издѣвался надъ людьми. Далѣе говорятъ, будто бы Завадовскому воспрещено было отлучаться отъ его дома далѣе 10 верстъ. Это тоже опровергается письмомъ Завадовскаго отъ 18 Февраля 1801 года (т. е. за мѣсяцъ до кончины Павла), въ которомъ онъ писалъ, что былъ у Гудовича, а Гудовича имѣние отъ Ляличъ въ 22 в.

на будетъ, то, «Французы Германію также исковеркаютъ какъ Италію». Онъ не вѣрилъ дѣйствительности намѣреній Французовъ высадиться въ Англію и считалъ, что это разглашается ими въ расчетъ ослабить Англію обороною и держать ее въ страхѣ. «Угрожая войною, легко станется, что одержать податливость на построй чужаго, чему и безъ того должно быть; а дѣло только въ томъ на сей разъ, больше или меньше: ибо Нѣмецкая земля подъ единоначаліемъ, въ своей массѣ, велико значила бы, но раздѣляемая на многія власти, походитъ на Польшу и сближается къ подобной судьбѣ.»

Завадовскій былъ противъ союза нашего съ Англіею, не отрицая, наоборотъ, выгоды союза съ Франціею. «Англичане отзывались къ намъ о помощи, писалъ онъ въ 1798 году,» въ которой конечно откажемъ; а Французы возобновляютъ попытку къ сближенію; сойтись съ ними не лишнее было бы, ибо интересы наши не влекутъ къ противоположному». Другими словами: не допустить усиливаться сосѣдямъ, такъ какъ сильный опаснѣе въ сосѣдствѣ, чѣмъ въ отдаленіи. Мысль Завадовскаго подкрѣпляется урокомъ.

По прежнему находилъ онъ Россію внѣ опасности отъ «Французскаго яда» и писалъ Воронцову: «Не пугайся, что Французы уже вошли въ Римъ, объявили папу лишеннымъ свѣтской власти, оставя ему одну духовную, провозгласили республику Римскую и насадили въ ней древо вольности. По разстоянію и сіе не бѣда. Буря выливаетъ валы изъ береговъ, но когда волны переполняются, море отходитъ въ свой край. Натура всѣмъ править. На сей разъ пускай я буду у тебя атеистомъ». «Нашъ уголь глубокъ», замѣтилъ онъ. «Я такой невѣрующій Тома, что, противъ всѣхъ и общихъ пугливыхъ мнѣній, не боюсь, чтобъ въ нашъ вѣкъ на холодный Сѣверъ переездила умственная горячка.»

Продолжая утверждать, что высадки Французовъ въ Англію быть не можетъ и называя такое предположеніе химерою, Завадовскій въ Египетской экспедиціи Французовъ видѣлъ дальній планъ на Индію, т.-е. уязвимое мѣсто Англіи, хотя успѣха Французовъ въ Египтѣ не ожидалъ. 18 Іюля 1799 года, говоря о предположеніяхъ на счетъ дѣйствій Французской эскадры, Завадовскій утверждалъ, что ее готовятъ вѣроятнѣе всего для возвращенія изъ Египта, а отнюдь не съ цѣлью сразиться съ Англичанами, и еслибъ это случилось, «я въ томъ стою, что будутъ побиты Англичанами». Извѣстно, что 22 Августа Бонапартъ на этой эскадрѣ отплылъ изъ Египта. Въ Маѣ 1800 года изъ Ляличъ Завадовскій писалъ Воронцову: «Отъ настоящей войны не можетъ система Европы остаться прежнею. Не даромъ воюетъ Австрія, и не воюетъ Пруссія. Но главный планъ войны, мнѣ кажется,

собираетъ и твердитъ за собою Англія. Силы ея распространяются на воды всего міра; подымается новая эпоха; равно и господствованіе повсюду торговлею». Замѣчательно, что это писано изъ Ляличъ въ Лондонъ нашему послу, который опасался готовящагося вторженія Французовъ. Разсуждая о политикѣ, Завадовскій останавливается, замѣтивъ, что для того «нужно имѣть горящій факель, а мой погасъ».

*

Вотъ легкія наброски къ характеристикѣ лицъ, которыхъ удавалось Завадовскому узнать во время ихъ перелета при Павлѣ.

Графъ Кочубей. «Отъ природы умный, и въ дѣлахъ способность видна; но по лѣтамъ нравъ горячъ».

Архаровъ. «Къ обрадованію общему упалъ безповоротно».

Князь Прозоровскій. «Человѣкъ достойный, всегда несчастливъ и, напоследокъ, истощенный въ душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ».

Белешовъ. «Я знаю его большія способности для гражданскаго начальника (послѣ удаленія въ Апрѣлѣ 1798 года). Духомъ смѣлымъ или паче дерзостію выигрывалъ и будетъ выигрывать». (Онъ назначенъ потомъ былъ генераль-прокуроромъ).

Неклюдовъ. (По смерти его отъ желчной горячки, полученной вслѣдствіи увольненія). «Жалѣю о немъ сердечно, какъ о моемъ приятелѣ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ свои достоинства».

Князь Лопухинъ. Въ томъ отдаю ему всю справедливость, что въ своемъ поведеніи совершенный контрастъ противъ своего предмѣстника (князя Куракина), ни гордъ, ни заносчивъ, и противъ всякаго тотъ же, что былъ. Благотворитъ многимъ, и ни на чью бѣду не податливъ. Нѣтъ въ немъ жадности ворочать всѣми дѣлами. Природнаго смысла довольно въ немъ. Но кто не сдѣлалъ заранѣе навыка по дѣламъ, тому великое бремя оныхъ и тягостно, и скучно».

Князь Куракинъ А-и Б. Ни одинъ генераль-прокуроръ не былъ со властію толико пространною какъ онъ». «Что выше мѣры вознеслось, то стоитъ надъ стремниною». (Стихъ Ломоносова).

Графъ Панинъ Н. П. Довольно дѣловаго ума. Въ своей молодости и между своихъ сверстниковъ отличается качествами, которыя время и опытность усовершенать. Я предвижу въ немъ способнаго человѣка для политическаго карьера. Талантъ его молодости предвѣщаетъ быть созрѣлаго вѣка». «Въ молодости своей имѣетъ приличное зрѣлому вѣку, прилеженъ къ работѣ и порядку, довольно знанія и смысла и перомъ владѣетъ изрядно. Благородная амбиція и негибкость духа суть въ немъ господствующія качества. Лѣта и опытъ возвеличать въ немъ талантъ безъ сумнѣнія. Впрочемъ, какъ отмѣтный

соболь между своихъ сверстниковъ, еще и тѣмъ отличенъ, что, не выѣзжая изъ Россіи, самъ себя формировавъ».

Обръзовъ. «Въ немъ бродить и донинѣ пустой гвась. Чтбъ было отъ слѣпой случайности, ставить онъ то къ своему таланту. Сколь-ко мечты зарождается въ насъ отъ нашего слабоумія или самолюбія!»

*

Въ Мартѣ 1801 года, передъ сумерками, въ большой гостиной Ляличьскаго дворца, обтянутой гобеленами Бушэ и установленной золоченою мебелью Людовика XV, у мраморнаго камина въ Помпеевскомъ вкусѣ, сидѣлъ задумчиво опальный графъ Завадовскій, устремивъ свой взоръ на прекрасную мраморную статую Екатерины, помѣщавшуюся противъ камина. Неслышною поступью шель лакей съ пакетомъ на серебряномъ подносѣ. «Съ фельдъегаремъ изъ Петербурга». Завадовскій вздрогнулъ. Боже, думалъ онъ, ужели меня лишаютъ и этого покойнаго уголка, гдѣ думалъ я сложить мои кости!... Не обративъ вниманія на черную печать, дрожащею рукою вскрываетъ онъ пакетъ. Глаза его наполняются слезами, онъ цалуетъ дорогія строки и опускается на колѣна. Это былъ собственноручный рескриптъ воцарившагося Александра, любимаго внука незабвенной для Завадовскаго Екатерины, слѣдующаго содержания: «Графъ Петръ Васильевичъ! При самомъ началѣ вступленія моего на престолъ ⁵⁴⁾, я вспомнилъ и вѣрную вашу службу, и дарованія ваши, кои на пользу ея вы всегда обращали. Въ семъ убѣжденіи желаю, чтобы вы поспѣшили пріѣхать сюда принять увѣреніе изустное, что я пребываю вамъ доброжелательный Александръ».

«Графиню! сказалъ, Завадовскій, вставая съ колѣней. «Поздравляю», обратился онъ къ вошедшей женѣ, и передалъ ей рескриптъ императора. «Дворецкаго!» приказалъ онъ лакею.

Черезъ пять минутъ летѣлъ на быстромъ конѣ охотникъ Завадовскаго въ Суражъ къ исправнику съ устнымъ приказаніемъ своего барина пригласить исправника немедленно къ нему. Исправникъ игралъ въ карты и велѣлъ передалъ графу, что занятъ и не можетъ пріѣхать. «Перемѣнить коня», сказалъ Завадовскій, услыхавъ отвѣтъ исправника, «сказать исправнику, что мнѣ экстренно нужно его видѣть, чтобъ не медля пріѣхалъ».

Съ неудовольствіемъ поѣхавъ и не скрывъ этого передъ графомъ, исправникъ началъ съ объясненій, что онъ человекъ занятой, что нельзя за нимъ присылать по ночамъ.

⁵⁴⁾ По словамъ историка Богдановича, въ самый день восшествія на престолъ.

«Мнѣ нужно заготовить лошадей по тракту на Смоленскъ», сказалъ Завадовскій, показывая рескриптъ воцарившагося Государя.

«Простите, виновать», павъ на колѣна, произнесъ оторопѣвшій исправникъ.

Взяточникъ-исправникъ былъ высланъ въ Вятку и вскорѣ, быть можетъ, по настоянію Завадовскаго состоялся указъ объ опредѣленіи впредь исправниковъ по выбору дворянства.

«Не полагалъ я, мой милый другъ», писалъ уже изъ Петербурга Завадовскій графу Семену Романовичу, «увидѣть спасеніе Россіи отъ свирѣпаго обуреванія, не полагалъ перенести гоненій, устремленныхъ на меня лично; но благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ томныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ; ибо Ангель, со стороны кротости и милосердія, царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали; измѣряя потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда ниго не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя. Милый другъ, возблагословимъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ».

Сборы Завадовскаго были столь поспѣшны, что изъ Ляличъ онъ не имѣлъ времени извѣстить о случившемся своего друга и только 7 Апрѣля уже изъ Москвы писалъ Воронцову: «Жиды чаютъ Мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно. Удивишься, мой другъ, что и меня лѣшаго въ столицу вербуютъ! Не могу не повиноваться толико милостивой волѣ».

По прибытіи въ Петербургъ, Завадовскій былъ принятъ Государемъ отмѣнно милостиво, назначенъ членомъ Совѣта, присутствующимъ въ Сенатѣ, а вслѣдъ за тѣмъ предсѣдателемъ Коммиссіи составленія законовъ. По этому случаю Завадовскій получилъ рескриптъ отъ 5 Іюня 1801 года, въ коемъ между прочимъ сказано: «Къ совершенію сего мнѣ казалось нужнымъ избрать человѣка, который бы, сверхъ обширныхъ по сей части свѣдѣній, имѣлъ и достаточное познаніе о дѣйстви бывшихъ доселѣ коммиссій, дабы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе могъ онъ все привести въ настоящее движеніе. Находя въ васъ всѣ сіи свойства и зная съ одной стороны, съ какимъ успѣхомъ употреблены вы были прежде по сей части, съ другой бывъ увѣренъ, что честь содѣйствовать пользамъ Отечества въ столь важныхъ отношеніяхъ не можетъ не быть для васъ не чувствительна, я поручаю вамъ сіе дѣло во всемъ его пространствѣ, ввѣря вашему непосредственному управленію существующую нынѣ Коммиссію о законахъ, подъ единственныхъ моимъ вѣдѣніемъ». «Впрочемъ, представляя вашему благоумію, извѣстной ревности и способностямъ вашимъ изыскать по

симъ первымъ начертаніямъ вѣрнѣйшіе пути къ успѣшному дѣлу сего движенію, удостовѣренъ я, что обнимая во всемъ пространствѣ важность его и всю связь съ пользами Отечества, единая любовь къ нему составитъ уже для васъ сильное и достойное васъ побужденіе, а признательность моя будетъ неотъемлемымъ трудовъ вашихъ послѣдствіемъ ⁵⁵⁾).

Завадовскій съ усердіемъ принялся за дѣло. «Нельзя не усердствовать», писалъ онъ Воронцову, «благодушной волѣ Монарха, и если тужу объ упадкѣ естественныхъ силъ, то въ семъ единомъ случаѣ, что не отвѣчаютъ оныя моему хотѣнію. Теперь малѣйшимъ напряженіемъ головы утомляюсь, и способности не стаегъ къ тому, чтобы вещь обдумать и отдѣлать скоро, что прежде легко происходило. Ссылка, въ которой кромѣ худшаго ничего не чаялъ, подвинула впередъ притупленную мою старость, сокрушительности коея уже и сами лѣта подвергали». Воронцовъ ободрялъ упадающій духъ своего друга, увѣряя, что заря блаженства, наступившая для Россіи, подкрѣпитъ его силы и духъ. «Я пострадалъ много, какъ и самъ ты судишь правильно», отвѣчалъ Завадовскій, «отъ прошедшей бури, свирѣпствовавшей на всю Россію; но ошибаешься въ томъ, чтобы заря блаженства могла поднять упадающій вѣкъ человѣка. Уже недалеко отстою отъ предѣла жизни; цвѣтущимъ лѣтамъ остается поле, и въ отношеніи къ грядущимъ по насъ мысли мои сопричастны радованію». «Жребій мой проводитъ старость не въ покоѣ, не въ отдохновеніи, какъ и вся жизнь суетна была. Возложенъ трудъ: исправить, очистить наши законы, писанные въ мракѣ невѣжества — работа, нѣсколько разъ предпринимаемая въ началѣ и въ теченіи прошедшаго столѣтія. Подвигъ въ томъ Петра I-го, Елисаветы и Екатерины II, далеко отъ коего либо успѣха, а еще далѣе отъ конца; даже не образованы по сей части порядкомъ самыя начала. Роюсь на подобіе моли въ необъятныхъ кипахъ старой и новой подъяческой смѣси, которая не просвѣщаетъ, а только тмитъ слабую мою память. Я не готовилъ себя быть докторомъ юриспруденціи; запасъ мой не больше какъ по любопытству или сколько нужно было для поприща, которое проходилъ не по склонности, ниже по выбору собственному. Совсѣмъ тѣмъ долженъ ползѣть въ сферу законоученія и быть, какъ въ нашихъ полковыхъ репортиціяхъ писывали, за *Нѣмца Русской*. Два мѣсяца утомляюсь работою прескучною, въ которой каждое слово (простосердечіемъ скажу) выводитъ на (пытку вниманія, воображенія и про-

⁵⁵⁾ Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, 19904.

ницательности) тучи книгъ теоретическаго законовѣдства, которое не клеится съ Русскимъ бытомъ. Не надѣюсь, чтобы стало моей жизни окончить преважное дѣло; а непомѣрно хочется истребить кнутъ, котораго я не видалъ ни въ натурѣ, ни въ дѣйствии, но одно наименованіе поднимало и поднимаетъ во мнѣ всю ненависть». Желанію Завадовскаго суждено было исполниться только черезъ полвѣка.

Завадовскій видимо старѣлъ. Здоровье его было сильно подорвано. Понятно, что трудъ законодательный былъ для него тягостенъ, потому что къ каждому дѣлу онъ относился горячо: онъ не могъ дѣлать какъ нибудъ, а природная скромность его и неувѣренность въ своихъ силахъ еще болѣе смущали его. Онъ не думалъ о томъ, чтобы только кончить, а какъ кончить. Въ первомъ случаѣ руководитъ тщеславіе, во второмъ честность. «Законъ нельзя шить на живую нитку», писалъ онъ. «Мой разсудокъ не прилѣпляется къ призракамъ, опытъ жизни править имъ». Милостивое вниманіе Государя одобряло Завадовскаго. «Впрочемъ, по моей части я предвоенъ Государемъ, и съ нимъ дѣло имѣть весьма пріятно: и внимателенъ, и подвиженъ, какъ нельзя больше, къ общему благу. По преклонности моего вѣка не предполагаю какъ только устроить основаніе возложеннаго на меня. Довершить зданіе и произвести плоды остается цвѣтущимъ младостію.»

Завадовскій не могъ ограничиться одною кодификаціею нашихъ законовъ, массу которыхъ давно опередило время; это составляло, такъ сказать, канцелярскую работу. Онъ занялся изученіемъ законодательства другихъ народовъ и не для того конечно, чтобы безъ разбора перенести его на Русскую почву, какъ постушили его преемники; но чтобы ознакомиться ближе съ исторіею и движеніемъ законодательства вообще, а въ частности, путемъ критики и сравненій, опредѣлить, что можетъ быть прикладно для Россіи, при ея бытовыхъ особенностяхъ и степени развитія.

При такомъ отношеніи къ порученной задачѣ, 62-хъ лѣтній старикъ не могъ рассчитывать на ея выполненіе въ его вѣкъ, находя, что для этого даже мало одного царствованія.

Однакожь сильно, со свойственнымъ ему рвеніемъ, занимался онъ этимъ дѣломъ, въ чемъ удостовѣряетъ нижеслѣдующее письмо его къ графу С. Р. Воронцову отъ 24 Ноября 1801 года. «Еще я не удосужился прочитать со вниманіемъ императорское уложеніе, заглянулъ только въ оное. Вижу вещи древнія, которыя вѣкъ просвѣщенный и умягченные нравы отталкиваютъ отъ себя; но я довольно вникнулъ въ разсужденіе ученаго законовѣдца: излагаетъ не новыя, а общія правила и самымъ кратчайшимъ образомъ для матеріи наипространнѣйшей. На полагаемомъ имъ основаніи расположены новыя Прус-

скіе законы. Сію базисъ и сей же самый предметъ имѣло Юстиніаново законодательство, т. е. *persona et res* (лице и вещь). Слово *res* въ Латинскомъ языкѣ имѣетъ пространный смыслъ: подъ онымъ разумѣлись не однѣ вещи, но и дѣянія. Главнѣйше на сихъ двухъ пунктахъ обращается вся сфера юриспруденціи. Я не придамъ тѣмъ вѣсу мнѣнію знаменитаго человѣка, который находитъ по криминальнымъ дѣламъ Англійскіе законы наилучшими, если скажу тебѣ, что я давно ими плѣненъ, какъ произведеніемъ ума человѣческаго превыспренняго; но я никогда не видѣлъ ихъ *in extenso*. Нѣкоторое понятіе, что объ оныхъ имѣю изъ Блэкстона и другихъ писателей, коротко разсуждающихъ, не составляетъ во мнѣ совершеннаго знанія и удостовѣренія о цѣли и положительныхъ началахъ. Вотъ для чего я убѣдительнѣйше прошу тебя, мой другъ, употреби свое стараніе достать въ Англійю полное собраніе законовъ криминальныхъ. Безъ твоей помощи здѣсь успѣтъ мнѣ въ томъ никакъ не можно. Лучше изъ самаго источника черпать воду, чѣмъ изъ ручьевъ удалившихся и мутныхъ. Знаю, что не все хорошее для Англійи удобно приложить къ Россіи; но по возможности приметь звѣно доброе и наша образуемая масса; да еще тѣмъ болѣе, что гражданскіе законы затрудняются вліяніями частными, а уголовныя руководствуется безпрепятственно интересъ общій.

Не смотря на то, что работа видимо кипѣла, матеріалы просмотрѣны, сгруппированы, дѣло казалось остановившимся. Завадовскій привыкъ къ занятіямъ. Привычку къ нимъ онъ усвоилъ еще въ молодости, въ десятилѣтней школѣ при Румянцовѣ. Онъ не скучалъ тогда только, когда имѣлъ много дѣла. Такъ еще въ 1775 году писалъ онъ Воронцову: «Я при фельдмаршалѣ; бывають часы изрядные, и паче когда много дѣла». Мы видѣли, какую обузу возложила на него Екатерина; онъ не жаловался, а писалъ только: «дѣла много, лѣни не поддаюсь.» Напротивъ, онъ скучалъ и жаловался на недостатокъ дѣла, живя во дворцѣ при Екатеринѣ и позднѣе при Павлѣ. Мы видимъ далѣе его личную плодотворную дѣятельность по управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Стало быть, не недостатокъ усердія со стороны Завадовскаго былъ причиною медленія ⁵⁶⁾. Здѣсь была двойная осторожность Завадовскаго: первая—боязнь повредить дѣлу вооб-

⁵⁶⁾ Гречъ въ своихъ Запискахъ аттестуетъ Завадовскаго «лѣнивымъ и пьянымъ.» Постоящій очеркъ, полагаю, долженъ спять съ памяти Завадовскаго первую клевету; что же касается до второй, то слабости такой положительно Завадовскій не имѣлъ. Нареканіи Греча можно объяснить разнѣ медленностію (повторю опять кажущуюся) въ составленіи законовъ; не составилось ли понятіе о пятнахъ по цвѣту лица у Завадовскаго, которое подъ старость краснѣло? Эта особенность наследственная, родовая.

ще поспѣшностію, вторая—неувѣренность въ Государѣ, въ которомъ молодость еще сильно сказывалась, и молодой умъ котораго не былъ свободенъ отъ вліяній. Молодому Императору весьма естественнымъ было желаніе даровать своему народу уложеніе. Это удовлетворяло и движенію сердца, и запросу тщеславія. И послѣднее было извинительно въ человѣкѣ молодомъ и воспитанникѣ Екатерины. Желаніе это было столь сильно, что равнялось нетерпѣнію. Люди, съ завистію смотрѣвшіе на Завадовскаго и не понимавшіе дѣла, какъ оно представлялось въ глазахъ опытнаго государственнаго мужа, поддерживали нетерпѣливое отношеніе къ нему молодаго Императора, который даже спрашивалъ Завадовскаго о причинѣ медленности. Такая поспѣшность въ дѣлѣ величайшей государственной важности, понятно, еще болѣе должна была усугубить осторожность Завадовскаго, который и написалъ тогда Воронцову: «Не безсомнительнымъ шагомъ, а оцупью надобно проходить свое поприще». Завадовскій не ограничился словеснымъ объясненіемъ Императору, а представилъ самимъ имъ написанный, по словамъ Ильинскаго ⁵¹⁾ «прелюбопытный, меморіаль», въ которомъ сослался на массу Россійскихъ законовъ, ихъ разбросанность, трудность привести въ систему, несоотвѣтствіе многихъ изъ нихъ настоящему духу времени. Но Завадовскій видѣлъ, что тутъ было не простое любопытство Императора, а что за нимъ кроется интрига, которая вскорѣ и обнаружилась. Въ Ноябрь 1802 года онъ писалъ Воронцову: «Въ образѣ движенія вещей нѣтъ несомнительности. Еще нашъ горизонтъ до того не очистился, чтобы воспарило на немъ всяческое благо. Велико дѣло и духа великаго требующее поспирать предразсудки. Надобно возлюбить Отечество превыше страстей, прилѣпляющихся къ человѣчеству, чтобы ввести законы въ неподвижное господство, и сію благодать не мы, а развѣ грядущіе по насъ узрять.»

Главнымъ образомъ дѣйствовалъ противъ Завадовскаго его старшій недоброжелатель, тогдашній министръ юстиціи Державинъ. Прежде всего онъ пробовалъ своими придирками дѣлать непріятности Завадовскому. Дѣла особо важныя, и по коимъ не было прямаго закона, Сенатъ отсылалъ на заключеніе въ Коммисію Законовъ. Около двадцати сенатскихъ дѣлъ находилось въ Коммисіи. Державинъ, какъ генераль-прокуроръ, сдѣлалъ напоминаніе и въ письмѣ къ Завадовскому указывалъ на медленность. Завадовскій понималъ конечно, что тутъ дѣло состояло въ желаніи досадить. На повѣрку оказалось однако, что здѣсь была вина Сената и самаго генераль-прокурора, которые присылали въ Коммисію дѣла безнужно, такъ какъ на всѣ, изложенные въ нихъ,

⁵¹⁾ Записки И. С. Ильинскаго, Русс. Архивъ 1879 г. III, 419.

случаи имѣлись законы. Завадовскій поручилъ секретарю Коммисіи Ильинскому составить къ Державину отвѣтное письмо, выраженія котораго однако онъ, по свойственной ему деликатности, смягчилъ. Державинъ хотя болѣе и не обращался со своими напоминаніями къ Завадовскому, но, по замѣчаніямъ людей, близко стоявшихъ къ этому дѣлу, старался всѣми мѣрами подчинить Коммисію Законовъ своему вѣдѣнію. Какъ первый шагъ къ тому онъ исходатайствовалъ составить подъ его предсѣдательствомъ коммисію о сокращеніи канцелярскаго порядка въ Сенатѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ, коммисію, какая при Екатеринѣ состояла подъ предсѣдательствомъ самаго Завадовскаго ⁶³). Членами ея были назначены, несомнѣнно имъ же указанные, сенаторы Ѳ. М. Колокольцовъ, П. И. Новосильцовъ, О. П. Козадавлевъ и И. С. Ананьевскій.

Завадовскій, какъ истинный сынъ Отечества, служилъ только его пользамъ, дѣлу, а потому далекъ былъ отъ всякаго искательства, отъ желанія имѣть вліяніе. Онъ каждую Субботу бывалъ съ дѣлами у Государя и, какъ писалъ Воронцову, «за правило имѣя не втираться въ короткость и не заводить рѣчей о дѣлахъ, о которыхъ не вопрошаютъ меня; слѣдственно я не даю повода ни къ зависти, ни къ ревности противъ меня, чего не убѣждали добивающіеся большаго кредита. Чуждъ будучи всякаго тщеславія, держусь въ службѣ, доколѣ не измѣняетъ благоволеніе и охотно сдамъ книги тому, кто захочетъ посягнуть на мое мѣсто».

Это даетъ намъ понять, что желаніе занять мѣсто Завадовскаго были, и Завадовскій о томъ зналъ. Онъ видѣлъ также, на сколько Государь поддавался постороннему вліянію, чѣмъ свивалось гнѣздо для интригъ. Это могло убивать въ Завадовскомъ энергію. «Всеу трудиться», писалъ онъ, «отказываютъ и голова, и руки».

Не такъ думалъ въ это время графъ Семень Романовичъ, побывавъ на родинѣ. Будучи милостиво принятъ Государемъ и очарованъ ловкимъ Чаргорыжскимъ, онъ былъ въ восторгѣ. Завадовскій умѣрялъ этотъ восторгъ и замѣчалъ ему: «Отъ пылкости чувствъ ты иногда принимаешь виды за вещи. Въ мой холодный духъ свои понятія впечатлѣваются; сіе, можетъ быть, и отъ того, что я долго присутствую на сценѣ, а ты воззрѣлъ на оную мелькомъ». Увлеченія Воронцова и прежде вызывали порицанія со стороны Завадовскаго. Еще въ 1777 году онъ писалъ ему: «Нужно тебѣ, при твоихъ достоинствахъ, свойство душъ прямо великихъ, чтобы иногда блоху не при-

⁶³) Записки Н. С. Ильинскаго, Русск. Архивъ 1879 г. III, стр. 413, 414.

пимать за слона и не помрачать разсудокъ низшими обстоятельствами. Которыхъ ты знаешь людьми для тебя или для многихъ хорошими, всегда обманешься, буде утверждать станешь, что они во всемъ и для всѣхъ таковы». Онъ не отрицалъ въ Александрѣ порывовъ къ добродушію, но не находилъ необходимой твердости и самостоятельности. «Всего хочеть лучшаго и, кажется, стремительно; но лишь къ исполненію, тутъ и препоны. Давно ли дано Сенату право представлять на указы, исходящіе вопреки существующихъ? Но въ первомъ разѣ, что употребилъ оное по голосу Потоцкаго, остался въ утратѣ сего важнаго преимущества; примѣръ ощутительный, который направляетъ мое воображеніе».

Завадовскій порицалъ неустойчивость и шаткость какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутреннемъ управленіи государствомъ. Онъ желалъ закона и порядка твердаго, неизмѣняемаго, колеблемаго ничѣмъ произволомъ. Разъ установленъ законъ, онъ составлять долженъ для народа святыню, потому что только при уваженіи къ этому закону со стороны власти можно чувствовать себя подъ его охраною. Только такимъ отношеніемъ власти къ закону обезпечиваются спокойное развитіе и преуспѣваніе народа. Потому-то такую болью отзывалось въ сердцѣ Завадовскаго всякое посягательство на законъ. И онъ одинъ оставался борцомъ за это начало. А между тѣмъ въ сердцѣ молодаго Монарха было столько доброты, въ его обхожденіи столько очаровательнаго, что Завадовскій не могъ не чувствовать къ нему благоговѣйной преданности. Онъ писалъ Воронцову: «Весьма истинно, что благость сердца неизрѣченная и добрая воля наравнѣ съ оною; но способны ли окружающіе духи обратить направленіе оныхъ въ дѣйствительную пользу? А къ вліяніямъ не заперта дверь! Можетъ быть, время и опытъ переработаютъ колеблемость на твердость; онъ столько милъ и дѣрогъ для общаго блага, что отъ всей души желаю сего».

Вотъ гдѣ надо искать разгадки медленнаго хода въ трудахъ Завадовскаго. Онъ именно считалъ необходимымъ вести дѣло, откинувъ мысль о тщеславіи, такъ чтобъ оно закончено было его преемниками и въ пору возмужалости Императора, когда опытъ вырабатываетъ въ его характерѣ необходимую твердость. Онъ боялся, чтобъ трудъ его не былъ искаженъ людьми увлекающимися и въ своемъ увлеченіи и тщеславіи забывающими благо родины.

Прощаясь съ Ильинскимъ, секретаремъ Коммисіи, котораго любилъ онъ за скромность и трудолюбіе, и говоря о медленности своей работы, Завадовскій спросилъ его: служилъ ли онъ при дворѣ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, замѣтилъ ему: «Слѣдственно не можете знать тамошнихъ дѣяній и всѣхъ оборотовъ; а я знаю дворъ весьма

хорошо. И такъ открываю вамъ мои сображенія: Государь нашъ еще молодъ и окруженъ постоянно молодыми и военными людьми, и ему некогда заниматься столь важными дѣлами, каково законодательство, которое едвали, какъ я замѣчаю, въ царствованіе его и кончиться можетъ»⁵⁴⁾.

Черезъ два года и 8 мѣсяцевъ отъ времени порученія Завадовскому составленія уложенія, онъ извѣщалъ Воронцова: «Составленіе законовъ перешло изъ моихъ въ руки Н. Н. Новосильцова, который весьма того желалъ; а я весьма доволенъ, освободясь отъ большихъ трудовъ не ко времени. Законъ на одинъ день—паутина. Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки. По сей части я употребилъ довольно времени рыться въ своихъ и чужихъ составахъ; пріобрѣтенное тѣмъ остается во мнѣ собственностію». Комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ перешла въ вѣдѣніе генераль-прокурора⁵⁵⁾.

Мы видимъ однако, что по испытаніи другихъ на этомъ поприщѣ законодательная работа опять была вручена Завадовскому, уже семидесятидвухлѣтнему старцу, въ званіи предсѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта.

Державину, столь усердно добивавшемуся подчинить себѣ законодательную комиссію, не удалось пожать лавры. Ни онъ, ни преемникъ его князь Лопухинъ ничего не сдѣлали. Наконецъ, черезъ семь лѣтъ, а именно въ 1810 году, Сперанскій, по соглашенію съ кн. Лопухинимъ (генераль-прокуроромъ) представилъ Государю первую часть составленнаго имъ уложенія. Обрадованный Государь возвѣстилъ объ этомъ событіи своимъ подданнымъ особымъ манифестомъ, а трудъ Сперанскаго передалъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ. Оказалось, что уложеніе было составлено не по Русскимъ законамъ. Государственный Совѣтъ, не найдя въ уложеніи никакихъ ссылокъ на наши законы, потребовалъ отъ Сперанскаго необходимаго въ этомъ дополненія. Это порученіе трудно было исполнить Сперанскому, который, при сочиненіи уложенія, вовсе не справлялся съ Русскими законами. Озадаченный такимъ оборотомъ дѣла, Сперанскій обратился къ Ильинскому съ просьбою подобрать соотвѣтствующіе законы къ статьямъ его уложенія. Дѣлецъ Ильинскій, какъ ни бился, а все таки не могъ вполнѣ удовлетворить требованію. Члены Государственнаго Совѣта, разсматривая трудъ Сперанскаго, пришли къ заключенію, что въ немъ все почерпнуто изъ уложенія Наполеона и не только нашли его противнымъ духу Русскихъ законовъ, но даже съ погрѣшностями

⁵⁴⁾ Записки Н. С. Ильинскаго. Русск. Арх. 1879 г. III, стр. 420.

⁵⁵⁾ Тамъ-же.

граматическими; а Трощинскій высказался при этомъ, что уложеніе написано такъ, чтобъ, «возмутя море, утопить одну муху» ⁶¹⁾.

Такъ комически кончилось великое дѣло въ рукахъ этихъ людей. И только, по предреченію Завадовскаго, въ слѣдующее царствованіе (тѣмъ же зодчимъ, зданіе котораго такъ скоро распалось при Александрѣ) составленъ Сводъ Законовъ, и то съ такою массою противорѣчій, недомолвокъ, что, послѣ обнаруженія, почти полвѣка идетъ законодательная работа надъ этимъ сводомъ.

По учрежденіи министерствъ Государь, замѣтивъ, что права и обязанности Сената не ясно опредѣлены, именнымъ указомъ повелѣлъ Сенату представить о томъ свое мнѣніе. Завадовскій, переживъ (какъ выразился онъ) «судороги Россіи» и испытавъ на себѣ всю силу произвола, весьма естественно возставалъ противъ того порядка, который могъ служить ему питаніемъ.

Вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, онъ старался о присвоеніи Сенату нѣкоторыхъ верховныхъ правъ, какъ на примѣръ: располагать государственными доходами, наказывать смертію безъ конфирмаціи Государя и пр. Державинъ былъ противъ этого и составилъ особый проектъ. Благодушный Александръ проектъ Державина отвергъ, хотя не все, изложенное въ запискѣ Завадовскаго и Воронцова, было имъ принято. Но главный пунктъ, отстаиваемый Завадовскимъ: «дозволяется Сенату представлять Государю о такихъ указахъ, кои сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами или неясны», былъ оставленъ ⁶²⁾. Здѣсь имѣлось въ виду ограничить произволъ министровъ, кои, испрашивая высочайшія повелѣнія, объявляли ихъ помимо Сената, нисколько не собираясь съ существующими законами. Каждый министръ смотрѣлъ на свое министерство какъ на отдѣльное царство. Отъ этого происходила большая путаница, и самая монархическая власть теряла свое обаяніе.

Такой подвигъ Завадовскаго тѣмъ еще выше, что онъ самъ былъ министромъ.

Однако Завадовскій не обезпечилъ за Сенатомъ утвержденныхъ Государемъ привилегій, благодаря вмѣшательству Державина. 11 Апрѣля 1801 года Завадовскій писалъ Воронцову о первомъ случаѣ нарушенія правъ Сената. Состоялся указъ, помимо Сената, объ обязательной службѣ дворянъ унтеръ-офицерскаго чина въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Сенаторъ Потоцкій заявилъ, что этимъ указомъ нарушаются права дворянства. Большинство сенаторовъ согласилось съ

⁶¹⁾ Записки Н. С. Ильинскаго. Русскій Архивъ 1879 г. III, 439.

⁶²⁾ Богдановичъ, Исторія царствованія Александра 1-го т. I, стр. 92, 93.

нимъ, и рѣшили представить Государю объ отмѣнѣ указа. Генераль-прокуроръ (Державинъ) внесъ свое по сему дѣлу «нелѣпное предложеніе, въ которомъ столько ругается, какъ и пугаетъ Сенатъ за дерзновеніе, якобы онъ выходитъ изъ границы повиновенія указамъ. Такова бумага и вѣще побудила Сенатъ изложить передъ Государемъ и свое право, и чувствуемую обиду» ⁶³). С. Р. Воронцовъ прислалъ послѣ того рѣзкую и полную укоризны записку Кочубею.

Съ учрежденіемъ министерствъ въ 1802 году Завадовскій назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Дѣятельность Завадовскаго по этой отрасли еще при Екатеринѣ была памятна. По этому-то въ 1801 году, когда составленъ былъ комитетъ по проекту цесаревича Константина Павловича о военно-учебныхъ заведеніяхъ и подъ его предсѣдательствомъ, Завадовскій былъ назначенъ членомъ онаго ⁶⁴). Поэтому-то не нашлось у него соперника и для занятія мѣста въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, хотя этому назначенію противился сильный своимъ вліяніемъ Лагарпъ ⁶⁵).

«Въ то время, когда въ тайнѣ царскаго кабинета придумывались преобразованія, большею частію мертворожденныя, въ новоучрежденномъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія кипѣла работа. Во главѣ министерства этого стоялъ бывший любимецъ Екатерины. Но то не былъ одинъ изъ тѣхъ временщиковъ, которымъ, послѣ недолгаго значенія, давались отставки съ Александровскою звѣздою и Бѣлорусскими душами. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій имѣлъ государственное значеніе до своего придворнаго случая; значеніе это онъ удержалъ за собою и по выходѣ изъ фаворитскихъ покоевъ зимняго дворца. Онъ принадлежалъ къ сонму тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ орлиный взглядъ Екатерины умѣлъ отыскивать въ толпѣ, которыхъ великая Царица цѣнила и направляла именно на то дѣло, къ которому каждый былъ пригоденъ. Образованный, умный, дѣятельный Завадовскій принялъ участіе во всѣхъ важныхъ реформахъ второй половины царствованія Екатерины. Имъ составлено было знаменитое учрежденіе о губерніяхъ, уставы заемнаго и ассигнаціоннаго банковъ и пр., онъ же съ 1782 года поставленъ былъ во главѣ народнаго образованія».

Завадовскій какъ бы попалъ въ свою сферу. Восьмилѣтняя служба его министромъ народнаго просвѣщенія была столь плодотвор-

⁶³) Русскій Архивъ 1881 г. кн. 2, стр. 155—163.

⁶⁴) Русская Старина 1877 г. кн. 3.

⁶⁵) Семейство Разумовскихъ Васильчикова, т. 2, стр. 63.

на, что, по свидѣтельству историка ⁶⁶⁾, въ эти восемь лѣтъ для народнаго образованія было сдѣлано болѣе, чѣмъ въ цѣлое предшествовавшее столѣтіе. Въ продолженіи одного года въ Петербургѣ было открыто 20 приходскихъ училищъ, въ 1804 году по вѣдомству народнаго просвѣщенія было уже 494 учебныхъ заведеній съ 33 484 учащимися, а въ 1805 году 688 учебныхъ заведеній. При немъ учреждены учебные округа, явились народныя школы, въ уѣздахъ уѣздныя училища, гимназій въ губернскихъ городахъ, открыты университеты въ Харьковѣ и Казани, Педагогическій Институтъ для образованія преподавателей, собственно по его мысли; нѣсколько лицеевъ. Онъ далъ новый уставъ университетамъ, Академіи Наукъ, духовнымъ академіямъ и училищамъ и предоставилъ для всѣхъ даровое образованіе. Десяти и одиннадцатилѣтніе камеръ-юнкеры, сыновья Завадовскаго, ходили въ гимназію. На Завадовскаго роптала по этому поводу знать, упрекая его за то, что сыновья его сидятъ на скамьяхъ вмѣстѣ съ сыновьями сапожниковъ и кучеровъ. Но Завадовскій стоялъ выше этихъ предразсудковъ, считая, что образованіе должно сокращать разстояніе между людьми. Ему хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ поднять въ глазахъ публики эти заведенія, къ которымъ она, какъ ко всякой повизнѣ, относилась недобѣрчиво. Имъ составленъ въ 1804 г. цензурный уставъ, который послѣ 1812 года былъ измѣненъ въ ущербъ свободѣ слова ⁶⁷⁾. Князь Ѡ. Н. Голицынъ въ своихъ Запискахъ упрекалъ Завадовскаго за его преобразованіе учебной части. «Графъ Завадовскій», писалъ онъ, «уже издавна приготовлялся преобразовать его (воспитаніе), а сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія исполнилъ свое намѣреніе ⁶⁸⁾. Еще состоя въ должности главнаго директора училищъ, при Екатеринѣ, Завадовскій представилъ проектъ объ учрежденіи для всѣхъ сословій въ уѣздныхъ городахъ двухклассныхъ народныхъ училищъ, а въ губернскихъ высшихъ четырехклассныхъ училищъ (съ преподаваніемъ въ нихъ послѣднихъ и изящныхъ искусствъ), и четырехъ университетовъ. Такое свидѣтельство современника и прясняя дѣятельность Завадовскаго служатъ лучшимъ опроверженіемъ словъ Греча, будто еслибъ не придано было Завадовскому въ помощь Главное Правленіе Училищъ (въ которомъ засѣдали товарищъ министра и попечитель Московскаго округа М. Н. Муравьевъ, попечители округовъ: С.-Петербургскаго Н. Н. Новосильцовъ, Виленскаго кн. Чарторыйскій и Дерптскаго гр. Строгоновъ), то онъ не

⁶⁶⁾ Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, ч. 1, стр. 140—159.

⁶⁷⁾ Русскій Архивъ 1874 года, кн. 4, стр. 1326.

⁶⁸⁾ Рѣчь на публичномъ актѣ Виенскаго университета 1817.

успѣлъ бы ничего сдѣлать. Муравьевъ былъ человѣкъ слабый, не имѣвшій вліянія на дѣла ⁶⁹⁾. Чарторыжскій, человѣкъ чуждый интересамъ Россіи, совершенно расходился съ Завадовскимъ по политическимъ своимъ видамъ: онъ хлопоталъ единственно объ окончательной колонизаціи Западнаго края. Къ огорченію Завадовскаго, Чарторыжскій, имѣя большое вліяніе на Императора, успѣвалъ въ своихъ планахъ. Такъ извѣстно, что Завадовскій настаивалъ на учрежденіи университета въ Кіевѣ. Съ этою цѣлію онъ ѣздилъ въ Кіевъ въ 1805 году; но по настоянію Чарторыжскаго, это было отклонено. Завадовскій имѣлъ въ виду уберечь отъ колонизаціи Кіевскій край, что составляло задачу и государственную работу при Екатеринѣ; въ Кіевѣ гражданское право должно было читаться по законамъ Русскимъ, а церковное на основаніи правилъ восточной церкви. Съ подчиненіемъ же Кіева Виленскому округу колонизація его удобно достигалась ⁷⁰⁾. Извѣстно нынѣ, что Колонтай писалъ въ то время Снядецкому, по поводу настоящаго вопроса: «Князь Чарторыжскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа (Кіевскаго) также потому, чтобы не нарушить того обобщенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія» ⁷¹⁾. Если припомнимъ записку, поданную Императору сенаторомъ гр. Огинскимъ, объ объединеніи Вильны съ Кіевомъ въ образъ великаго герцогства Литовскаго, подъ управленіемъ одного намѣстника, съ предоставленіемъ образовать отдѣльное Литовское войско и объявить господствующимъ языкомъ языкъ Польскій—то для насъ ясна связь этого документа съ планами Чарторыжскаго. Горькій урокъ открылъ намъ глаза, и мысль Завадовскаго приведена въ исполненіе черезъ три десятка лѣтъ. Новосильцовъ и Строгоновъ были люди увлекающіеся, безъ опредѣленныхъ плановъ и системы въ своихъ проектахъ, которые назывались «мертвожденными»; это были люди малопривычные къ труду, не знавшіе Россіи, съ презрѣніемъ относившіеся къ дѣятельности Завадовскаго, что самое говоритъ въ пользу того, что учебная реформа есть его созданіе. Единственнымъ помощникомъ его былъ секретарь его Мартыновъ (почтенный и трудолюбивый переводчикъ классиковъ).

⁶⁹⁾ Богдановичъ. Исторія царствованія Александра 1-го, ч. 1, стр. 86.

⁷⁰⁾ Исторія Виленскаго учебнаго округа Бархатцева, Русскій Архивъ 1874 г. стр. 1154, 1155.

⁷¹⁾ Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 117. Семейство Рау-мовскихъ Васильчикова, т. 2., стр. 63.

И такъ вотъ какую борьбу долженъ былъ выносить Завадовскій въ Главномъ Управленіи, благодаря сильному вліянію Чарторыжскаго на Государя. Къ тому же взглядъ Завадовскаго на воспитаніе, опередившій предразсудки нашей тогдашней аристократіи, вызывалъ немало порицаній. Противъ нихъ Завадовскій стоялъ одинъ: даже такіе просвѣщенные люди, какими были друзья его Воронцовы, и тѣ заставляли его спорить съ ними и защищаться отъ ихъ замѣчаній и нападковъ. Графъ Семень Романовичъ порицалъ излишнія денежные затраты. Завадовскій отвѣчалъ ему: «Напрасно ты загребаешь въ кучу бесплодныхъ расходовъ и чинимыя издержки для просвѣщенія народнаго. Онѣ не такъ важны въ сравненіи общей пользы. Покупку домовъ для университета рассказы вдвое увеличили. Приращеніе библиотеки, натуральныхъ кабинетовъ и образованіе самаго университета, ветхаго ученіемъ, дѣлали необходимость распространить вмѣстѣ, и покупка произведена не прибавкою суммъ, но изъ опредѣленныхъ на сію часть, въ которой можемъ только сѣять и пещись, а время приноситъ плоды. Злословіе всегда устремляется и на самые полезнѣйшіе подвиги. Не спору, что мало учениковъ; но потому что еще малъ у насъ вкусъ къ наукамъ. Вводимыя училища постепенно подымутъ его; когда хочешь ободрить и возжечь охоту, обыкновенно вещи пошлѣемъ».

Одному профессору Московскаго университета пожалованъ былъ перстень за чтеніе публичныхъ лекцій, и это возбудило зависть и порицанія. Графъ Семень Романовичъ упрекалъ по этому поводу Завадовскаго за излишнюю щедрость. Цѣнность подарка молвою увеличена до чрезвычайности. Завадовскій, объясняя Воронцову, что онъ не податливъ къ расточенію, указалъ ему, что профессоръ, читая лекціи не для студентовъ, а для публики, несетъ трудъ свыше своихъ обязанностей, а потому заслуживаетъ награду, что публичными лекціями увеличивается въ публикѣ жажда къ просвѣщенію, а подарокъ поощряетъ трудъ, безъ чего «нашъ край не можетъ быть приманчивъ для ученыхъ».

Завадовскій клалъ сѣмена просвѣщенія, утѣшаясь плодами, которые предвидѣлъ въ будущемъ. Словомъ, работалъ онъ не для полученія наградъ и отличій, не въ расчетъ удовлетворить собственное самолюбіе; онъ работалъ для будущаго, не имѣя утѣшенія ни узрѣть плодовъ труда своего (ему было 70 лѣтъ), ни представить ихъ въ свое оправданіе порицавшей его публикѣ. Работалъ онъ для будущей Россіи, которая, воспользовавшись плодами его сѣянія, можетъ не узнать и сѣятеля, и тѣхъ трудовъ и скорбей, которые вложилъ онъ въ ся почву. А скорбей приносило ему немало не только отсутствіе

поддержки въ его трудахъ, но противодѣйствіе несочувствовавшей публики, которая призвала себѣ въ союзницы дворскую интригу.

Завадовскій отлично высказался въ письмѣ къ Александру Воронцову, по поводу нападокъ сего послѣдняго на учебную его реформу: «Замѣчанія твои на учебную часть нимаго меня не оскорбляютъ. Ты смотришь, такъ сказать, на зародышъ въ настоящемъ его быту, а мою мысль занимаетъ будущій его возрастъ. Обыкновенно всѣхъ вещей великихъ начатки скудны и малы. Не суди о бесплодіи училищъ потому, что теперь не обилуютъ учащимися. Еще вкусъ къ наукамъ не возродился въ народѣ, а чѣмъ же его поселить, какъ не заведеніемъ общихъ училищъ? Не таковыми ли средствами и всѣ другія государства стяжали просвѣщеніе? Какъ можно хотѣть того, чтобы заря равнялась свѣтомъ солнечному полдню? Эта часть такова: надобно сѣять, трудиться съ терпѣніемъ; а одно время приносить плоды. Гимназій и университеты будутъ имѣть своихъ питомцевъ, посвящающихъ себя должностямъ учителей. Безъ сего предназначенія было бы тягостно казні содержаніе другихъ учениковъ. Неужели ты думаешь, что мы не ставимъ нужными строенія, библіотеки, кабинеты и прочія пособія, потребныя для каждой каѳедры? Всѣ сіи снадобья мало-по-малу и соразмѣрно способамъ приготовляемъ; но вдругъ снабдить тѣмъ училища превзошло бы мѣру возможности. Виленскій университетъ шагаетъ на степень славнѣйшихъ въ Европѣ. Въ свою очередь и Россійскіе подымутся. Науки тоже, что сады: гдѣ болѣе призора, гдѣ больше иждивенія кладутъ, тамъ и лучшіе плоды собираютъ. По этому предмету не бросимъ въ землю бесплодную важныхъ капиталовъ. Ничто, мой другъ, не уходитъ отъ критики. Но сколько вещей знаменитыхъ усовершилось, не взирая на запинаніе отъ оной! Пригвоздимъ къ сей надеждѣ напе разномысліе».

Собственноручныя письма Завадовскаго къ одному только изъ попечителей округовъ, Разумовскому, свидѣтельствуютъ, какъ много личнаго труда вносилъ Завадовскій въ это дѣло, съ какою заботою онъ за нимъ слѣдилъ. Жалуясь на тѣсноту зданій Московскаго университета, онъ просилъ Государя объ уступкѣ для него Екатерининскаго дворца ⁷²⁾. Государь возложилъ это дѣло на военнаго министра, а тотъ отложилъ до поѣздки своей въ Москву. Завадовскій сильно убѣждалъ его подвинуться на эту жертву, писалъ неоднократно о ходѣ дѣла Разумовскому, просилъ его въ поѣздѣ Аракчеева представить ему о необходимости расширить помѣщеніе университета и убѣдить его

⁷²⁾ Занимаемаго нынѣ первымъ и вторымъ кадетскими корпусами.

согласиться на уступку. Тѣснота университетскаго зданія въ Москвѣ особенно озабочивала Завадовскаго. «Ловлю министра по цѣлымъ недѣлямъ, чтобы ему напомнить объ его обѣщаніи», писалъ онъ Разумовскому; а воспользовавшись хорошимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Императора при посѣщеніи имъ Московскаго университета, снова просилъ Государя объ уступкѣ Екатерининскаго дворца и, заручившись личнымъ сочувствіемъ Государя, спѣшилъ извѣстить о томъ Разумовскаго. (Однако Аракчеевъ этого дара не допустилъ). хлопоталъ онъ о подаренномъ Олениною домѣ для университета, на принятіе котораго, должно полагать, по просякамъ сына ея, не послѣдовало соизволенія; хлопоталъ объ уступкѣ городомъ (Москвою) зданія для гимназіи.

Огорчали Завадовскаго свѣдѣнія о неудовлетворительномъ отправленіи обязанностей блюстителями воспитанія. Семидесятилѣтній старецъ, «кроткій и добродушный», Завадовскій дѣлался строгимъ и неумолимымъ. По поводу, на примѣръ, дошедшаго до него свѣдѣнія о пьянствѣ директора Ярославской гимназіи, назначеннаго по указанію Московскаго попечителя, о невниманіи его къ службѣ, на которую онъ не являлся по цѣлымъ мѣсяцамъ (отчего половина воспитанниковъ разошлась), Завадовскій предложилъ отправить немедленно благонадежнѣйшаго ревизора, поручивъ ему возстановить порядокъ въ преподаваніи и донести о директорѣ всю истину. «Директоромъ держатся весь порядокъ и довѣріе публики», писалъ Завадовскій, «то какъ терпѣть пьяницу и нерадиваго въ семъ званіи?» При этомъ Завадовскій писалъ о необходимой строгости и въ выборѣ ревизора, ставя на видъ, какъ печальный примѣръ, посылку университетомъ въ Калугу пьяницу-ревизора. «Сей и ему подобныя соблазны распространяютъ безславіе на начальствующихъ въ самомъ университетѣ». «Не терпите нигдѣ лѣнивцевъ, а найпаче пьяницъ; какъ ни велики были бы таланты, но сего порока не покрываютъ и не замѣняютъ»⁷³⁾. Такую же заботу простиралъ Завадовскій и на другіе округа.

По смерти Муравьева въ 1807 году, Завадовскій, съ соизволенія Государя, предлагалъ мѣсто попечителя Московскаго университета тогдашнему Московскому сенатору и уже славному писателю И. И. Дмитріеву⁷⁴⁾, и за его отказомъ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому, который отъ этой должности тоже отказывался, но, наконецъ, по убѣжденіямъ Завадовскаго, принялъ ее. «Угрюмый и гордый, раздражительный и желчный», рѣдко покидавшій кабинетъ свой, Разумовскій «умѣлъ при случаѣ однако блеснуть въ обществѣ». Такимъ онъ предсталъ пе-

⁷³⁾ Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова. т. 2, стр. 230, 234, 235.

⁷⁴⁾ Взглядъ на мою жизнь, Записки И. И. Дмитріева, стр. 155.

редъ Императоромъ во время высочайшаго посѣщенія Московскаго университета и произвелъ на него особенно хорошее впечатлѣніе, что Государь, при личномъ свиданіи съ Завадовскимъ, и выразилъ ему. Завадовскій поспѣшилъ о милостивомъ отзывѣ Государя извѣстить своего попечителя ⁷⁵⁾. По расположенію къ Разумовскому и по родству съ нимъ старикъ-министръ надѣлялъ его совѣтами и умѣрялъ его раздражительность. О дѣлахъ онъ писалъ ему въ формѣ частныхъ писемъ, собственноручно, а распоряженія передавалъ въ такой мягкой формѣ, что самъ Разумовскій выражался, что Завадовскій съ нимъ обходился «какъ съ капризною любовницею».

Завадовскій не ограничивался отправленіемъ своей непосредственной должности. На него одновременно возлагалось управленіе Министерствомъ Юстиціи. Онъ ко всякому дѣлу вообще относился горячо, принималъ его близко. Такъ, напримѣръ, когда въ комитетѣ министровъ разсматривался новый проектъ сенатскаго дѣлопроизводства, представленный Государнымъ (но неодобренный), Завадовскій замѣтилъ: «государство такъ обширно, что необходимо бы помѣстить департаменты Сената въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, опредѣливъ имъ подсудные округа». Государь отозвался: «я готовъ это сдѣлать» ⁷⁶⁾. Мысль Завадовскаго осуществилась черезъ шесть десятковъ лѣтъ въ образѣ высшей судебной инстанціи — судебныхъ палатахъ. Такъ трудно провести полезную мысль, подсказанную опытомъ и попечительностію о благѣ и пользѣ общей. Краснобаи болѣе успѣвали въ своихъ проэктахъ, щеголявшихъ новизною, хотя бы они вовсе были неприкладны для Россіи. Князь Чарторыжскій, графъ Строгановъ и Новосильцовъ Россію мало знали. Получивъ Французское образованіе и проведя молодые годы за границею и преимущественно въ Лондонѣ, они порицали все родное. Стоило указать на какойнибудь неудобство, чтобы готово было немедленно нововведеніе. «Удостоверившись въ этомъ, я сталъ нѣмъ», писалъ Завадовскій, «и удаляюсь отъ всякаго причастія къ новотворцамъ». Проекты верховнаго совѣта, сочиняемые втайнѣ, отличались отсутствіемъ системы, обдуманности и полнымъ незнаніемъ Россіи. Даже примкнушій къ комитету Кочубей находилъ неудобство въ молодости и неопытности его членовъ, которые, обманываясь сами, могли ввести въ заблужденіе Государя ⁷⁷⁾. «Пружины правленія въ дѣятельности, свойственной вѣку», писалъ Завадовскій, а вѣкъ, по словамъ его «обилуванъ дѣлами, сокрытыми отъ человѣческой разсудительности и предвидѣнія».

⁷⁵⁾ Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикову, т. 2, стр. 53.

⁷⁶⁾ Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова, т. 2, стр. 321.

⁷⁷⁾ Богдановичъ Исторія царствованія Александра I, т. 1, стр. 133.

«Во весь составъ вливаемъ дрожжи: какъ учнетъ бродить, по краткости нашего вѣка, мы всего не увидимъ. Легкое дѣло начинить систему новостями; весьма трудно основать прочно, къ чему потребно долгое и внимательное размышленіе» Мнѣнія людей опытныхъ не принимались. На немногихъ оставшихся сподвижниковъ Екатерины верховники смотрѣли съ презрѣніемъ и недовѣріемъ, которое отчасти раздѣлялъ и либеральный Императоръ. Такъ, по учрежденіи законодательной комиссіи, онъ не назначалъ ея предсѣдателемъ графа Александра Воронцова изъ опасенія, что тотъ слишкомъ пристрастенъ къ старымъ предразсудкамъ. Завадовскій расположилъ Государя оставить предсѣдательство за собою, такъ какъ начертаніе основныхъ законовъ принадлежало исключительно самому Государю. Александръ Павловичъ, при всей своей мягкости и добротѣ, былъ це чуждъ тщеславія и желалъ, чтобъ всякая законодательная мѣра исходила отъ него. Потому-то работалъ онъ съ молодыми своими верховниками втайнѣ. Они составляли планы преобразованія Россіи. Старые служаки съ опасеніемъ смотрѣли на эту работу «неопытныхъ иностранцевъ», какъ называли членовъ комитета. «Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ» писалъ князь А. И. Вяземскій гр. А. Р. Воронцову, «является здѣсь порокомъ, облеченнымъ въ оскорбительный комизмъ» ⁷⁸⁾. «Питтъ и Бонапартъ», писалъ Завадовскій тому же Воронцову, «влили порывъ господствовать молодости, не уподобляющейся необыкновеннымъ ихъ дарованіямъ». «Вникая въ ходъ вещей отъ настоящаго къ будущему, признаюсъ тебѣ, когда я на то подаюсъ, уныніе дуну объемлетъ. На широкое театръ играетъ логкомысліе. Давидъ укорялъ Бога: по что путь нечестивыхъ спѣется?» Не здѣсь ли искать разгадки — почему Завадовскій, далекій отъ тщеславія и мечтавшій о деревенской жизни какъ о высшемъ благѣ, оставался въ Петербургѣ, пополняя собою тотъ малый запасъ людей опытныхъ, которыхъ слово и совѣтъ могли въ критическую минуту оказать спасительное дѣйствіе? Оба: и Завадовскій, стоявшій близко къ государственному кормилу, и Вяземскій, державшій себя вдали отъ него, жаловались на недостатокъ людей. «Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ: вотъ характеристическая черта нашего времени», писалъ Вяземскій ⁷⁹⁾. «Куда дѣлись люди въ столь короткое время?» спрашивалъ Завадовскій ⁸⁰⁾. Извѣщая Воронцова о предположеніи вручить армію, назначаемую противъ Швеціи, Михель-

⁷⁸⁾ Архивъ Кн. Воронцова. т. XIV стр. 392, 393.

⁷⁹⁾ Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ ч. 2 стр. 59.

⁸⁰⁾ Архивъ Кн. Воронцова т. XII, стр. 301

сону, Завадовскій замѣтилъ: «Подумай, давно ли мы знали рядъ людей, въ которомъ онъ былъ невидимъ.» Много мѣсть губернаторскихъ оставались праздными, за неимѣніемъ кого назначить. Завадовскій выводилъ изъ того, что или нѣтъ людей достойныхъ, или сіи послѣдніе уклоняются. «Если уклоняются, то конечно, сіе званіе въ настоящее время сдѣлалось неудобноносимымъ; слѣдственно не притащишь къ оному челоуѣка съ хорошими чувствами, а наипаче, когда постъ скользкой, что является всегдашнимъ спутникомъ неопредѣленной и шаткой внутренней политики.

Завадовскій жаловался, что бывать въ Комитетѣ Министровъ ему «и жалко, и тошно». Приходилось слушать разлагольствованія графа Н. П. Румянцова и вѣчный споръ, безъ всякаго успѣха для дѣла. Завадовскій былъ противъ предложеннаго Румянцовымъ «разума тарифа». «Заглавіемъ не трудно подражать великому Монтестью», замѣтилъ онъ. Румянцовъ рассчитывалъ сбавкою тарифа уничтожить контрабанду. Сбавка полагалась на нѣсколько милліоновъ, когда дефицитъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ достигалъ до 15 милл. рублей. Тутъ была вѣрна убыль казнѣ, по мнѣнію Завадовскаго, а вознагражденіе сомнительно, ибо «мораль нескоро побѣждаетъ алчбу корысти». Завадовскій былъ противъ пошлинъ за земли, розданныя въ давнія времена Вотчинною Коллегіею (о чемъ вопросъ былъ возбужденъ еще въ царствованіе Павла), указывая, что это противорѣчитъ положительному закону о давности, отвергающему всякій фискъ для общаго спокойствія, и столь многимъ манифестамъ, торжественно запрещающимъ всякаго рода казенныя взысканія свыше теченія десяти лѣтъ. Противъ замѣчаній Завадовскаго возражали только тѣмъ, что земли эти достались даромъ. Очевидно, возраженіе было построено далеко не на законной почвѣ. «Охота заводить новыя дѣла вмѣняется въ дѣятельность», писалъ по этому поводу Завадовскій Воронцову, «а и для старыхъ потребенъ вѣкъ, чтобы ихъ очистить».

Возставалъ Завадовскій противъ склонности правительства къ войнѣ съ Франціею и на мнѣніе Чарторыжскаго, имѣвшаго въ томъ свои расчеты, что война не должна останавливать внутреннія дѣла въ ихъ теченіи, что можетъ быть достигнуто помощію субсидій, Завадовскій замѣтилъ: «Я три войны видѣлъ близко; въ началѣ оныхъ предполагалось было тоже, но въ теченіи принуждены были прикасаться способамъ, предполагаемымъ неприкосновенными, и сіе бываетъ потому, что теорія на военные обороты съ практикою различествуетъ».

Завадовскій, какъ мы видѣли, не былъ пристрастнымъ приверженцемъ старины. Онъ радсвался обновленію, гдѣ видѣлъ дѣйствительную пользу, обдуманное и разработанное предложеніе. Свидѣтель-

ствомъ служить одобрительной отзывъ о преобразованіи государственнаго управленія, остающагося безъ измѣненія до нынѣ, а также мысль его раздробить высшую судебную инстанцію—Сенатъ. Но онъ ратовалъ за уничтоженіе дефицита въ государственномъ бюджетѣ путемъ сбереженій; былъ противъ увеличенія налоговъ, былъ противъ жертвъ Россіи на защиту Германіи, подъ предлогомъ опасности для себя. Если былъ онъ щедръ, то развѣ въ расходахъ на народное образованіе, чтó, при соприкосновеніи нашего отечества съ Европою, было настоятельно и неотложно необходимымъ. Онъ желалъ мира для преуспѣянія своей родины и развитія ея матеріальныхъ силъ. Онъ желалъ, на примѣръ, сократить праздники, т. е. соединить ихъ съ первыми воскресными днями (чтó относительно табельныхъ только дней установлено уже при императорѣ Александрѣ II-мъ), чтобъ усилить производительность крал, которому, при общеніи съ дѣятельною и промышленною Европою, приходилось испытывать экономическое поработченіе. Но Завадовскій не могъ не осуждать увлеченій и горячности, съ какою принимались за ломку стараго, разрывая съ нимъ всякую связь. Это вскорѣ по достоинству оцѣнилъ и самъ Императоръ, потерявъ вѣру въ государственную мудрость своихъ сподвижниковъ. А всего тяжелѣе было Завадовскому видѣть, когда незнаніе Россіи и не прямое желаніе ей пользы, а личное тщеславіе, расчеты поддѣлаться и имѣть вліяніе на Императора, руководили нашими верхохватами въ сочиненіи проектовъ. Такъ смотрѣлъ онъ на проектъ графа Сергѣя Петровича Румянцова о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Проектъ этотъ, сшитый на живую нитку по Европейскому образцу, имѣлъ въ виду освобожденіе крестьянъ безъ надѣла землею (чтó составляетъ величайшую мудрость реформы императора Александра II-го). Сътовалъ онъ на графа Н. П. Румянцова, который успѣвалъ въ Комитетѣ Министровъ отстаивать свои проекты, благодаря способности утомлять всѣхъ своею рѣчью.

И вотъ, подъ давленіемъ сознанія, что единичный голосъ его не имѣетъ силы, что онъ лишній въ кругу новыхъ людей («плугъ худо пашеть въ запряжкѣ стараго быка съ юнымъ»), Завадовскій, извѣщая Семена Романовича объ отставкѣ брата его Александра, присовокупилъ: «Кто жилъ довольно и наглядѣлся на волны житейскаго моря, тотъ не пріобщится заблужденіямъ и отойдетъ, чтобы издали смотрѣть, опираясь на свой посохъ». Любимый и чтимый Завадовскимъ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ въ Январѣ 1804 г. удалился отъ дѣлъ. «По свычкѣ долговременной», писалъ Завадовскій его брату, «по дружбѣ усердной, я находилъ въ немъ одномъ сущую отраду для своей души». Смерть Александра Романовича въ концѣ 1805 года лишила Завадовскаго,

какъ выразился онъ; «искреннѣйшаго друга и непоколебимаго въ тридцатилѣтней привязанности. Теперь моя участь, какъ пня изсохшаго, заслоняемаго лѣсомъ, выросшимъ вскорѣ. Нѣтъ тяготы въ томъ, поелику очередь призываетъ къ праху, въ который претворились, исключая тебя, всѣ мои любимые союзники». Завадовскій называлъ Александра Воронцова своимъ наставникомъ. «Кланяюсь благому и любезному моему наставнику, графу А. Р.», писалъ онъ еще въ 1777 году. Имѣя страсть къ просвѣщенію и находя въ образованіи своемъ пробѣлы, онъ привязался къ Александру Воронцову, просвѣщеннѣйшему человеку того времени, заимствуя отъ него и знанія, и ревность къ собственному обогащенію ими.

Въ 1809 году дряхлый физически, хотя еще бордый умомъ, Завадовскій сталъ думать объ отставкѣ. Онъ часто хворалъ, какъ видно изъ писемъ его къ Разумовскому; силы покидали его. Лѣтомъ 1809 года писалъ онъ Разумовскому о непремѣнномъ намѣреніи удалиться, при чемъ добавилъ: «Но мой примѣръ не для васъ. Вы, въ самыхъ сущихъ лѣтахъ, носите званіе почтенное въ томъ городѣ, гдѣ основали пребываніе. Я же старъ и люблю деревню; никакихъ выгодъ не приспособилъ для себя въ столицѣ»⁸¹⁾.

Неудовольствіе, которое пугала публика къ учебной реформѣ Завадовскаго, вызывало у многихъ желаніе видѣть на его мѣстѣ другаго. Но кого другаго? Выборъ былъ не богатый, и Императоръ колебался въ назначеніи преемника Завадовскому. Онъ думалъ о Карамзинѣ, но чинъ Карамзина мѣшалъ этому назначенію.

Наканунъ новаго 1810 года Завадовскій получилъ увольненіе отъ должности министра съ назначеніемъ въ предсѣдателя Департамента Законовъ вновь образованнаго Государственнаго Совѣта. Сперанскій, имѣвшій въ ту пору большое вліяніе на Государя, указалъ на Разумовскаго. Государь, которому памятно было посѣщеніе Московскаго университета, охотно на это согласился, и 11 Апрѣля 1810 года Разумовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. «Сперанскому надобно было не Завадовскаго, а того, кто бы ему не мѣшалъ», писалъ М. Н. Лонгиновъ графу С. Р. Воронцову»⁸²⁾.

Графъ А. К. Разумовскій, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, заплатилъ Завадовскому рѣзкимъ порицаніемъ его дѣятельности; а между тѣмъ весь порядокъ и система, установленныя Завадовскимъ, оставались безъ измѣненій во все время управленія Разу-

⁸¹⁾ Семейство Разумовскихъ, т. 2-й, стр. 251.

⁸²⁾ Русскій Архивъ 1882 г., кн. 4, стр. 179.

III, 11.

мовскаго. Исключеніемъ было развѣ одно печальное явленіе,—это закрытіе Главнаго Правленія Училищъ, живаго органа въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Порицанія Разумовскаго построены были на отзывѣ Сардинскаго посланника Жозефа Местра, по мнѣнію котораго затраты на народное образованіе въ Россіи были лишни и непроизводительны. Местръ твердилъ, что для Царя нужны люди двойкаго рода: храбрые и честные; все остальное не нужно и придетъ само собою и т. п. Мнѣніе лукаваго Итальянца на столько было сильно въ глазахъ Разумовскаго, что онъ рѣшился представить его на благоусмотрѣніе Государя. Къ удивленію, Государь принялъ его благосклонно и выразилъ довѣріе къ преданности графа Местра ⁸³⁾. Такимъ образомъ ослаблена плодотворная дѣятельность дальновиднаго государственнаго человѣка порицаніями Сардинскаго посланника, питомца и покровителя іезуитовъ. Вотъ терновый вѣнецъ, которымъ увѣнчанъ былъ Завадовскій.

Разбирая труды Завадовскаго по управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, послѣ уже его смерти, одинъ изъ профессоровъ Виленскаго университета высказалъ между прочимъ слѣдующее: «Всѣ эти установленія проникнуты цѣлю нравственнаго возвышенія человѣка, связаны одними правилами, раздѣляющимися подобно отросткамъ и сходящимися какъ къ одному корню, къ власти министерской, дающей всей этой машинѣ движеніе, поддерживающей ея жизнь, ростъ и зрѣлость; а все это подъ высшею властію и попеченіемъ Монарха». «И этимъ прекраснымъ учрежденіемъ заявило себя благотворное для науки царствованіе Государя, а восьмилѣтнимъ управленіемъ Завадовскаго, для пользы общества, возвышено это дѣло» ⁸⁴⁾.

Это была единственная изъ возлагавшихся на Завадовскаго должностей, отвѣчавшая его склонности. «Изъ всѣхъ служебныхъ обязанностей ни одна не была такъ близка душѣ Завадовскаго, какъ управленіе Коммиссіею Училищъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Памятникомъ заслугъ Завадовскаго въ дѣлѣ народнаго образованія служить послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманыхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной коммисіи и Главнаго Правленія Училищъ. Время управленія Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи». Такъ говоритъ академикъ Сухомлиновъ ⁸⁵⁾.

⁸³⁾ Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова, т. 2, стр. 72, 251, 255.

⁸⁴⁾ Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 года.

⁸⁵⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1865 г. Октябрь.

Годы и упадокъ силъ заставляли Завадовскаго думать о покоѣ, о прекрасныхъ Ляличахъ, куда сильно тянуло его и куда доводилось ему прїѣзжать лишь на короткое время. Но подроставшая семья привязывала его къ Петербургу, и мысль, которую онъ носилъ при себѣ всю жизнь, о деревенскомъ покоѣ, болѣе чѣмъ когда нибудь трудно было исполнить. Отлучаясь въ это время въ деревню на 2—3 недѣли, онъ такъ дорожилъ каждою минутою, что во все время пути не оставался даже для обѣда, а питался пирожками и разными «попутниками», которыми снабжали его сыновей на дорогу, отбирая то отъ одного, то отъ другаго. Въ послѣдній прїѣздъ его въ Ляличи, лѣтомъ 1810 года, за полтора года до кончины, съѣхались къ нему сосѣди. Послѣ обѣда, когда по его приказанію пѣсенники запѣли Малороссійскую пѣсню: «Ой, ты живешь на горі, а я пидъ горою», онъ расплакался; усердно вторили ему старики-сосѣди; а прощаясь онъ сказалъ имъ, что болѣе съ ними не увидится.

Императоръ Александръ выражалъ ему свое благоволеніе: отроки-сыновья его поступили въ камеръ-юнкеры; въ 1805 году онъ получилъ алмазные знаки Андрея Первозваннаго; въ 1806 году графиня-жена его пожалована кавалерственною дамою Св. Екатерины.

*

Завадовскій высказалъ въ письмѣ С. Р. Воронцову слѣдующія замѣчанія объ учрежденіи министерствъ и о нѣкоторыхъ первыхъ министрахъ. «Въ учрежденіи администраціи государственной я не имѣлъ участія и не прежде о томъ узналъ, какъ дѣло о томъ уже рѣшено. Въ основаніи своемъ благоразумна она и къ устройству государства преполезнѣйшая; но ты самъ вѣдаешь, что, снѣша одержать лучший образъ управленія и дабы не заклепать въ долгій ящикъ, во многомъ система сшита на живую нитку. Потому старый обрядъ съ новымъ часто сталкиваются; конечно, со временемъ всѣ отдѣленія установятся въ предположенный имъ быть, къ чему простерто стараніе, но доселѣ еще квась бродитъ образуемаго хаоса. Настанутъ министры, способные довершить вещи, а первымъ и то въ славу, что проложили лучшую дорогу. Комитетъ министерскій чѣмъ далѣе, меньше воды имѣетъ на свою мельницу. По установленію должны бы всѣ дѣла чрезъ оный проходить, но министръ непосредственные Государю дѣлаетъ доклады, о чемъ Комитетъ и не вѣдаетъ. Едино еще не измѣняется, что самъ Государь всякій разъ присутствуетъ въ ономъ, хотя дѣла и не всегда важны». Указавъ, какъ трудно удержать учрежденію его благую задачу, вслѣдствіе склонности человѣка къ произволу, путемъ котораго на первыхъ же порахъ наши министры ослабили значеніе Комитета Министровъ, онъ жаловался и на нарушеніе правъ Сената, кото-

11*

рый послѣ Петра считали впервые возвышеннымъ. Говоря о столкновении съ Сенатомъ Державина, по поводу мнѣнія Потоцкаго, онъ замѣчаетъ: «По сумасбродству министра, которое природно ему, дѣло сіе столько коверкано противъ обрядовъ сенатскихъ, что трудно предуганать, чѣмъ оно рѣшится. Вовсе голова министра не по мѣсту: школа Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Фемисы держатся здравымъ разсудкомъ. Открывается, что благодать сія намъ припла отъ Зубовыхъ и хотя не могу думать, чтобъ комета пребыла долго, которой пища—розыски и доносы, но и въ малые дни слѣды колобродства не на поверхности останутся». Черезъ семь мѣсяцовъ, по поводу удаленія Державина, Завадовскій извѣщалъ Воронцова: «Общее возрадованіе, что князь Лопухинъ перемѣнилъ Державина. Не дай Богъ, чтобъ когда-нибудь въ министерствѣ очутился подобный поэтъ». Державинъ, полагать надо, убилъ въ Завадовскомъ довѣріе къ поэтамъ вообще: такъ на просьбу Воронцова о Кутузовѣ ⁸⁶⁾ Завадовскій отвѣчалъ ему: «Я его знаю по его поэзіи, а поэты рѣдко способны править другими возжами кромѣ Пегасовыхъ».

«Возжи торговли попались въ руки точно такого, какъ ты описываешь: не то объектъ, что подъ глазами; но мудримъ, чтобъ дальніе концы свѣта притянуть къ нашей точкѣ. Удивительный бредъ! Никогда не уразумѣетъ вещей, потому что самолюбіе оболестило его всевѣднiемъ. Рѣдкій человекъ! Во всякомъ словѣ самъ себя панегиристъ». Рѣчь идетъ о графѣ Н. П. Румянцовѣ. Далѣе говоритъ о немъ Завадовскій: «Представь себѣ министра коммерціи съ той стороны, которую всѣ видятъ; но отзываются, что онъ безкорыстенъ и человекъ претвердый; а придворной маски никто лучше его не носитъ», «неспящъ во дворской сферѣ». Какъ образчикъ увлеченій Румянцова, служить проектъ его установить торговыя сношенія наши съ Японіею, не имѣя ни торговаго флота, ни прочно развитой промышленности, ни выгоды разстоянія въ сравненіи съ другими державами, ничего, что, казалось бы, могло ручаться за нашъ успѣхъ въ соперничествѣ съ ними. «Министръ коммерціи торжествуетъ велегласно», писалъ Завадовскій, «получивъ на сихъ дняхъ увѣдомленіе, что экспедиція его достигла Камчатки, а оттуда идетъ въ Японію. Наибольше рѣчей о проходѣ экватора, который Англичане, Датчане и Голандцы повсегодно переплываютъ безъ всякихъ о томъ проповѣдей. Дорогу другими уже битую принимаемъ за новое открытіе. Увидишь на дѣлѣ, каковы дасть плоды сіе предпріятіе не - неубыточное. Мы еще не достигли того,

⁸⁶⁾ Павелъ Ивановичъ.

чтобъ учредить выгоднымъ образомъ нашу близкую торговлю и уже шагаемъ связать оную съ краемъ наиотдаленнѣйшимъ».

«Министръ финансовъ (*графъ Васильевъ*) въ пространномъ смыслѣ его званія, я не спорю, имѣеть недостатки; но у насъ сія часть, въ сравненіи съ другими государствами, иной образъ, иныя правила имѣеть. Наблюдать статьи приходоу и расходоу только и дѣла; по сему образу начальникъ можетъ управлять первыми правилами ариеметики. Благополучны мы въ томъ, что еще не достигли до тонкихъ умственныхъ изворотовъ, требующихъ отличной головы. Злословіе не щадить и добраго человѣка». «Я не почему не замѣтилъ худой въ немъ нравственности, а напротивъ по своему благопріятству онъ вообще любимъ. Впрочемъ, люди въ мѣстахъ не могутъ пребыть безъ враговъ, а корыстолюбіе порицается можетъ праведно, можетъ и ложно. Я ни отрицаю, ни утверждаю, ибо не знаю того; но въ числѣ маломъ я нахожу его лучшимъ человѣкомъ, къ тому имѣеть духъ и твердость».

Графъ Кочубей «мало по малу отъ насъ отпадаетъ въ удостовѣреніи на свой внутренній вѣсъ. Въ нравѣ его есть скрытность и большое самолюбіе; нѣсколько назадъ пошатнуло было кредитъ его, угожденіями хотѣнію поправилъ себя. Чѣмъ больше вникаю, больше удостовѣряюсь, что нѣтъ у насъ неподвижныхъ планетъ, а всѣ переходяція, на подобіе волны, что одна другую сбиваетъ.»

Беклешовъ «отнѣживался долго (отъ должности Московскаго генералъ-губернатора) словами, а не сердцемъ. Случай имѣлъ изложить велерѣчиво прежнія себѣ досады и, увлекаясь честолюбіемъ, чѣмъ душа его горитъ, предался предложенію». «Пристрастіе къ нему вижу, въ той же мѣрѣ, какъ было къ поэту (Державину); отъ сего выбора я предвижу неминуемыя слѣдствія, что будутъ раскаиваться: будетъ басня Эзопова, что лягушки, недовольны будучи колодоу, получили журавля». «Столько хитръ, какъ я того и не воображалъ. При всей кичливости онъ довольно оборотливъ; въ первыхъ дняхъ по лукавितъ, маскируя свой характеръ передъ лицомъ Москвичей. Вѣрнѣ, на первомъ порогѣ не поткнется».

Графъ А. И. Марковъ (по увольненіи отъ должности посла во Франціи) «внутренне сгараеть честолюбіемъ, не обнаруживая того передъ всякимъ, что обойденъ другими въ роли дѣловой. Чувствуетъ свою степень и опытность. Изрѣдка бесѣдуетъ со мною, причемъ не трудно мнѣ проникнуть его неудовольствіе. Всему противорѣчить всегдашній его нравъ; но должно отдать ему ту справедливость, что, при свѣтскихъ обращеніяхъ, онъ сохраняетъ въ себѣ благородныя чувства. На половинѣ у вдовствующей императрицы всегдашнимъ собесѣдникомъ; говоритъ тамъ, я слышу, и много, и сильно, что, я думаю, и передается.

Я по сему пункту остерегалъ, но онъ показалъ мнѣ свое равнодушіе противъ слѣдствій отъ того. Сколько я понимаю, то извѣстная тебѣ лига прилѣпилась къ нему, чтобъ пустыя мысли перецѣживать на его сито».

«Распорядокъ на страну Оренбургскую хорошъ былъ на головѣ Неплюева; но въ нашъ вѣкъ возлагаютъ на юродиваго и шута» (князя Г. С. Волконскаго).

Графъ С. П. Румянцовъ. «Острота и странность нрава въ одну мѣру слиты». «Острота безъ покрывки хуже простоты». «Сергій Петровичъ опять въ Совѣтъ; братъ упросилъ, представляя, что онъ хотя своимъ товарищамъ будетъ тяжелъ, но Государю и Отечеству полезенъ, и симъ хвастаетъ. Въ немъ полагаютъ бичъ на министровъ. Еще бы не великая бѣда, еслибы одно только министерство получало раны отъ сихъ новыхъ Гракховъ». «Еще не загремѣлъ по Совѣту никакимъ голосомъ, а удерживаетъ всегдашнее свое свойство, переча при всякомъ артикулѣ». «При двухъ новыхъ Гракхахъ дѣла не въ ходу, а во всегдашнихъ спорахъ».

Графъ В. А. Зубовъ «всучился въ значущій фаворъ. Сбылось твое пророчество о немъ. Хитрыми уловками одолѣлъ оплотъ, препятствовавшій ходу его. Стрегущіе не имѣли проразумѣнія. Комета имѣетъ свой огонь, чтобы блистать и расширяться и отражать пружины, влекущія къ закату».

Князь А—й Б. Куракинъ «еще не открылъ своихъ представленій, а я считаю, они будутъ».

Козадавлевъ. «Еще у насъ показался новый Гракъ Козадавлевъ; я думаю, сообщать тебѣ его мнѣніе, представленное Сенату о Польскихъ Филипонахъ *); почувствуешь въ немъ запахъ, пріятный обонянію настоящаго времени».

Трошинскій. «Онъ одинъ таковъ, что смѣло правду говорить, выдерживая и непріятность».

Способность Завадовскаго познавать людей отмѣтила въ молодомъ графѣ Михаилѣ Воронцовѣ будущаго героя. Когда онъ, прослуживъ на Кавказѣ, по волѣ отца, два года, долженъ былъ оставить военное поприще и уже приготовился подать прошеніе въ отставку, Завадовскій не допустилъ его до этого, взявъ на себя отвѣтственность передъ отцемъ за нарушеніе его воли. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ гр. Сомену Романовичу объ этомъ и представилъ ему, что онъ, насилуя желаніе сына, заставляетъ его идти противъ призванія. Старикъ Воронцовъ послушался совѣта стараго и опытнаго своего

*) Старобрядцахъ.

друга, которому такимъ образомъ Россія обязана славнымъ фельд-маршаломъ.

Завадовскій еще въ 1794 году говорилъ о Россіи: «нашъ періодъ роста». Успѣхи Россіи онъ ставилъ въ зависимость главнымъ образомъ отъ политическаго положенія сосѣдей, т.-е. Австріи и Пруссіи. «Сосѣди новые», говорилъ онъ, «одинъ другому естественно врагъ. Слѣдственно или тотъ или другой будетъ на нашей сторонѣ, а особенно ни который не наведетъ опасности». Но при этомъ прибавлялъ онъ: «когда свои границы не крѣпки, всякій барьеръ пустая мечта.» Замѣтитъ надо, что это говорено назадъ тому 90 лѣтъ!

Завадовскій, какъ другъ мира, необходимаго для внутренняго преуспѣянія Отечества, ратуя за нейтралитетъ Россіи, всегда говорилъ за развитіе нашихъ оборонительныхъ средствъ и противъ жертвъ Россіи въ пользу другихъ. Онъ не одобрялъ политики, благодаря которой Россія ослабляла себя ради Нѣмцевъ, давая имъ крѣпнуть. Тотъ же взглядъ онъ высказывалъ и теперь, въ царствованіе Александра. Онъ желалъ мира Россіи, необходимаго для ея внутренняго развитія. Такъ въ 1804 году писалъ онъ Воронцову: «заключенія идутъ на Европейскую войну, которую отврати Господи отъ насъ». Въ Февраль 1806 года писалъ онъ: «Дѣла, сколько я чувствую однимъ слухомъ, тупо идутъ къ рѣшительной точкѣ. По удостовѣренію во многомъ, весьма желаю, чтобъ поворотились къ миролюбивой». Онъ опасался, что Россія вмѣшается въ Европейскую войну, видя наклонность къ тому Государя и главнаго его совѣтника Чарторыжскаго, бывшаго товарищемъ министра иностр. дѣлъ. Формированіе нашихъ боевыхъ силъ, что Воронцовъ называлъ осторожностью, сильно заботило Завадовскаго, потому что въ этомъ читалъ онъ другую цѣль и писалъ Воронцову: «Пунктъ охраненія себя тѣмъ ли начинается, чтобъ шагать на вызовъ? А мы уже задѣли. Что осторожность не считаешь за войну, въ томъ я согласенъ съ тобою; но когда изъ осторожности выходятъ тѣже слѣдствія, что отъ объявленія войны, то имена не перемѣняютъ вещей». Вызовъ состоялъ во вмѣшательствѣ нашего правительства въ отношенія Франціи къ Германіи и настойчивомъ требованіи вознагражденія Сардинскому королю. Завадовскій съ опасеніемъ смотрѣлъ на нашу солидарность съ Европою, предвидя, что мы будемъ въ накладе. Поборники войны представляли о необходимости положить конецъ властолюбію Наполеона, который, захвативъ Данію, можетъ запереть Зундъ и стѣснить нашу отпускную торговлю. Завадовскій на все это возражалъ: «Ежели Бонапартъ рѣшился вторгнуться въ Данію, поспѣемъ ли мы положить ему въ томъ преграду? Онъ заранѣе учредитъ всѣ сильныя способы, а наши пришли бы поздно, да и неровныя. Запе-

реть Зундъ не такъ легко для нашихъ продуктовъ всѣмъ нужнымъ, и тогда перемѣнились бы токмо руки покупателей. Убытокъ отъ того только во мнѣніи; а вооруженіе, поглощающее милліоны, чѣмъ вознаграждать? Въ Германскихъ дѣлахъ господствуетъ интересъ не нашъ, а другихъ державъ по себѣ важныхъ; онѣ не движутся, будучи, по видимому, безбоязненны въ томъ, чтобъ огонь у ихъ пороговъ былъ опасенъ. Не вчужѣ ли мы кидаемъ громъ? Тихія ихъ политики можетъ быть тотъ предметъ, что чѣмъ болѣе угнетены Германцы отъ Французовъ, тѣмъ ближе къ крайности составить у себя общее дѣло; ибо есть черта, на которой подымается духъ и у слабыхъ народовъ въ преломленіе насилія. Я считаю настоящее нашествіе на Германію за преходящее. Въ прежнихъ войнахъ между Императоромъ и Франціею меньше ли страдали? Необыкновенное будетъ токмо то, ежели мы за грабежи Германцамъ станемъ опустошать свои карманы».

Завадовскій отрицалъ представляемую опасность со стороны Швеціи, а находилъ, что «главный и внимательнѣйшій для насъ пунктъ есть Турція». Онъ указывалъ, что военныя силы наши на границѣ ея ничтожны, что ихъ слѣдуетъ усилить, а въ видахъ защиты Порты и своихъ интересовъ «можемъ вносить оружіе и въ ея предѣлы». Однако, по своей дальновидности, Завадовскій, замѣтилъ, что, «подвигая Турковъ стать за себя, надо оглядываться, чтобъ не научить ихъ себя почувствовать». Онъ считалъ необходимымъ, при стѣсненіи отъ Турецкаго правительства подвласныхъ ему Славянъ, возродить въ нихъ надежду на наше сочувствіе и помощь, увѣряя при томъ, что если Французы выйдутъ побѣдителями, то будутъ возбуждать противъ насъ Турцію. «Впрочемъ для важныхъ предаріятій», замѣтилъ онъ, «потребенъ не малый духъ. Укажи мнѣ его. На семь паче мысль моя шатается». Вотъ это еще болѣе прибавляло душевной тревоги Завадовскому, который притомъ видѣлъ, что въ назначеніи начальствующихъ не рурководились убѣжденіями въ личной способности, а вопросъ рѣшался придворною интригою. Такъ, утверждая, что на постъ намѣстника Кавказскаго по опытности и способности нѣтъ лучшаго какъ графъ И. В. Гудовичъ, онъ добавилъ: «Но, къ несчастію, не можемъ освободиться отъ предубѣжденій, порожденныхъ интригами. Посему начальство падаетъ на безталантныхъ, обходя способныхъ. Кустарники, очищая себѣ ростъ, повалили дубы, чтобъ надъ нимъ не первенствовали».

Во главѣ нашей политики стоялъ Полякъ, ненавидѣвшій нашихъ министровъ, презиравшій Россію и злоупотреблявшій довѣріемъ Императора, направляя его либеральныя наклонности въ пользу своей родины. При такихъ его расчетахъ положеніе политическихъ дѣлъ скрывалось отъ нашихъ государственныхъ людей. Зная пылкость и

неопытность Государя и его сподвижниковъ, способность увлекаться и грозныя для страны послѣдствія отъ ихъ политическихъ промаховъ, Завадовскій просилъ Воронцова употребить вліяніе на измѣненіе подобнаго порядка. «Есть случаи», писалъ онъ, «гдѣ иностранныя дѣла требуютъ глубокой тайны; но происшествія явныя, входящія въ виды государственныя, слѣдуетъ ли таить отъ членовъ государственнаго правленія, обязанныхъ одинаковою клятвою споспѣшествовать тому и сохранять тайну во всемъ подлежащемъ оной? Ты, мой другъ, знаешь меня, сколько я не алченъ къ дѣламъ; спокойнѣе жить, когда меньше заботы, и я говорю токмо о порядкѣ вещей, который дѣйствуетъ на слѣдствія оныхъ. Несходно въ государственномъ правленіи дѣлать всякому про себя, или что творитъ десная того не знаешь шуйца. Если ты считаешь, что внемлютъ твоимъ совѣтамъ, внуши истину пословицы: одинъ умъ хорошъ, а два лучше. Не по моимъ какимъ-либо видамъ (я ихъ имѣть не могу, полагая удалиться), но ради общей пользы, я ищу въ тебѣ орудія, каковаго здѣсь не вижу ни въ комъ».

Иногда для сужденія о политическихъ дѣлахъ собирался Совѣтъ, но вопросъ предварительно былъ рѣшаемъ въ кабинетѣ Государя. Такъ весною 1804 года, послѣ убіенія герцога Энгіенскаго, жаловался Завадовскій, что Совѣтъ держанный былъ только «pro forma. Зная волю непреложную, претило благоразуміе говорить вопреки». Но когда въ Декабрѣ 1806 г. политическій горизонтъ нашъ потемнѣлъ отъ тучъ, когда Императоръ созвалъ Государственный Совѣтъ для обсужденія вопроса: какое должна принять положеніе Россія въ виду угрожавшей ей и Европѣ опасности, Завадовскій высказалъ свое мнѣніе съ тою же твердостью и дальновидностью, какими отличались мнѣнія его при Екатеринѣ. Онъ утверждалъ, что «Россія стоитъ внѣ опасности со стороны умысла Наполеона къ возмущенію Польши, такъ какъ тамъ въ вольности и народоправленіи главная масса жителей никогда не участвовала и не имѣетъ о томъ понятія» и полагалъ теперь возможнымъ и удобнымъ для Наполеона дѣйствовать на Турцію, почему находилъ необходимымъ «войти въ сношеніе по сему предмету съ Англійскимъ министерствомъ, предупредить Оттоманскую Порту на счетъ угрожающей ей гибели, послать эмиссаровъ въ Греческія и Славянскія области Турціи для противодѣйствія пагубнымъ внушеніямъ Французовъ и, наконецъ, съ наступленіемъ лѣта, размѣстить сильную армію на Молдавской границѣ и приуготовить къ дѣйствию флотъ въ Черноморскихъ гаваняхъ, а между тѣмъ открыть непосредственно подъ благовиднымъ предлогомъ переговоры съ Наполеономъ». Это мнѣніе, съ незначитель-

ными дополненіями о недопущеніи Пруссіи къ тѣсному союзу съ Францією, было потомъ принято Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ ⁸⁸⁾).

Не-безъинтересенъ отзывъ Завадовскаго о Наполеонѣ въ Февралѣ 1804 г. «Кинувъ въ одну сторону мирную уду, ставить въ другой пушки; въ необыкновенномъ человѣкѣ необыкновененъ и образъ его соображенія и дѣятельности; безспорно, что плутъ, но плутъ огненный и духа дерзновеннаго».

Завадовскій не дожилъ до войны 1812 года, и мы можемъ приложить къ нему же его слова, сказанныя послѣ Аустерлицкаго сраженія относительно друга его А. Р. Воронцова: «Душа его не покидала своей дѣятельности до самой вѣчной точки, наставшей прежде чѣмъ могли поразить его пренесчастныя дѣянія міра. Въ семь пунктѣ умершіе счастливѣе живущихъ».

Завадовскій, среди дворскаго чада, былъ скромнень, пріятливъ и учтивъ, какъ и во всю свою жизнь, съ удовольствіемъ дѣлалъ благодѣянія и никогда не вспоминалъ о нихъ, но полученныхъ не забывалъ. Въ подтвержденіе вѣрности настоящаго отзыва можетъ служить письмо Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову, ставившему ему въ упрекъ, что люди, которымъ онъ благодарствуетъ, ему вовсе не платятъ признательностію. Завадовскій отвѣчалъ ему: «Если добро дѣлаю, то не для прибыли, и не я тому причиною, когда люди непризнательны. Они должны стыдиться, а не я». И какъ бы въ успокоеніе свое онъ приводитъ затѣмъ въ примѣръ Румянцова: «Посмотри на Румянцова, благодѣтеля рода человѣческаго. Но кто признателенъ?» Были люди однако признательные Завадовскому. Его внуку случилось пріобрѣсти портретъ ⁸⁹⁾ собственно для надписи, какъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о благодѣяніяхъ дѣда и признательности за нихъ. На оборотной сторонѣ этого портрета сдѣлана слѣдующая надпись: «Вотъ мужъ, образъ котораго останется въ душѣ моей до гроба, и вы, дѣти, напечатлѣйте почтенныя сіи черты въ душахъ вашихъ съ тѣми чувствами признательности, какія должны вы питать къ благотворителю отца вашего. 1804 года Марта 1 дня».

Такъ понимало Завадовскаго если не все современное ему общество, то большинство, голосъ и судъ котораго высказался въ замѣчательномъ надгробномъ словѣ славнаго Филарета, которое онъ произнесъ при погребеніи Завадовскаго въ Александро-Невской лаврѣ 17 Января 1812 года. Слово сказано на текстъ «Блаженъ мужъ, иже въ премудрости помышляетъ правая и иже въ разумѣ поучается

⁸⁸⁾ Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. 2.

⁸⁹⁾ Копія съ портрета Лампи.

святыиъ». (Сир. XIV, 21). «Если, по слову Премудраго, свѣтла и неувядаема есть премудрость, то почто гробъ избраннаго служителя державной премудрости столь мрачную простираетъ окрестъ себя сѣнь смерти?» — «Ты, безсмертная премудрость, Ты, свѣтоносная истина, неужели оставляешь въ смерти того, кто жилъ для распространенія и огражденія Твоего владычества отъ коварства и порока. Прииди, предстани: Твой образъ освѣтитъ сердца, огорченныя печалію; гласъ Твоего суда и утѣшитъ насъ и наставитъ». Филаретъ указывалъ, какъ велика была жажда знаній у Завадовскаго, которому на смертномъ даже одрѣ собесѣдникомъ и врачомъ была книга, и что истинное любомудріе его было «не занятіе празднаго времени, но подвигъ и польза». По словамъ Филарета, «почившій, не смотря на свое благородство, не гнушался низшими ступенями общественныхъ должностей, и его способности обратили на него вниманіе «Задунайскаго героя», что въ свою очередь еще болѣе раскрыло его способности, и тогда «мечемъ побѣдителя изошрилось перо политика». «Сіе то счастливое перо привело его потомъ къ подножію Престола и толико кратъ освятилось начертаніями священной державной воли». Указавъ на заслуги Завадовскаго по части законодательной и народнаго образованія, «требующаго толикой прозорливости, духа и силы», на ихъ значеніе для Россіи, на рвеніе и усердіе, которое возрастало въ Завадовскомъ чѣмъ болѣе на него возлагаемо было трудовъ и обязанностей, отъ которыхъ не уклонялся онъ даже преступивъ обыкновенный предѣлъ человеческой жизни, проповѣдникъ заключилъ: «Сколько за сими знаменитыми подвигами сына Отчества скрывается скромныхъ добродѣтелей человѣка, но которыя, будучи ближе къ сердцу, ручаются за чистоту дѣяній блистательныхъ! Кротость и чадолубіе въ семействѣ, твердость въ дружбѣ, для которой онъ забывалъ себя, снисходительность въ домочадствѣ, умѣренность во власти, справедливость безъ строгости, милость безъ пристрастія. Можетъ быть, васъ не напишутъ на мраморѣ, но за то въ сердцахъ вы неизгладимы останетесь!»

Какъ нѣженъ былъ Завадовскій къ семьѣ свидѣлствуютъ приведенные выше отрывки изъ его писемъ и благоговѣйная память о немъ дѣтей.

*

Съ цѣлю обновить въ памяти Русскихъ людей образъ достопамятнаго человѣка, мы приняли непосильный для насъ трудъ составить біографическій очеркъ Завадовскаго. Его личныя свойства и заслуги достойны изученія болѣе глубокаго. «Не разрушалъ онъ своимъ примѣромъ то, что назидалъ словомъ или властію», сказалъ о немъ Филаретъ. Пройдутъ вѣка вмѣстѣ съ насажденнымъ Завадовскимъ просвѣщеніемъ, и его жизнь будетъ служить назиданіемъ потомству и ободреніемъ честному труженнику въ борьбѣ за правду и благо своей родины.

И. Листовскій.

*

У графа Петра Васильевича осталось два сына и три дочери. Старшій сынъ графъ Александръ велъ жизнь разсѣянную, хотя былъ человѣкомъ ума недюжиннаго. Онъ извѣстенъ въ преданіяхъ своимъ поединкомъ съ гвардейскимъ офицеромъ Шереметевымъ. Императоръ Николай Павловичъ, встрѣтивъ его разъ, замѣтилъ ему, что онъ не хорошо дѣлаеть, что не служить, и высказалъ желаніе видѣть его на службѣ. Графъ Александръ Петровичъ записался въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ актуаріуса, въ которомъ и окончилъ жизнь, холостякомъ. Братъ его графъ Василій Петровичъ⁹⁰⁾, сенаторъ, женатъ былъ на извѣстной красавицѣ Е. М. Влодекъ. Единственный сынъ ихъ, графъ Петръ Васильевичъ, умеръ въ Римѣ 16 лѣтъ отъ роду. Старшая дочь графа Завадовскаго († 1830) Софія Петровна была за генераломъ маіоромъ княземъ Владиміромъ Николаевичемъ Козловскимъ, имѣла отъ него одного сына Николая, умершаго молодымъ полковникомъ на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ при князѣ Воронцовѣ. Вторая дочь графа Завадовскаго Аглаида Петровна замужемъ была за Могилевскимъ дворянскимъ предводителемъ К. Ю. Мержіевскимъ; у нея осталась одна дочь Марія, замужемъ за Суражскимъ предводителемъ Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ, написавшимъ эту біографію. Меньшая дочь Татьяна Петровна, за д. т. с. Каблуковымъ, имѣла сына Владимира, умершаго бездѣтнымъ и дочерей: Олимпіаду за княземъ Анатоліемъ Ивановичемъ Барятинскимъ, Вѣру за княземъ Голицынымъ и Клеопатру за г. Мессингъ.

Великолѣпное помѣстье графа Завадовскаго, Ляличи (на рѣчкѣ Ипути, близъ города Суража) было продано сыномъ его Васиіемъ г-ну Энгельгардту, отъ него перешло къ барону Черкасову, потомъ къ Атрыганьеву, затѣмъ къ купцу Самыкову, и теперь владѣетъ имъ Еврей.

Князь П. И. Шаликовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка былъ въ Ляличахъ и описалъ ихъ въ своемъ «Путешествіи въ Малороссію». Тому назадъ лѣтъ двадцать одинъ путешественникъ также посѣтилъ Ляличи

⁹⁰⁾ Графъ Василій Петровичъ, до смерти своей, носилъ при себѣ большой золотой закрытый медальонъ, нынѣ принадлежащій его паслѣдницѣ, внутри котораго былъ портретъ его отца и надпись съ означеніемъ, когда онъ скончался: «несчастный день моей жизни послѣдовалъ 10 Января 1812 года».

и, проведя нѣсколько дней подѣ гостепрїимнымъ кровомъ тогдашнихъ владѣльцевъ, написалъ слѣдующіе стихи, включивъ въ нихъ и мѣстныя легенды.

Вотъ здѣсь великая Царица
 Приютъ любимцу создала,
 Сюда искусства созвала,
 И все чѣмъ блещетъ лишь столица
 Въ нѣмую глушь перенесла.
 Планъ начерталъ Гваренги смѣлый,
 Возникъ дворецъ, воздвигнуть храмъ,
 Красивыхъ зданій городъ цѣлый
 Вездѣ виднѣеть здѣсь и тамъ.

Великолѣпные чертоги!
 Ротонда, залъ роскошныхъ рядъ,
 Со стѣнъ на путника глядятъ,
 Съ ковровъ красавицы и боги.
 И полный водъ, луговъ и тѣней,
 Обширный паркъ облегъ кругомъ;
 Кюски и бесѣдки въ немъ,
 И бѣгаютъ стада оленей
 Въ звѣринцѣ темномъ и густомъ.
 Подъ куполомъ на возвышенїи
 Руки художника творепье,
 Стоялъ Румянцова колосъ.

Но все тогъ времени унесъ.
 Еврей Румянцова увезъ,
 Широїй дворъ травой поросъ,
 И воцарилось заустѣнье
 Въ дворцѣ и паркѣ. Только тамъ
 Порою бродить по ночамъ
 Жена подъ чернымъ покрываломъ
 Въ одеждѣ черной... Кто она?
 Идетъ по опустѣлымъ заламъ....
 Ея походка чуть слышна,
 Да платья шумъ, да въ мглѣ зеркаль
 Порою ликъ ея мелькаль.

Еще видѣніе другое:
 По парку ѣздитъ въ часъ ночной
 Карета. Стукъ ея глухой
 Далеко слышенъ. Чтò такое
 Карета та? Кто въ ней сидитъ?
 Молва въ народѣ говоритъ,
 Что будто въ ней сама царица
 Съ своимъ любимцемъ въ паркѣ мчится...

*

Бронзовая статуя графа Румянцовъ, воздвигнутая Завадовскимъ въ Ляличахъ, внушила И. И. Дмитріеву слѣдующіе стихи, которые онъ влагааетъ въ уста самому Завадовскому:

Почетный ликъ! Когдабъ ты былъ изображенъ
 Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
 Гдѣ гордый масульманъ растерзанъ, низложенъ,
 И гдѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ тонула,
 Тогда бы, на тебя взирая, каждый рекъ:
 Румянцовъ славный вождь! — и мимо бы протекъ.
 Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаетъ:
 Здѣсь не герой въ тебѣ блистаетъ,
 Прославившій себя единою войной,
 Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій;
 Но другъ, но ближній мой
 И благотворный геній!

(Соч. И. И. Дмитріева, М. 1818, I, 113).

*

Любовь, дружба, страсть къ здоровому просвѣщенію и политическая мудрость одушевляли достопамятнаго человѣка, изображеніе котораго (снятое съ современнаго портрета, писаннаго на полотнѣ и сообщеннаго намъ И. С. Листовскимъ) приложено къ настоящей книгѣ Русскаго Архива. Со временемъ, когда обнародуются письма къ нему Екатерины Великой и будутъ найдены его бумаги, привлекательный его образъ обрисуется еще ярче и живѣе. П. В.

